ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ.

НАЦІОНАЛЬНЫЯ

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Бертольда Ауэрбаха.

Съ картинами.

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
у Базунова, Звонарева, Попова.

ВЪ МОСКВѢ:
у Леухина, Салаева, Соловьева.

1873.

1

496
1025

Auerbach, Berthold

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ.

НАЦІОНАЛЬНЫЯ

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Бертольда Ауэрбаха.

Съ картинами.

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
у Базунова, Звонарева, Попова, Плотникова и друг.

ВЪ МОСКВѢ:
у Леухина, Соловьева, Салаева, Манухина и друг.

1873.

PT1812
.A3Z315

Дозволено цензурой, Москва. 5 Мая, 1872 г.

МОСКВА.

Въ Типографіи Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.

Sep Ag. 30, 1943

ПРИВѢТЪ БЛАГОСКЛОННОМУ ЧИТАТЕЛЮ!

Предназначаю эту книгу тому, кто любитъ, удалясь отъ шума и дневныхъ заботъ, сосредоточиваться въ уединеніи и размышлять о людской судьбѣ и житейскихъ отношеніяхъ. Кто въ кругу близкихъ чувствуетъ себя на свободѣ и вполнѣ какъ дома, для того она не будетъ докучливымъ гостемъ. День съ его различными занатіями разлучаетъ людей, каждый бываетъ за своимъ дѣломъ, при своей профессіи; вечеромъ же семья, друзья, или сосѣди сходятся вмѣстѣ и дѣлятъ общій досугъ. Въ Германіи существуетъ для этого славное выраженіе: FeierаЬend, «вечерній праздникъ». Мы празднуемъ не одно только освобожденіе отъ труда: развѣ нельзя назвать праздникомъ время, когда освѣжается сердце и духъ въ общемъ, дружескомъ кружкѣ? И вотъ вамъ повѣствуетъ человѣкъ, много испытавшій, усердно старавшійся понять жизнь и пояснить ее другимъ. Слушайте-же всѣ, дѣти, взрослые и старики, юноши и дѣвушки. Для каждаго что нибудь найдется. Въ этой книгѣ содержится написанное до 1870-го года. Многое въ ней, подобно утреннимъ облакамъ, исчезнетъ вмѣстѣ съ днемъ. Но полезно и даже необходимо теперь, въ дни осуществленія нашихъ цѣлей, помнить въ душѣ, какъ трудна и непрерывна была борьба и какое неутомимое мужество мы въ ней оказали.

Да будетъ-же эта книжка въ добрый часъ для всякаго!

Сельскій праздникъ: „Освященіе знаменъ.“

«Es steht ein Baum im Odenwald,
Hat immer grüne Aest.»
«Въ дикомъ лѣсу стоитъ дерево
Съ вѣчно зелеными вѣтвями.»

Пѣсенка эта не выходитъ у меня изъ головы и все звучитъ въ ушахъ своимъ грустно сладостнымъ напѣвомъ съ тѣхъ поръ, какъ я услыхалъ ее въ мѣстѣ ея рожденія. О, сколько-же прекрасныхъ горъ и лѣсовъ въ нашей благословенной Германіи. Думая объ этомъ, я совсѣмъ затрудняюсь, на чемъ остановиться сначала. Радуюсь, что однажды случай доставилъ мнѣ пріятную прогулку съ друзьями черезъ одинъ пустынный лѣсъ. Какъ свободно дышетъ грудь, какъ легко живется промежъ буковыхъ кустарниковъ и густыхъ сосновыхъ лѣсовъ при приближеніи къ горамъ!

Въ субботу прибыли мы въ городокъ Г. Улицы мели и чистили; городъ принималъ свой праздничный видъ; балконъ и ворота ратуши были украшены свѣжими листьями и цвѣтами.

Мы вошли въ гостинницу «золотого льва.»

—Господа навѣрно пришли на нашъ завтрашній праздникъ? спросилъ хозяинъ съ довѣрчивой улыбкой. Да, это будетъ праздникъ на славу! На нашъ вопросъ объ этомъ онъ отвѣчалъ:

—У насъ есть новые пѣвчіе, и вы удивитесь, какъ мастерски поютъ эти молодые люди. Мой сынъ и дочь еще на репетиціи, потому я одинъ.

Нашъ добрый Максъ, имѣющій привычку на всякое предположеніе сначала отвѣчать отрицательно, а за тѣмъ соглашаться, объявилъ, что завтра утромъ онъ будетъ продолжать прогулку одинъ, если мы намѣрены здѣсь оставаться, потому что ярмарочные ряды ему противны, а рыночный шумъ совсѣмъ не дѣлается оттого пріятнѣе, что его наполняютъ родными звуками.

Но вкусное жаркое и свѣтлое вино возстановило единодушіе между нами; Гюнтеръ въ своемъ возвышенно праздничномъ настроеніи заявилъ, что въ будни онъ любитъ гулять по горамъ и доламъ, а Воскресенье предпочитаетъ проводить съ людьми въ деревнѣ, или городѣ; ему весело видѣть на лицахъ трудящагося люда выраженіе спокойнаго довольства.

Наступилъ вечеръ, озолотилъ вершины горъ и свѣтлыя лица дѣвушекъ у источника, гдѣ онѣ какъ-бы гребли золото своими ведрами. Мы желали еще посѣтить развалины замка близь города; но подойдя въ ратушѣ были остановлены уже начавшимся пѣніемъ, которое нерѣдко прерывалось, потому что спѣвались.

Одинъ изъ гражданъ спросилъ насъ: «Вы не изъ общества ли нездѣшнихъ пѣвчихъ?

—Да, я учитель пѣнія, сказалъ Бергеръ, быстро удаляясь, и скоро мы отличили въ залѣ его могучій теноръ.

Когда онъ вернулся оттуда, мы уже спали. На другой день послѣ обѣдни въ городкѣ происходило большое торжество. Всѣ совали туда и сюда съ родостными лицами и поздравляли другъ друга, что даже солнышко почтило празд-

никъ своимъ присутствіемъ; кромѣ того ночью было вѣтрено, такъ что воздухъ освѣжился.

Мы наровнѣ съ прочими обитателями должны были пообѣдать въ одинадцать часовъ; предусмотрительный трактирщикъ предупредилъ насъ, что, тамъ на горѣ нѣтъ ничего добраго, разумѣя подъ этимъ хорошія яства и напитки. Церемонія празднества должна была совершиться не въ городѣ, а на полѣ, передъ развалинами, гдѣ хотѣли собраться пѣвчіе съ сосѣднихъ мѣстъ.

Шествіе открылось; впереди были музыканты, и мы торжественно подвигались. Бергеръ пошелъ съ пѣвчими.

Знамя было еще сокрыто; головы молодыхъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ хору, были украшены вѣнками изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Съ ближайшихъ горъ раздавались мортирки; дѣти прыгали и шумѣли. Наконецъ на большихъ фурахъ, украшенныхъ елками, прибыли сосѣдніе пѣвчіе, и были встрѣчены радостными, сердечными привѣтствіями.

Максъ однако, несмотря на все это, остался при своемъ дурномъ настроеніи и сказалъ: «Что это за безобразіе? Всюду теперь пошли оглушительныя празднества и пѣнія, которыя только убиваютъ въ сердцахъ мужество.» Гюнтеръ спокойно взглянулъ на меня, не возражу-ли я чего, и когда мы спускались по тропинкѣ оврага, промолвилъ: «странный ты человѣкъ; вѣчно жалуешься, что мы возимся съ старымъ и вымершимъ, и ничто новое намъ недоступно. А когда тебѣ что нибудь представляется, ты отворачиваешься съ кислой миной, говоря, что не того ожидалъ. Вотъ созрѣвшая, волнующаяся рожь. Молодые побѣги сначала бываютъ ввидѣ травы; но вскорѣ появляется стебель, а затѣмъ и золотистый плодъ. Взгляни на эту процессію; это пилигримство нашего времени созданное самимъ народомъ, которое ведетъ къ ве-

ликимъ результатамъ: черезъ него онъ получаетъ кое что изъ наслѣдства, оставленнаго намъ великими умами. Развѣ всѣ наши славные поэты существовали доселѣ для людей, собранныхъ здѣсь? Доставалось-ли имъ хоть что либо изъ лучшаго, созданнаго въ наше столѣтіе? Теперь-же извлеченное избранными изъ глубины нѣмецкаго чувства, звучитъ живо и свѣжо въ устахъ всего народа. Пѣсня раздается не тяжеловѣснымъ словомъ, а паритъ въ напѣвѣ вдоль лѣсовъ и горъ, и проникаетъ въ глубь сердецъ. Пока наши поэты существовали только на бумагѣ, большая народная семья ихъ не знала. Теперь-же пѣсни, подаренныя имъ лѣсами и горами, возвращаются ими обратно туда-же, и такимъ образомъ духъ ихъ дѣйствительно облетаетъ міръ. Звуки несутся, выражая, что мы теперь чувствуемъ, что насъ радуетъ и печалитъ, чего мы жаждемъ и на что надѣемся.»

Наконецъ мы достигли развалинъ замка, откуда далеко видна была окресность. Тамъ уже ожидало общество сосѣднихъ пѣвчихъ. Раздались радостныя, громкія привѣтствія, а кругомъ все было въ порядкѣ, какъ бы по волшебству невидимой силы. Когда всѣ стали по мѣстамъ, собраніе запѣло мелодію Уланда:

Воскресная пѣсня пастуха.

«Далекое небо свѣтло и нарядно,
И кажется близкимъ, своимъ,
И какъ бы готово раскрыться отрадно,
Даруя праздникомъ святымъ!»

Чудные, сильные голоса, сливаясь въ едино, далеко отдавались въ широкомъ мірѣ, предъ открытымъ небомъ, не

принадлежа ни къ какой отдѣльной церкви, подобно двумъ вѣчнымъ эмблемамъ красоты и величія, небу и лѣсу: и на мгновеніе люди вознеслись въ ту невѣдомую вѣсь, гдѣ нѣтъ разлуки, ни соперничества, гдѣ подобно вольнымъ птичкамъ, они не тѣснятъ другъ друга.

Бургомистръ взошелъ на сохранившійся еще балконъ замка, къ которому была придѣлана новая деревянная лѣстница; взялъ изъ рукъ дѣвушекъ знамя, высоко его поднялъ, сказалъ нѣсколько сильныхъ словъ, снялъ съ знамени покровъ, развѣвая его по воздуху и вдѣлъ его въ воткнутое въ стѣну кольцо, приглашая всѣхъ къ единодушному союзу, и заканчивая громкимъ Ура любезной отчизнѣ, на которое всѣ отозвались. Затѣмъ радость стала прорываться черезъ край. Всѣ лица блистали, когда пѣлась родная пѣсня, переложенная въ славное четверостишіе:

Лѣсъ подъ горою стоялъ;
Вѣчная зелень вѣтвей!
Въ этомъ лѣсу я бывалъ
Часто съ подругой своей.

Окончивши ее, они глядѣли другъ на друга, какъ бы внезапно увидавшись съ старымъ пріятелемъ, который сталъ еще прекраснѣе, но это все тѣже добрыя, вѣрныя черты, все тотъ же милый голосъ и теплый взглядъ.

Наступила пауза: всегда хорошо дать человѣку немножко вздохнуть и освободиться отъ наплывшихъ впечатлѣній, чтобы быть готовымъ къ воспринятію новыхъ.

Отдѣльная группа мущинъ, состоявшая преимущественно изъ школьныхъ учителей, запѣла съ большимъ искуствомъ, «Ночную пѣснь» Гёте:

Высокія горы почіютъ въ покоѣ;
Ночной вѣтерокъ неколеблетъ вершинъ,
Затихъ дневный шумъ оживленныхъ долинъ.
И птицъ не слыхать въ лѣсу болѣ.
Тебя лишь волнуютъ тревожно мечты;
Не бойся; повѣрь мнѣ, уснешь вѣдь и ты.» (*)

Глубокое, торжественное настроеніе овладѣло всѣми присутствующими: удивительно, это свойство человѣческаго духа и въ особенности нѣмецкаго, въ обществѣ и при весельи вызывать ужасы одиночества и ничтожества, чтобы за тѣмъ смѣло взирая на нихъ, еще живѣе чувствовать сердцемъ всю прелесть существованія.

Пѣсню пришлось повторить.

И такъ, что разъ въ тихую ночь на горѣ Ильменау въ Тюрингенѣ вылилось изъ души Гете, то было теперь достояніемъ, сотни рабочихъ силъ въ отдаленномъ Оденвальдѣ. Мнѣ вдругъ вспомнилось что сегодня, его рожденіе; онъ родился 28-го Августа.

Гюнтеръ подумалъ тоже и сказалъ:

«Лучшаго празднованія рожденья, поэтъ не могъ-бы имѣть. Развѣ могутъ всѣ клубные праздники сравниться съ этимъ? За тѣмъ обществомъ спѣта была пѣснь Франца Куглера:

«На прохладномъ берегу Саалы
Стоитъ высокій замокъ.—»

(*) Это извѣстный у насъ романсъ «Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной». Я рискнула его перевести, какъ мнѣ кажется, ближе къ подлиннику. Если-же читателю это не понравится, то можетъ обратиться къ поименованному романсу Перев:

Пѣвцы не находили плохимъ замѣнять Саалу сосѣднимъ Некеромъ.

Затѣмъ пошли состязательныя пѣсни и особенно тѣшила одна, родъ спора между пѣвчими различныхъ общинъ.

Бергеръ, все время только подпѣвавшій хору, вздумалъ пропѣть соло серенаду, которой хоръ аккомпанировалъ. Веселое общество, было такъ восхищено, что скоро онъ пришелъ къ намъ съ жалобой.

«Плечи мои болятъ, такъ много пришлось имъ вынести дружескихъ ударовъ, потому что каждый непремѣнно хотѣлъ увѣрить меня, какой я славный малый. Теперь ты, другъ, долженъ сказать что нибудь; я это обѣщалъ. Человѣчество всегда было предметомъ твоихъ заботъ, потому обратись отъ его имени къ бургомистру и прочимъ; выкинь изъ головы всѣ твои книги и говори прямо отъ души. Профессоръ Гюнтеръ желаетъ говорить!» восклицанія и хлопанье рукъ было отвѣтомъ, и профессоръ долженъ былъ взойти на каѳедру. «Собраты, друзья, соотечественники началъ онъ. Я готовъ говорить съ вами и привѣтствую васъ, какъ одинъ изъ вашихъ; подобныхъ мнѣ у васъ милліонъ. Это не худо, упражнять свои голоса. Старики очень хвалятъ и много разсказываютъ о своей молодости, когда бывало такъ весело на пиршествахъ и дракахъ, что даже стулья пускались въ ходъ и танцовали на головахъ. Гдѣ подобное веселье?..... Оно исчезло. Но развѣ мы святоши, потому что его нѣтъ? Я вижу ваши головы въ настоящемъ положеніи, но тѣмъ не менѣе вы радуетесь и смѣетесь. Теперь наслаждаясь виномъ, или пивомъ,—а оно у насъ славное, мы поемъ пѣсню, и люди умѣющіе такъ веселиться, не могутъ уже искать удовольствія въ дракѣ, которую нѣкоторые находятъ пріятной, хотя это дико. Вы, молодцы изъ разныхъ мѣстъ, находите-ли вы возможнымъ вступить теперь въ рукопашную схватку? Спрашиваю васъ, отвѣчайте, да или нѣтъ?

— Нѣтъ! Воскликнуло тысячу голосовъ, и многіе стали обниматься.

— Вы твердо стоите другъ за друга?

«Да»! прогремѣло опять, а ораторъ продолжалъ:

— Есть глупцы двоякаго рода, ученые и неученые, которые жалуются, что вымираютъ прежніе обычаи. «Свѣтъ все становится скучнѣе и жалче, вопіютъ они, будемъ возобновлять и придерживаться стараго. Тщетная попытка, что разъ отжило, должно умереть; является новое потомство, любящее, поющее и танцующее по новому. Взгляните на этотъ старый замокъ; кто вздумаетъ его перестроивать, кто станетъ въ немъ жить? Старое рыцарство отжило и умерло, и мы желаемъ ему вѣчнаго покоя, но отнюдь не возвращеніе къ жизни.

Старыя народныя празднества и обычаи сгнили; мы не смѣемся надъ ними, но они намъ не по нутру; ихъ не осталось слѣда. Старые костюмы были когда-то новы, теперь опять сдѣлались новыми и подъ ними по прежнему бьются храбрыя, радостныя сердца. Взгляните на это знамя, на эти вѣнки; вотъ нашъ новый вкусъ, наши теперешнія радости, и эти праздники наши, чисто германскіе. Они переходятъ отъ общины къ общинѣ; знамя развѣвается, пѣсни раздаются. Какой народъ на землѣ можетъ гордиться чѣмъ либо подобнымъ?

Есть чудный источникъ, и милліоны людей, пьющіе изъ него, не осушаютъ его, и чѣмъ болѣе они черпаютъ, тѣмъ свѣтлѣе онъ бьетъ. Этотъ Источникъ есть нѣмецкая пѣсня.

Я могу вамъ сообщить радостную вѣсть. Вашъ праздникъ пришелся въ благословенный день. Въ сосѣднемъ вамъ городкѣ на Майнѣ сегодня въ этотъ полуденный часъ сто лѣтъ тому назадъ, у одного честнаго гражданина родился знаменитый сынъ, пѣснь котораго вы сейчасъ пѣли, это Вольфрангъ Гете.»

При этомъ имени учитель пѣнія окинулъ взглядомъ собраніе, снялъ шляпу, и вездѣ тихо прозвучало восклицаніе: «Шляпы долой!» Всѣ стояли съ открытой головой, какъ-бы въ размышленіи; не слышно было ни звука, ни дуновенія, только въ синемъ небѣ раздавалась звонкая пѣснь жаворонка и вдругъ замерла во ржи. Спустя нѣсколько минутъ ораторъ продолжалъ:

«Могу-ли я сдѣлать вамъ предложеніе? Корабли, качающіеся на морѣ, имѣютъ на мачтѣ знамя, а на бугшпритѣ имя. Каждое общество пѣнія подобно этому кораблю въ морѣ нѣмецкаго духа и у каждаго свое знамя. Знамя у васъ есть, а имени не достаетъ. Въ Германіи такое множество чудныхъ именъ, что ихъ бы хватило на цѣлый міровый флотъ. Каждое общество должно бы было носить имя поэта или музыканта. Согласны-ли вы, чтобы ваше называлось именемъ Гете?»

Представители всѣхъ обществъ вдругъ какъ-бы по командѣ сгруппировались возлѣ учителя пѣнія городка, который воскликнулъ, поднимая палку кверху: «великое имя будетъ нашимъ. Наше скромное общество его принимаетъ. Ура, Гете!»

Долго слышалось это «ура»; особенно радовались новой мысли учетеля и дружески кивали другъ другу.

Заключеніе рѣчи было слѣдующее: Пусть-же будетъ ваше общество тѣмъ самымъ деревомъ въ пустынномъ лѣсу съ вѣчнозелеными листьями. Благословляю тихіе вечера, когда вы, сидя дома, утѣшаетесь пѣніемъ; привѣтствую теплыя лѣтнія ночи, когда вы поете, ходя по улицамъ и садамъ. И какъ вы здѣсь поете, поютъ въ тысячахъ городовъ и деревень, и звѣзды свѣтло блистаютъ надъ ними. Геній любви вѣченъ и все создаетъ новые виды. Да здравствуетъ братство нѣмецкихъ сердецъ, благословенное нѣмецкой пѣсней.

Я не могу и не хочу долѣе пояснять какое блаженное

настроеніе царило межъ всѣми. Даже Максъ воодушевился, пилъ съ городскимъ учителемъ брудершафтъ и обѣщалъ прислать обществу бюстъ Гете, что и исполнилъ тотчасъ по нашемъ возвращеніи.

Воспоминаніе объ этомъ до сихъ поръ живетъ въ насъ, принимавшихъ участіе въ праздникѣ; и теперь, когда пишу, въ умѣ все раздается милая пѣсенка:

«Въ пустынномъ лѣсу
Стоитъ вѣчно зеленая ель.»

Послѣднее Рождество Христово въ жизни Геллерта.

Было 22-го Декабря 1768 года; пробило три часа; при послѣднемъ ударѣ колокола на Николаевской церкви въ Лейпцигѣ, въ воротахъ университета показался человѣкъ, закутанный въ шубу, съ весьма нѣжнымъ лицемъ; въ чертахъ его еще свѣтилась веселость, потому что онъ только что наглядѣлся на сотню веселыхъ лицъ; за нимъ шла толпа студентовъ, уступая ему дорогу. Встрѣчающіеся по улицамъ кланялись; студенты, спѣшившіе домой и тѣснившіеся впередъ, также почтительно кланялись. Мущина отвѣчалъ на поклонъ уклончиво и какъ-бы съ удивленіемъ, хотя онъ не могъ не признавать, что былъ любимецъ не только въ Лейпцигѣ, но и повсюду въ окрестности. То былъ *Христіанъ Геллертъ*, авторъ различныхъ басенъ, одъ и пѣсенъ, возвращавшійся изъ своей коллегіи.

Читая теперь лекціи морали, изданныя уже послѣ его смерти, мы можемъ имѣть весьма слабое понятіе о могущественномъ ихъ дѣйствіи на слушателей, когда они исходили изъ устъ самаго автора. Самый его голосъ и манера говорить производили весьма глубокое впечатлѣніе на чувства, и Рабенеръ правъ, писавши разъ другу, что дружелюбный

голосъ Геллерта весьма шолъ къ его словамъ. Особенно же назидательно и благотворно дѣйствовала на молодые умы самая его личность: Онъ былъ образцомъ нравственности, а лучшее, что учитель можетъ внушить ученикамъ, это вѣра въ побѣду и неизмѣнность нравственныхъ законовъ. Ученіе его было приложимо къ жизни, потому что собственная жизнь была урокомъ. Геллертъ какъ-бы чувствовалъ, что эти лекціи его будутъ послѣдними, что слова, такъ часто и внушительно имъ говоренныя, никогда болѣе не повторятся: въ рѣчи его звучала какая-то грусть и особенная сила. Онъ такъ внушительно говорилъ о скромности и покорности, и ему было какъ бы противно, что теперь на каждомъ шагу его вводили въ искушеніе восклицаніями: «это Геллертъ!»

Что такое слава и почести? Блестящее платье, не прикрывающее и не грѣющее; а теперь сердце его буквально мерзло въ груди, потому что онъ сознавалъ, что ничего еще не сдѣлалъ, что могло-бы его удовлетворить въ собственномъ сознаніи. Люди любили и чтили его; но что изъ того? Собственнное сердце не было довольно; передъ собой онъ не заслужилъ награды. Да и гдѣ же въ самомъ дѣлѣ то преобразованіе умовъ, которое онъ могъ бы произвести? Въ чемъ оно выразилось?—Утѣшая себя, онъ повторялъ: иное сѣмя развѣяно, иное упало на каменистую почву и иное наконецъ на плодородную и принесло плодъ.

Но внутреннее чувство не поддавалось подобному утѣшенію, потому что тѣло было слабо и болѣзненно съ юности, и въ послѣднее время болѣе чѣмъ когда либо. А бываетъ такое физическое разстройство, когда самыя возвышенныя рѣчи, самыя свѣтлыя радости могутъ только тупо, холодно и тяжело отзываться въ душѣ. Зрѣлый опытъ жизни доказываетъ, какъ мало одинъ человѣкъ можетъ удѣлять другому.

Молодость думаетъ: легко мыслію проникнуть въ сердце другого, измѣнить его, заставить идти истиннымъ путемъ, отбросить всѣ заблужденія. Вотъ идутъ эти юноши; слѣдуютъ-ли за ними его поученія? Куда они стремятся, о чемъ думаютъ, какъ поведутъ жизнь? Сердце его летитъ за ними, но не можетъ быть вмѣстѣ. «Какъ счастливы были тѣ посланники духа, которые могли однимъ словомъ заставлять человѣка оставить прежнюю жизнь и быть совсѣмъ другимъ! Прости, Господи, что я хотѣлъ дѣлать подобное имъ; я слишкомъ слабъ и ничтоженъ, а все таки мнѣ кажется, что долженъ говорить неслыханныя, невѣданныя рѣчи. Гдѣ они, тѣ, которые прямо овладѣваютъ душами?»

Съ такими тяжелыми мыслями достигъ онъ до Розенталя. Пришлось идти по узкой тропинкѣ; встрѣчные охотно сворачивали и шли по снѣгу, уступая ему дорогу; но ему было грустно, точно каждое дерево могло его чѣмъ нибудь упрекнуть. Какъ всѣ истинно безупречные люди, служащіе однимъ хорошимъ стремленіемъ, Геллертъ далекъ былъ оттого, чтобы довольствоваться уже сдѣланнымъ и стремясь все дѣйствовать, даже совсѣмъ забывалъ, что что-нибудь сдѣлано. Онъ былъ скроменъ въ полномъ значеніи слова и съ каждымъ новымъ днемъ снова начиналъ свою дѣятельность какъ-бы въ первый разъ. Хотя онъ въ свѣтлыя минуты и бывалъ счастливъ, жизнь его все таки была омрачена. Подобно солнцу въ лѣтній день и теплотѣ въ перебродившемъ винѣ, кто знаетъ, когда и гдѣ согрѣвается человѣческое сердце, особенно сердце того, чье призваніе вызывать въ другихъ впечатлѣнія собственной души: усладительный напитокъ, достающійся имъ, не убываетъ отъ тысячъ лицъ, утоляющихъ имъ жажду.

Наступали сумерки, когда онъ возвращался домой къ «чер-

ной доскѣ.» Старый слуга, Зауэръ, снялъ съ него шинель, а Фамюль Гёдике спросилъ: «не угодно-ли ему чего?» При отрицательномъ отвѣтѣ онъ удалился, а Зауэръ зажегъ лампу на рабочемъ столикѣ.

«Получились письма» сказалъ онъ, указывая на столъ.

Геллертъ кивнулъ головой, и слуга ушелъ; но нѣсколько минутъ, постоялъ за дверьми, горестно разсуждая съ Гёдикѣ о томъ, что Г-нъ профессоръ, повидимому, снова страдаетъ. Послѣдній замѣтилъ, что существуетъ меланхолія, при которой человѣкъ становится не доволенъ всѣмъ и всѣми и заставляетъ сильно страдать окружающихъ, обрушивая на нихъ весь свой гнѣвъ; все не такъ дѣлается, все не на своемъ мѣстѣ. Совсѣмъ не таково уныніе Геллерта! Никто отъ него не терпитъ, кромѣ его самаго; всѣ его черныя мысли обращены только на себя; со всѣми же окружающими онъ постоянно дружелюбенъ, снисходителенъ и предупредителенъ; себя онъ не щадитъ, но обращаясь къ кому нибудь дѣлается кроткимъ и полнымъ самозабвенія.

Пока они разговаривали, Геллертъ сѣлъ и закурилъ трубку, чтобы прогнать безпокойство, съ которымъ принялся за письма. Онъ упрекалъ себя, что куритъ, потому что это вредно здоровью, но никакъ не могъ отучиться отъ дурной привычки. Сначала онъ смотрѣлъ на адресы и печать полученныхъ писемъ, затѣмъ спокойно распечатывалъ и читалъ. Легкая улыбка пробѣгала по его губамъ, то были письма извѣстныхъ друзей, полныя любви и благоговѣнія, а также и чужихъ, прибѣгавшихъ къ нему за совѣтомъ въ различныхъ затрудненіяхъ. Первыя онъ читалъ сначала бѣгло, чтобы имѣть предлогъ снова перечесть и не всѣмъ заразъ насладиться; перечитавши во второй разъ письмо одного друга, онъ привскочилъ на стулѣ, восклицая: «Слова Богу! Слава

Богу, что я имѣю подобныхъ друзей.» Его мнительному духу необходима была такая поддержка ввидѣ одобренія и сочувствія; это его ободряло, и глубоко ошибались думавшіе, что эта радость при полученіи похвалъ происходила отъ тщеславія; напротивъ это была найвеличайшая скромность. Часто сиживалъ онъ такъ и все выученное и написанное имъ, все сдѣланное словомъ и дѣломъ вдругъ затемнялось, исчезало, и онъ находилъ себя безполезнѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ друзьямъ; и также какъ въ обращеніи съ людьми исчезала его внутренняя грусть, и онъ дѣлался дружелюбенъ и веселъ, тоже было и въ письмахъ: думая о друзьяхъ, онъ становился спокоенъ, оживлялся и только намеками высказывалъ о тягостномъ настроеніи души. Въ присутствіи людей и при мысли о ихъ благосостояніи онъ былъ истинно счастливъ. Дописавши же все и оставшись по прежнему самъ съ собою, онъ снова предался чернымъ думамъ; собравшись съ духомъ, онъ хотѣлъ молиться, но былъ недоволенъ собой и не могъ выразить внутреннюю силу вѣры. Въ умѣ его все мелькали кощуны и вольнодумцы, которыхъ онъ долженъ былъ опровергать и только опровергнувши, могъ успокоиваться.

Тяжкое состояніе, когда творческій духъ невольно вспомнитъ о своихъ противникахъ; они приходятъ незванные, глядятъ черезъ плечо, дергаютъ за пишущую руку, извращаютъ образы, искажаютъ мысли; ихъ не прогонишь; вотъ они скалятъ зубы изъ за стѣнъ, изъ подъ крыши, строятъ язвительныя гримасы, и издѣваются, и уничтожаютъ тебя; и что вдохновенно, возвышенно лилось изъ души, превращается въ пустыя остроты.

Тогда душа отважно и самоувѣренно заключается въ себя и строитъ противоположный міръ. Сильная натура смѣлымъ

движеніемъ бросаетъ чернильницу діаволу въ голову, смѣло выступаетъ на врага и далека отъ того замѣшательства, съ которымъ онъ старается исказить все сдѣланное, и выказать шаткость всего задуманнаго.

Геллертъ не былъ отважнымъ борцемъ, не могъ ниспровергать враговъ и идти своей дорогой; онъ старался подѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ, обойти какъ нибудь, и потому они всегда для него существовали съ большимъ нахальствомъ. И какъ его счастливили привѣтствія друзей, такъ повергала въ уныніе злоба противниковъ. Къ этому присоединилась постоянная болѣзнь. Онъ жаловался на частый кашель и боль въ боку и во лбу.

Такъ долго сидѣлъ онъ съ грустными думами, прося, по всегдашнему, благочестивой и спокойной смерти, когда она настанетъ.

Было уже за полночь, когда онъ погасилъ огонь и легъ въ постель.

Ведра у колодца подымаются и опускаются. Въ этотъ часъ всталъ крестьянинъ Христофоръ. Когда онъ зажегъ огонь съ помощію огнива, проснувшаяся также жена спросила: «чего ты вздыхаешь?» — Надоѣла мнѣ жизнь; я самый жалкій человѣкъ на свѣтѣ. Послѣдній писецъ можетъ еще теперь спокойно лежать и не нарушать своего сна, а я вотъ тащись по вѣтру и непогодѣ. — «Успокойся; мнѣ приснилось, будто ты староста, а на головѣ у тебя чтото въ родѣ Короны.»

— Ужь вы бабы! Вамъ мало того, что переживаете; нельзя не потолковать и отомъ, что грезится.»

«Зажги-ка лампу, возразила жена, вотъ я подымусь и сварю тебѣ отличнаго супу. Крестьянинъ воткнулъ свѣчу въ

фонарь, пошелъ въ конюшню, посыпалъ лошадямъ овса и сѣлъ на ясли; положивши руки промежъ колѣнъ, понуривши голову, сталъ онъ снова раздумывать, что за жалкая его жизнь. Почему многимъ такъ хорошо, такъ спокойно живется, а я долженъ мучиться? Какое мнѣ дѣло, что зависть есть порокъ! Да я даже радуюсь, что имъ хорошо; но пусть же и мнѣ будетъ хорошо. А мое житье хуже лошадинаго. Что ей, этой скотинѣ? О кормѣ она не заботится, получаетъ его въ надлежащее время. Отчего отецъ сдѣлалъ брата священникомъ?.. Вотъ онъ теперь получаетъ жалованье, спокойно сидитъ въ теплой комнатѣ и можетъ быть добрымъ человѣкомъ.

Странно! Онъ не хотѣлъ сознаться, что очень желалъ бы быть старостой. Долго сидѣлъ онъ такъ; наконецъ возвратился въ комнату, гдѣ весело пылалъ огонь. Онъ сѣлъ за столъ и дожидался супа.

На столѣ лажала открытая книга, которую вчера вечеромъ читали дѣти; онъ машинально взялъ ее въ руки и сталъ читать; затѣмъ вдругъ вскочилъ, протеръ глаза и прочелъ еще разъ. Какъ это кстати пришлось!-онъ тихо повторялъ слова, кивая головой, какъ бы въ знакъ согласія; и громко проговорилъ: «все одно къ одному, коротко и ясно.» Жена принесла дымящійся супъ. Онъ снялъ шапку, сложилъ руки и произнесъ:

Довольствуйся, чѣмъ Богъ послалъ,
Чужого не проси;
Повѣрь, что каждому онъ далъ
Свой крестъ; его сноси.

Она съ удивленіемъ глядѣла на него: что за странное выраженіе лица! И когда онъ принялся снова ѣсть, спросила: «Что это за молитва такая и откуда ты ее вычи-

талъ?»—Это лучшая въ мірѣ молитва, истинно божественное слово. И никогда въ жизни ты не дѣлала такого славнаго супа; ты сюда что нибудь особенное положила. «Не понимаю тебя. А вотъ книжка; слова въ ней, и говорилъ это Геллертъ изъ Лейпцига.—Что такое? Геллертъ? Теперь болѣе не существуетъ такихъ людей, которые могли-бы такъ глубоко понимать вещи. Они существовали тысячу лѣтъ тому назадъ въ святыхъ земляхъ; у насъ же ихъ нѣтъ. Это навѣрно слова прежняго святаго.

«А я тебѣ говорю, что это слова Геллерта, о которомъ разсказывалъ твой братъ; онъ былъ его учителемъ и развѣ ты не знаешь, какъ онъ благочестивъ и добродѣтеленъ?

— Я не повѣрилъ-бы, что еще существуютъ подобные люди и притомъ такъ близко, у насъ въ Лейцигѣ.

«Да, но вѣдь и тѣ, которые жили за тысячу лѣтъ, были тоже когда-то живыми людьми, а надъ Лейпцигомъ все тоже небо, свѣтитъ тоже солнце и управляетъ тотъ же Господь, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

— Ну, конечно, конечно, ты хорошая ученица брата!

«Почему же и не быть ей? Я хорошо помню все, что онъ говорилъ о профессорѣ Геллертѣ.

— О профессорѣ? Человѣкъ, носящій такой модный титулъ, не могъ бы написать что либо подобное.

«Онъ не самъ себѣ далъ титулъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень бѣденъ и несчастливъ. Онъ съ молодости бѣденъ; отецъ его былъ пасторомъ съ тринадцатью дѣтьми, и Геллертъ, какъ младшій, долженъ былъ сдѣлаться переписчикомъ; можетъ, отъ этого онъ такъ и болѣзненъ. И теперь въ старости жизнь его не лучше; часто у него нѣтъ даже дровъ, и онъ долженъ мерзнуть. Онъ напоминаетъ того студента, о которомъ разска-

зывалъ братъ: бѣдняжка совсѣмъ бѣденъ, а долженъ учиться, и зимою съ голоднымъ желудкомъ, лежитъ на постелѣ, держа книгу одной рукой, пока она не замерзнетъ, а затѣмъ другой. Несмотря на бѣдность, братъ говоритъ, что если у него проявится талера два, онъ о себѣ не думаетъ, а непремѣнно ищетъ кого нибудь еще бѣднѣе себя и все отдастъ. Кто знаетъ, можетъ онъ и теперь голодаетъ, и притомъ такой хилый, больной.

— Я радъ-бы ему помочь, какъ-бы могъ. Какъ-бы у него была земля, я бы въ недѣлю ему ее вспахалъ, засѣялъ, сжалъ и смолотилъ. Но при его дѣлѣ я ничѣмъ не могу помочь.»

«Такъ покрайней мѣрѣ сыщи его и поговори съ нимъ; сего дня ты ѣдешь съ дровами въ Лейпцигъ. Ступай и поблагодари его; это бываетъ пріятно человѣку. Идти къ нему всякій можетъ.

— Хорошо, хорошо; я радъ его видѣть и подать ему руку, только не пустую. Кабы можно что снести.....

«Попроси брата написать ему письмо и отнеси.

— Нѣтъ, ничего не говори брату. Но можетъ случиться, что я его встрѣчу. Дай-ка мнѣ мой воскресный кафтанъ; въ немъ онъ меня не узнаетъ.

Подавая кафтанъ, жена замѣтила: «Кабы у него была жена, или свое хозяйство, то можно бы было ему что нибудь послать; но братъ говоритъ, что онъ холостъ и совершенно одинокъ.

Никогда еще такъ весело не запрягалъ Христофоръ свою лошадь въ телѣгу съ дровами, никогда такъ дружелюбно не подавалъ женѣ руки на прощанье.

Тяжелый возъ двинулся, хрустя по снѣгу. Передъ священническимъ домомъ онъ остановился, думая разбудить бра-

та и сообщить свое намѣреніе; но вдругъ быстро погналъ лошадь впередъ. Въ головѣ его еще не составилась идея, что онъ хочетъ дѣлать; можетъ, то была мимолетная фантазія; но онъ не сознается себѣ въ томъ, а только рѣшаетъ, что зачѣмъ же пугать брата неожиданностью. Затѣмъ мысль его обратилась на благочестиваго Геллерта, спокойно спавшаго теперь въ городѣ и невольно запѣлъ онъ стихъ.

Въ жизни бываетъ странное сцѣпленіе событій, которое мы не умѣемъ прослѣживать: Геллертъ также слышалъ во снѣ пѣніе, которое звучало такъ радостно, такъ утѣшительно...

Какъ бы повязка спала съ глазъ Христофора. Онъ представилъ себѣ, какой у него славный домъ, какая добрая жена и здоровые дѣтки; какъ теплъ кафтанъ и хорошъ скотъ. Такъ онъ ѣхалъ темной ночью и ему сопутствовалъ духъ, не то блѣдное видѣніе фантазіи, которымъ когда то люди себя запугивали; нѣтъ, то былъ добрый духъ, хотя добрякъ не повѣрилъ бы, что имъ можетъ овладѣть что либо необлеченное въ плоть и кровь.

Есть преданіе, что злые духи по ночамъ садятся на спину, отчего человѣкъ задыхается; этотъ былъ не изъ тѣхъ, и сердце крестьянина быстро и радостно билось. Въ древнія времена по ночамъ возили дрова, заготовляя ихъ на костеръ, гдѣ сожигали неправовѣрныхъ. Возившіе думали, что дѣлаютъ доброе дѣло, исполняя законъ; но какъ знать, каково имъ было при мысли, что завтра на этихъ дровахъ будетъ мучиться, хрипѣть и умирать такой же человѣкъ, какъ они; какъ знать, какіе бѣсы ихъ сопровождаютъ. Въ тѣже древнія времена возили дрова во храмы для принесенія жертвъ всесожженія. Это также считалось добрымъ дѣломъ; тамъ гдѣ сердце не находитъ болѣе словъ, чтобъ излиться, оно охот-

но жертвуетъ чѣмъ либо любимымъ и дорогимъ въ знакъ своей преданности.

Не то было съ Христофоромъ. Онъ не думалъ, что приноситъ подобную же жертву; но сердце его согрѣвалось.

При разсвѣтѣ дня онъ былъ у воротъ города. Его встрѣтило погребальное шествіе. За гробомъ шли пѣвчіе въ длинныхъ, черныхъ плащахъ. Онъ остановился и снялъ шляпу. Кого это хоронятъ?.... Можетъ быть, Геллерта! Вѣрно его; а какъ радъ бы я сдѣлать ему что нибудь. Я подарилъ бы ему всѣ дрова. Да, я бы конечно это сдѣлалъ; но вотъ онъ умеръ и ему больше ничего не нужно.

Наконецъ рѣшился спросить, кто такой покойникъ. То не былъ Геллертъ, а какой-то простой горожанинъ. Тяжесть свалилась съ сердца; но съ другой стороны ему втайнѣ сдѣлалось неловко: вѣдь онъ теперь долженъ подарить дрова; онъ это обѣщалъ. Но кому? себѣ обѣщалъ, только самому себѣ, а съ своей совѣстью легко справиться.

Суевѣріе толкуетъ о заклинаніяхъ, которыми можно безъ вѣдома больнаго мгновенно изгнать изъ него злаго духа. То было-бы хорошо; но въ дѣйствительности такъ не бываетъ, и требуется много времени и усилій собственной воли, чтобы изгнать изъ души злые помыслы и привычки. Вести можно только того, кто самъ двигаетъ ногами.

Осмотрѣвшись, Христоферъ увидѣлъ, что стоитъ передъ гостинницей. Онъ поставилъ телѣгу въ сторону, взошелъ въ комнату и выпилъ чашку теплаго пива.

За столомъ недалеко отъ него сидѣлъ крестьянинъ съ сыномъ, студентомъ, который разсказывалъ, что профессоръ Геллертъ боленъ и что ему полезно ѣздить верхомъ; принцъ Прусскій Генрихъ при осадѣ Лейпцига во время семилѣтней войны подарилъ ему лошадь, которая недавно околѣла. Уз-

навши это, курфирстъ прислалъ ему изъ Дрездена свѣтло-коричневаго жеребца, съ золотой уздечкой, голубымъ бархатнымъ сѣдломъ и чапракомъ, вышитымъ золотомъ. Полъ города сбѣжалось смотрѣтъ, когда его привелъ сѣдой конюхъ и нѣсколько дней его публично показывали.

Но профессоръ не отваживается на немъ ѣздить: онъ слишкомъ молодъ и рѣзвъ. Отецъ замѣтилъ, что неужели онъ такъ мало зарабатываетъ, что не можетъ самъ себѣ купить лошадь? На что сынъ отвѣчалъ: «Конечно нѣтъ. Онъ получаетъ толко сто талеровъ жалованья, и зарабатываетъ немного на сторонѣ. Лекціи о нравственности онъ читаетъ публично даромъ, и на нихъ стекаются сотни слушателей; черезъ то ихъ меньше въ тѣ часы, за которые надо платить. Правда, высокія особы часто дарятъ ему что нибудь; но никто не подарилъ настолько, чтобы онъ могъ безбѣдно и беззаботно жить.»

Все это изумило Христофора. Какъ легко было бы дѣлать добро, если бы желаніе и дѣло шли заразъ, если бы можно было немедленно выполнять пламенное намѣреніе! Но приходится сначала преодолѣвать препятствія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, на которыя лѣнь легко опирается.

Многіе выступаютъ съ чистыми помыслами, а послѣ совращаются съ пути незначительными препятствіями и измѣняютъ цѣли своей жизни.

Христоферъ, вышедши, встрѣтился съ другими продавцами дровъ. «А, и ты спозаранку здѣсь?—Цѣны сегодня хороши. Торговцевъ мало съѣхалось.» Онъ хотѣлъ отвѣчать, что все это до него не касается; но боялся открыться, а лгать не хотѣлъ. Молча, поѣхалъ онъ вмѣстѣ съ другими на рынокъ, думая: вотъ Петръ, Готфридъ, Иванъ, всѣ гораздо богаче тебя, и конечно ни одинъ изъ нихъ не вздумаетъ сдѣлать того,

что ты. И что за охота выказываться добрымъ дуракомъ!... А что тебѣ за дѣло до того, что дѣлаютъ другіе? шепталъ другой голосъ.

Каждый отвѣчаетъ самъ за себя.

Но вотъ ты ѣдешь на рынокъ; такъ-то лучше, несравненно лучше.

Продай дрова, а деньги отнеси ему, по крайней мѣрѣ хоть большую ихъ часть. Но развѣ дрова то твои?.... вѣдь ты ихъ отдалъ; только ихъ не успѣли взять.

Есть люди, которые не могутъ сами отдавать что либо, а позволяютъ только взять у себя случайно, насиліемъ или просьбами.

Дрова такъ крѣпко принадлежали Христофору, что безъ борьбы онъ не могъ съ ними разстаться, хотя сердце у него было и доброе, или по крайнѣй мѣрѣ такъ настроено въ настоящую минуту. Искуситель шепталъ: рѣдкій можетъ быть такимъ щедрымъ какъ ты; вѣдь ты отдалъ бы охотно, кабы было дѣйствительно нужно, и добрая воля здѣсь равняется самому дѣлу. Съ другой стороны что то внутри противорѣчило, мучилъ отголосокъ ночныхъ стремленій: «Ты долженъ кончить начатое. Конечно никто не зналъ о твоемъ намѣреніи, тебѣ не передъ кѣмъ отвѣчать; но объ немъ зналъ ты и тотъ, кто все знаетъ; какъ же ты хочешь отдѣлаться?» Наконецъ онъ порѣшилъ: «Пусть будетъ такъ: теперь ровно девять часовъ, если до десяти никто не придетъ спросить, что стоятъ дрова, какъ только пробьетъ послѣдній часъ, они будутъ принадлежать профессору. Если же явится покупатель, значитъ, не слѣдуетъ ихъ дарить. Баста!... но хорошо ли это будетъ,—доброе дѣло подчинять простому случаю?

Не ладно это. Ну, да что жъ, такъ, ради шутки; почему не попробовать?....

Не смотря на всѣ волновавшія его чувства, онъ повидимому, спокойно стоялъ у своей телѣги. Люди, слышавшіе его шептанье, оглядывались съ удивленіемъ и направлялись къ другимъ возамъ, какъ-бы его не было. Пробило девять часовъ. Еще можно ждать цѣлый часъ. Онъ закурилъ трубку и спокойно смотрѣлъ, какъ рѣдѣли возы. Пробило четверть, половина и три четверти десятаго. Тогда Христоферъ спряталъ трубку, давно уже потухлую; руки его окоченѣли; вся кровь прилила къ сердцу. Наконецъ пробило полные десять часовъ. Сначала онъ считалъ, затѣмъ рѣшилъ, что обчелся: это только девять часовъ, а не десять. Онъ стоялъ отвернувшись и глядя на дрова, когда кто-то ударилъ его по плечу и сказалъ: что стоитъ сажень?

Онъ обернулся съ разстроеннымъ видомъ и промолвилъ: «Что, что такое? который часъ?»

— Половина одинадцатаго.

«Такъ дрова уже не мои и не продаются. Затѣмъ опомнившись, онъ твердой рукой повернулъ лошадей и спросилъ у дровосѣковъ дорогу къ дому доктора Юніуса.

Пріѣхавши, онъ сталъ сваливать дрова и сопровождалъ каждое полѣно странной улыбкой. Мѣрильщики точно смѣрили дрова и каждое полѣно клали такъ, чтобъ не оставалось промежутковъ.

Отчего это вы такъ строго точны сегодня? спросилъ Христоферъ и получилъ въ отвѣтъ:-професоръ Геллертъ долженъ имѣть полную сажень; грѣхъ-бы утянуть у него хоть щепку.

Христоферъ громко захохоталъ, а мѣрильщики съ удивленіемъ взглянули на него: они ожидали ссоры. Осталось нѣсколько лишнихъ полѣнъ, которые крестьянинъ не тронулъ съ телѣги. Пришелъ Зауэръ и спросилъ, чьи это дрова?

— Профессора Геллерта, отвѣчалъ Христоферъ.

«Дуракъ! профессоръ самъ никогда не покупаетъ дровъ; это мое дѣло.»

— Да, онъ и не покупалъ, а все таки они его.

Зауэръ готовъ былъ разругать сумашедшаго крестьянина и тѣмъ громче раскричался, что на Николаевской церк-

ви было одинадцать часовъ. Но вдругъ онъ умолкъ, потому что по дорогѣ отъ университета шелъ медленной походкой профессоръ; на каждомъ шагу прохожіе снимали передъ нимъ шапки. «Вотъ и самъ Г-нь профессоръ, промолвилъ слуга.

Лицо Христофора какъ-то особенно просіяло; онъ взглянулъ на новоприбывшаго, и взглядъ этотъ, должно быть, былъ такъ проницателенъ, что Геллертъ, ходившій всегда съ поникшей головой, быстро ее поднялъ. При его приближеніи Христоферъ проговорилъ: «Г-нъ Геллертъ, радуюсь душевно, что вы еще живы.»

«Благодарю васъ,» отвѣчалъ онъ, намѣреваясь пройти. Но крестьянинъ приблизился, протянулъ ему руку и сказалъ: «я осмѣливаюсь.... желаю.... позвольте мнѣ вашу руку, профессоръ.»

Профессоръ вынулъ изящную, худощавую руку и вложилъ ее въ жесткую, корявую руку мужика. И въ это мгновеніе, когда эти руки соприкоснулись въ живомъ пожатіи, совершилось невѣдомое обновленіе жизни, соединяющее народъ въ одну семью.

Какъ долго ученые, замкнутые въ себя, отдѣленные отъ толпы, думали и чувствовали по иностранному, жили въ прошедшихъ вѣкахъ! Съ Геллерта началось соединеніе всѣхъ слоевъ общества.

Ученый и поэтъ, стараясь дѣйствовать возбуждающимъ и животворнымъ образомъ на общество, въ свою очередь подвергается его вліянію, и уединенное мышленіе, творчество дѣлается общимъ.

Результаты этого еще не дознаны, потому что духъ народа все таки выше наилучшимъ образомъ одареннаго человѣка.

«Позвольте мнѣ войти къ вамъ,» сказалъ крестьянинъ, и Геллертъ, наклоненіемъ головы изъявилъ согласіе; онъ былъ такъ вѣжливъ, что хотѣлъ его пустить впередъ, но Зауэръ предупредилъ: онъ сообразилъ, что это должно быть просто

сумашедшій или пьяный, и ему придется защищать своего барина. Геллертъ съ Гедике послѣдовалъ за ними.

Но профессоръ чувствовалъ, что что то высшее руководитъ бѣднякомъ, и оставя за собою слугъ, ввелъ его въ свой кабинетъ, гдѣ спросилъ: «Что вамъ нужно, мой другъ?»

— Мнѣ ничего! Я только привезъ вамъ сажень дровъ; цѣлую добрую сажень и прибавлю къ ней нѣсколько полѣнъ, оставшихся на телѣгѣ.

«Дрова у меня закупаетъ мой слуга Зауэръ.

— Я вѣдь не продаю, я желаю подарить ихъ вамъ

«Мнѣ? Зачѣмъ же именно мнѣ?

— О, вы совсѣмъ не знаете сколько дѣлаете хорошаго и какое добро вы мнѣ сдѣлали. Жена права, думая, что почему же и въ наше время не жить истинно благочестивымъ людямъ. Солнце все также свѣтитъ, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ, и Богъ все также существуетъ.»

— Конечно, мнѣ пріятно видѣть тебя такимъ благочестивымъ.

«Я не всегда такимъ бываю и теперь вы тому причиной. У насъ не исповѣдуются, но вамъ я могу признаться, что вы сняли съ души моей большую тяжесть. Что дѣлать, теперь меня не считаютъ за то за что прежде. Въ молодости я былъ гордымъ, веселымъ товарищемъ; бывало ни на полѣ, ни въ кабакѣ, ни на вечеринкахъ на счетъ пѣсенъ никто со мной не могъ сравниться, но то было давно. Что ужъ взять съ человѣка, у котораго снѣгъ выпалъ на головѣ! Къ тому же семилѣтняя война вывела у насъ пѣсни. Но сегодня ночью въ жестокій морозъ я запѣлъ; пѣсня какъ бы для меня нарочно сложена.»

И онъ разсказалъ, въ какомъ угрюмомъ, непріятномъ настроеніи находился, и какъ пѣсня вдругъ его оживила, про-

вожая по дорогѣ, какъ добрый другъ, нѣжащій ласковыми рѣчами.

При этихъ словахъ Геллертъ спокойно сложилъ руки, а Христоформъ продолжалъ: «Теперь, я совсѣмъ не понимаю, какъ могли завидовать другимъ людямъ; вамъ вотъ позавидовать можно; я желалъ бы быть такимъ, какъ вы.»

Профессоръ возразилъ: «Радуюсь и благодарю Бога, что слово мое принесло вамъ пользу. Не думайте обо мнѣ такъ высоко. Я, можетъ, и могъ бы быть такимъ хорошимъ человѣкомъ, какъ вы воображаете; но далеко не таковъ. Книги я пишу и для собственнаго совершенствованія, чтобы разъяснить себѣ и другимъ, каковъ долженъ быть человѣкъ.

Крестьянинъ замѣтилъ со смѣхомъ: «Это напоминаетъ мнѣ разсказъ покойной матери объ ихъ пасторѣ, который взошедши на каѳедру, сказалъ: «Други мои, я проповѣдую не только для васъ, но и для себя; мнѣ это также нужно.»

Христоформъ очень смѣялся; Геллертъ улыбнулся также и замѣтилъ: «Конечно, кто просвѣщаетъ другихъ, тотъ свѣтитъ и себѣ, и свѣтъ этотъ не отъ насъ, а дается Тѣмъ, кто управляетъ мірами.»

Селянинъ стоялъ неподвижно, глядя въ землю и не могъ поднять глазъ: онъ почувствовалъ, что совѣстно было такъ смѣяться.

Настала длинная пауза, прерванная Геллертомъ, который, какъ-бы все еще думая о священникѣ, сказалъ: «Какъ искренно желалъ-бы я быть сельскимъ священникомъ, что бы быть постояннымъ другомъ людей и никогда ихъ не покидать. Вотъ одинъ, котораго я вывелъ на настоящій путь, тамъ другой, котораго еще не сломилъ, но все таки спасу рано или поздно, и вездѣ я сѣю ученіе, внушаемое мнѣ Гос-

подомъ. Если бы я не думалъ, что это будетъ противъ моего долга, я навсегда бы избралъ себѣ деревенскую жизнь.

Тамъ глядя въ окно, въ самомъ небѣ видишь что то новое, небывалое, потому что въ городѣ его не видно. Да, не завидуйте никому изъ ученой братіи. Вотъ, видите, я постоянно боленъ, а это очень тяжело. Вгляните, какъ сильны вы. Мнѣ всегда пріятно, будучи незамѣченнымъ, смотрѣть, какъ ѣдятъ голодные слуги. Если они вообще не такъ счастливы, какъ ихъ господа, то ужъ непремѣнно счастливѣе ихъ за обѣдомъ.

— Это правда, ѣдимъ мы и пьемъ съ большимъ удовольствіемъ, особенно поработавши.

«Такъ я долженъ таки принять вашъ подарокъ? спросилъ профессоръ, взявшись за подбородокъ.

— Объ этомъ и говорить нечего.

«Нѣтъ, говорить то надо бы много; но я его принимаю. Отказываться отъ подарковъ, значитъ, быть гордымъ. Развѣ не все, что мы имѣемъ, есть даяніе Бога? И если человѣкъ что отдаетъ, то дѣлаетъ это по волѣ Божіей. Если-бы я былъ вашимъ пасторомъ, я бы также принималъ отъ васъ подарки. Собственно говоря, намъ людямъ не за что благодарить другъ друга: вы мнѣ даете не свое и я вамъ тоже. Деревья растутъ въ лѣсу не по нашей милости, и земля не наша, и солнце и дождь, все это дѣло рукъ Божіихъ, равно какъ выходящее изъ моей души также ему принадлежитъ. Слово не мое, и я не болѣе, какъ Его орудіе. По этому благодарность лишнее дѣло.»

Крестьянинъ съ удивленіемъ глядѣлъ на профессора, который прибавилъ: «Поймете меня, я отъ души васъ благодарю; вы поступили хорошо. Но дрова не ваши, также какъ и не мои. Каждый обработываетъ свое поле, ухаживаетъ за

лѣсомъ, и трудъ есть его добродѣтель. Конечно васъ надо благодарить за то, что вы нарубили и привезли дровъ и ничего не хотите получить за свой трудъ. Люди же въ моей должности проводятъ ночи въ тяжелыхъ думахъ; это также трудъ. Въ этомъ и проявляется никому незамѣтное равенство на свѣтѣ, въ которомъ исчезаетъ понятіе о моемъ и твоемъ; ты за меня рубишь въ лѣсу, а я въ безмолвную ночь думаю и пишу за тебя.»

Христофоръ невольно думалъ: «Гдѣ это я, на свѣтѣ ли еще? Ужели это человѣкъ говоритъ такимъ образомъ? Ужели въ Лейпцигѣ, этомъ шумномъ городѣ, гдѣ всякій гоняется за прибылью и пропитаніемъ и норовитъ прижать другого?»

Снизу слышенъ былъ скрипъ пилы, заржала лошадь, и Христофоръ снова очутился на свѣтѣ. Лошадямъ вредно стоять такъ долго на морозѣ; не продать дровъ, да къ тому же вернуться съ больной лошадью, то было бы уже слишкомъ много.

«Да, да, сказалъ онъ, взявшись за шляпу и потирая руки. Да, я радъ, что поступилъ такъ, и часъ этотъ, вѣрьте, для меня дороже десяти саженей; я васъ никогда не забуду, до конца моей жизни. И хотя я вижу, что вы не такъ бѣденъ, какъ я думалъ, все таки я не каюсь, совсѣмъ нѣтъ.»

— Такъ.

— Вы меня считали очень бѣднымъ?

— Да, страшно.

— Я всегда былъ бѣденъ, но Богъ ни одного дня не лишилъ меня необходимаго; я счастливъ болѣе, чѣмъ заслуживаю; пріобрѣлъ много друзей межъ высшими и низшими, за что не могу достаточно отблагодарить Бога. Скажите, не могу-ли я чего нибудь дать вамъ, что нибудь для васъ сдѣлать? Вы конечно старостой въ своей деревнѣ?

«Почему вы такъ думаете? ·

— Такъ повиду вы могли бы имъ быть.»

Христофоръ мялъ шляпу въ рукахъ, прищурилъ глаза и испытующимъ взглядомъ взглянулъ на Геллерта. Но вдругъ выраженіе лица его измѣнилось, всѣ мускулы дрогнули, и онъ сказалъ: «Что вы за чудный человѣкъ! Какъ можете вы такъ глядѣть внутрь души? я день и ночь печалился и негодовалъ на міръ и на всѣхъ, что я не староста, а вы помогли и это побороть. Еще читая вашу книгу, я чувствовалъ, что вы человѣкъ, призванный Богомъ управлять сердцами людей. Прежде я думалъ, что ни минуты не могу быть счастливъ, пока мой сосѣдъ, Гансъ Готлибъ, будетъ старостой; слова же ваши, точно заклинанія, укротили мою кровь.»

— Искренно радуюсь этому другъ мой; каждому въ самомъ себѣ надъ столькимъ надо управлять, что стоитъ-ли стремиться управлять другими! Вѣрно вамъ не захотѣлось бы быть старостой, если-бы для этого нужно было бы сдѣлать что нибудь дурное? что значитъ слава не только цѣлой деревни, но и всего міра, если самъ передъ собой не заслужилъ уваженія? Довольствуйтесь точнымъ исполненіемъ ежедневныхъ обязанностей, радуйтесь на своихъ женъ и дѣтей, вотъ ваше счастіе; чего надо вамъ больше? Не думайте, что почесть и должности дѣлаютъ счастливымъ. При грусти я часто повторяю себѣ, что хорошее расположеніе есть большое благо на свѣтѣ; и если самое несчастіе не по нашей винѣ, то неумѣнье переносить его хладнокровно и терпѣливо есть конечно наша вина.

— Кабы моя жена была здѣсь, чтобы слышать все это, я не могу всего запомнить, а желалъ бы разсказать слово въ слово. Кто бы подумалъ, что изъ за саженн дровъ можно попасть на небо!

«Радуйтесь своему поступку также, какъ я радуюсь вашему подарку. Ваши дрова есть жертва.

Въ древнія времена, когда люди не умѣли молиться духомъ, было обычаемъ въ знакъ своей преданности и покорности присить что нибудь въ жертву изъ своего имущества, и чѣмъ дороже было приношеніе, тѣмъ больше и угоднѣе считалась жертва. Нашъ Господь не желалъ жертвы въ храмахъ, а говоритъ: «аще что сотвористе единому отъ малыхъ силъ, мнѣ сотвористе» .Сердечно благодарю другъ мой, вы доказали мнѣ, что слова мои подѣйствовали на ваше сердце, и я не даромъ живу на свѣтѣ; помните на всегда, что вы доставили истинную радость человѣку, который часто бываетъ печаленъ и унылъ; вы мнѣ не только зажгли свѣчи на рождественской елкѣ, а самое дерево горитъ, свѣтитъ и согрѣваетъ. Кустарникъ горитъ и не сгараетъ, что означало присутствіе божества; теперь это можетъ служить воспоминаніемъ высшаго въ пустынѣ жизни, въ горѣ и нуждѣ. Я былъ близокъ къ смерти. Какъ пріятенъ переходъ въ вѣчность! Какая разница въ представленіи о смерти для человѣка здороваго и умирающаго! И чѣмъ можно отблагодарить за то, что все еще живешь. Только тѣмъ, что учиться лучше умереть. Предаваясь здѣсь одиноко своимъ мыслямъ, я могу думать, что тамъ гдѣ то, въ далекихъ долинахъ, на высокихъ горахъ есть люди, носящіе въ себѣ мои мысли; для тѣхъ я живу, они мнѣ близки, и я надѣюсь увидѣться съ ними тамъ, гдѣ нѣтъ разлуки и неравенства. Ты крестьянинъ, а я ученый; подай мнѣ руку и прощай!»

Снова мягкая и жесткая рука соприкоснулись, и пожатіе было такъ полно, такъ отъ души, что словами его невозможно выразить. Христофоръ не помнилъ себя, какъ сошелъ съ лѣстницы, сбросилъ оставшіеся на телѣгѣ дрова и быстро

выѣхалъ изъ города. Уже только въ липовой долинѣ далъ онъ отдыхъ себѣ и лошадямъ. Ничего не было у него ни на телѣгѣ, ни въ кошелькѣ, но какъ знать, какое сокровище везъ онъ домой, и какой неугасимый свѣтъ оставилъ за собой, у одинокаго ученаго. Геллертъ, обѣдавшій всегда у брата, велѣлъ на этотъ разъ подать себѣ въ комнату и никуда болѣе не выходилъ; мысли, его занимавшія, были достаточнымъ обществомъ.»

Сознавать, что есть сочувствующія, впечатлительныя сердца, есть величайшее блаженство творческаго духа, и оно для него такъ удивительно, какъ-бы онъ обмакивалъ перо въ солнечные лучи и писалъ самымъ свѣтомъ.

Дождевая капля не знаетъ, куда упадетъ; она наполняетъ, но кого? такова и мысль, исходящая изъ сердца человѣка и вся жизнь человѣческая подобна безсознательно падающей каплѣ; мы не можемъ себѣ представить, какъ и для кого дѣйствуемъ.

А кругомъ была тихая ночь; ничто не шевелилось; вся земля дышала спокойствіемъ. Геллертъ сидѣлъ предъ одинокой лампой, положивши руку на книгу и глядя въ пустое пространство. Вдругъ имъ овладѣла мрачная грусть, обыкновенно такъ легко смѣняющая веселость: душа, внезапно вознеслась надъ окружающимъ, вдругъ вспоминаетъ обо всѣхъ тяжкихъ опытахъ жизни, подобно какъ отъ радости иногда текутъ слезы. У Геллерта это тяжелое настроеніе имѣло особенный характеръ: тоска утвердилась въ немъ вмѣстѣ съ грудными и головными болями вслѣдствіи боязни близкой смерти, еще болѣе привязывавшей его къ жизни. Окруженный всеобщей любовью и уваженіемъ въ свѣтѣ, онъ не могъ не страшиться при мысли, что вдругъ разразится самое ужасное и неминуемое. Проведя рукой по лицу и пристально гля-

дя на окружащіе предметы, онъ проговорилъ почти громко: «какъ благотворенъ свѣтъ! Если-бы не было свѣта извнѣ, освѣщающаго намъ предметы, мы находились бы въ совершенномъ мракѣ, въ ночной темнотѣ. Свѣтъ-же, подобно заботливому другу, когда мы тоскуемъ, напоминаетъ, что тамъ есть еще цѣлый міръ, который зоветъ и манитъ съ своими обязанностями и своими радостями. Ты не имѣешь права замкнуться въ себѣ, тамъ еще міръ; его нельзя забыть; мы его видимъ и на немъ должны успокоиваться. Какъ тяжело жить и какъ мало я дѣлаю! Мнѣ-бы надо весь свѣтъ пробудить на добро и любовь; но голосъ мой слабъ, силъ не хватаетъ; какъ ничтожно все, что я дѣлаю!»

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, сталъ у печки, гдѣ горѣлъ огонь, горѣли дрова, подаренные ему сегодня и перенесся мыслію къ человѣку, сдѣлавшему это. Почему онъ не спросилъ, какъ его зовутъ? откуда онъ? Впрочемъ такъ еще лучше: въ лицѣ одного человѣка, его какъ бы отблагодарилъ цѣлый народъ: «конечно получаемыя благодѣянія суть испытанія для меня; но все таки я долженъ принимать ихъ съ благодарностью. Постараюсь съ своей стороны быть къ другимъ такимъ-же добрымъ, какъ они ко мнѣ, только безъ шума и съ постоянной благодарностью къ Богу, нашему высшему благодѣтелю. Зачѣмъ допытываться откуда и почему?»

Опять все въ немъ заговорило; онъ приподнялся и простеръ руки впередъ. Какъ знать, не являюсь-ли я въ эту минуту кому нибудь братомъ, другомъ, утѣшителемъ и спасителемъ? Духъ мой блуждаетъ изъ дома въ домъ и будитъ и просвѣщаетъ и озаряетъ. Тамъ гдѣ нибудь на чердакѣ, гдѣ мерцаетъ одинокій огонекъ, или въ отдаленной деревнѣ сидитъ мать и нашептываетъ сыну мысли, вычитанныя въ моихъ стихахъ; одинокій старикъ, ожидающій смерти, сидя за печ-

кой также шепчетъ мои слова! А тамъ въ церкви поютъ мои стихи, я ихъ сочинилъ и ужели же у меня въ сердцѣ нѣтъ ихъ силъ? Она должна быть.» И съ трепетомъ онъ думалъ: нѣтъ ничего столь ничтожнаго, чтобы ни было подъ управленіемъ Божіимъ. Ужели ты не вѣришь, что случай этотъ данъ тебѣ для твоей радости? Для радости! но кто-же ты? Какое счастіе! *ты исправилъ сердце.....*» Онъ приблизился къ окну и смотря на небо, сталъ жарко молиться; «душа моя съ моими братьями и сестрами; съ тобою, Боже, и я въ смиреніи сознаю, какъ щедро ты одарилъ меня. И если въ грядущемъ мірѣ меня восторженно встрѣтитъ душа, то ты меня привелъ и поддержалъ. Хвала тебѣ, мой вѣчный благодѣтель...: Даруй мнѣ умереть съ этой мыслію и прости мои слабости и грѣхи.

И былъ вечеръ и было утро.

Раннимъ утромъ Геллертъ сидѣлъ у стола и по своему неизмѣнному обыкновенію читалъ библію. У него не было привычки оставлять книгу раскрытой; дочитавши, онъ всегда спокойно, почтительно закрывалъ ее, и было что то признательное и благоговѣйное въ самомъ этомъ закрываньи; святыя слова не должны были оставаться открытыми. Но на этотъ разъ библія лежала открытой, когда онъ подошелъ къ ней. Взглядъ его упалъ на исторію міросданія и при словахъ «и бысть вечеръ и бысть утро», онъ наклонилъ голову и сидѣлъ, положа руку на книгу, какъ-бы желая вполнѣ постигнуть, какъ были раздѣлены день и ночь. Долго такъ просидѣлъ онъ и удивительно свѣтло было у него на душѣ, и мелькнуло въ ней воспоминаніе о свѣтломъ днѣ дѣтства, какъ онъ разъ въ Лейпцигѣ, мѣстѣ своей родины вышелъ съ

отцемъ за ворота. Внутренняя теплота заставила сердце сильно биться и вдругъ онъ быстро оглянулся, потому что невольно запѣлъ. А съ улицы неслся дневный шумъ. Обыкновенно это бывало нестерпимо; но теперь весело было слушать, какъ все суетилось и двигалось. Слышался скрипъ снѣга, и какъ хорошо, что у человѣка есть домъ, а въ немъ отрадная теплота!

И былъ вечеръ и было утро!.... Человѣкъ изобрѣлъ свѣтъ и на ночь; но долго-ли можешь ты его поддерживать? чтобы ты сдѣлалъ съ твоимъ искусственнымъ свѣтомъ, если-бы не было солнца? безъ него не было-бы ни травъ, ни плодовъ.

На руку, лежавшую на книгѣ, упалъ солнечный лучъ. Какъ быстро въ другое время Геллертъ опустилъ бы оконную занавѣску! а теперь онъ глядитъ на золотыя пылинки, играющія въ солнечномъ лучѣ.

Слуга принесъ кофе, и Гедике спросилъ, не нужно-ли чего? обыкновенно Геллертъ едва бы оторвался отъ книги, слегка-бы поклонился и продолжалъ-бы читать. Теперь же онъ сказалъ Зауэру: «Принеси еще чашку, Г-нъ Гёдике будетъ сегодня пить кофе со мною. Господь подарилъ меня радостнымъ днемъ.» Когда все было принесено, онъ добавилъ: «Да, истинно радостный день; и за что я особенно благодарю Бога, это что онъ далъ мнѣ силу поблагодарить Его отъ всей души, хотя конечно все еще не такъ, какъ бы слѣдовало.»

— Слава Богу, Г-нъ профессоръ опять здоровъ и веселъ; я самъ недавно былъ слегка боленъ и испыталъ нѣчто, чего никогда не забуду: Кто самый благодарный? это выздоравливающій! онъ научается снова любить Бога и міръ Бо-

жій и всѣмъ счастливъ, за все благодаренъ. Какъ вкусенъ тогда кофе, какъ пріятенъ первый выходъ изъ дома! Дома, деревья, все улыбается все кланяется, все счастливо вмѣстѣ съ нами!»

Такъ говорилъ Гедике.

«Вы хорошій человѣкъ и сказали хорошее слово. Дѣйствительно выздоравливающій самый благодарный. Но мы большею частію больны душою и не имѣемъ силы выздоровѣть, а слабый, унылый духъ тяжкое бремя.

Долго сидѣли они такъ; пробило восемь часовъ, и Геллертъ воскликнулъ сердито: «Вы меня заставили забыть, что я долженъ идти въ коллегію.»

— Начались рождественскіе праздники; и лекцій нѣтъ.

«А, нѣтъ! а мнѣ. кажется, я именно сегодня могъ-бы сказать своимъ юнымъ друзьямъ что нибудь особенно полезное. Шаги послышались за дверью; она отворилась и вошли маленькіе пѣвчіе школы св. Ѳомы и пропѣли Геллерту многіе изъ его стиховъ. Профессоръ плакалъ, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу, когда они пѣли.

Никогда не было для Геллерта лучшаго Рождества какъ въ этотъ 1768-й годъ, и оно было послѣднимъ въ его жизни: 13-го Декабря 1769-го онъ умеръ, какъ всегда и желалъ, спокойной, благочестивой смертію.

Когда длинная процессія его похоронъ шествовала къ кладбищу церкви св. Іоанна, за ней шелъ крестьянинъ съ женой и дѣтьми въ праздничномъ платьи. То былъ Христоформъ съ семьей. По всей дорогѣ онъ былъ спокоенъ и только когда при трогательной рѣчи пастора Талемана жена его сильно плакала, по выраженію лица его видно было, какъ и онъ взволнованъ. Возвращаясь домой, онъ проговорилъ:

«Я радъ, что при его жизни сдѣлалъ для него хоть что нибудь; теперь было-бы уже поздно.»

Когда онъ лѣтомъ выстроилъ новый домъ, то сдѣлалъ на немъ слѣдующую надпись:

Довольствуйся, чѣмъ Богъ послалъ,
Чужаго не проси;
Повѣрь, что каждому онъ далъ
Свой крестъ; его сноси.

Какъ Философъ Моисей Мендельсонъ пріобрѣлъ себѣ жену.

(ПРЕДАНІЕ).

Всѣми уважаемый Моисей Мендельсонъ, котораго называли Сократомъ своего времени, былъ разъ въ Пирмонтѣ. Тамъ познакомился съ купцомъ Гугенгеймомъ. Раввинъ Моисей, сказалъ ему послѣдній однажды, мы всѣ почитаемъ васъ, но съ величайшимъ восторгомъ почитаетъ васъ моя дочь. Я бы былъ въ высшей степени счастливъ, если бы вы были моимъ зятемъ. Побывайте же у насъ въ Гамбургѣ. Мендельсонъ былъ очень робокъ, потому что онъ былъ къ сожалѣнію нѣсколько горбатъ. Но все таки рѣшился наконецъ отправиться изъ Берлина, и дорогой посѣтилъ своего лучшаго друга Лессинга въ Брауншвейгѣ, какъ видно изъ его писемъ. Пріѣхавши въ Гамбургъ онъ явился въ контору къ купцу Гугенгейму, который сказалъ ему: сходите къ моей дочери; она будетъ очень рада васъ видѣть—я много говорилъ ей о васъ.

Побывавши у дочери Гугенгейма, на завтра онъ снова является къ нему въ контору; оба сперва не находятъ о чемъ говорить; наконецъ Мендельсонъ начинаетъ распространяться о прелестныхъ свойствахъ души и объ умѣ купеческой дочери.

«Да почтеннѣйшій Раввинъ, говорилъ Гугенгеймъ, могу-ли я вамъ сказать откровенно?....

— Конечно.

— Вы философъ, умный, благомыслящій человѣкъ, вы конечно не разсердитесь на ребенка.... Она сказала... что испугалась, когда увидала васъ, потому что у васъ.....

— Такой отвратительный горбъ? Гугенгеймъ утвердительно кивнулъ головою.

— Я такъ и думалъ, сказалъ Мендельсонъ; но я все таки желалъ бы еще проститься съ вашей дочерью.

Онъ отправился въ ея комнату и сѣлъ противъ нея; она сидѣла на небольшомъ возвышеніи у окна и шила. Разговоръ шелъ свободно и искренно; но, ни дѣвушка, ни Мендельсонъ не смотрѣли другъ на друга. Наконецъ она спросила: Вѣрите-ли вы, что браки заключаются въ небѣ?

Конечно! И со мной случилось нѣчто особенное. Вы знаете, что, по преданію Талмуда, при рожденіи ребенка въ небѣ говорится: «Такой-то получитъ такую-то.» Когда я родился, и моя жена была названа,—то было сказано, что у нея будетъ горбъ—и преотвратительный! Боже мой, воскликнулъ я: Дѣвушка горбатая сдѣлается вскорѣ сердитою, злою; дѣвушка должна быть красивая. Господи! Дай лучше мнѣ горбъ, а она пусть будетъ милой красавицей.

Едва сказалъ это Мендельсонъ, какъ она бросилась ему на шею, и сдѣлалась его женою—они были счастливы, имѣли славныхъ и хорошенькихъ дѣтокъ, которыхъ потомки живутъ еще и теперь.

Одинаковая теплота для всѣхъ.

Нѣтъ ничего несноснѣе ѣзды зимою! завернешься весь въ разныя шубы, такъ что и пошевелиться не можешь. Такъ восклицалъ рѣзкимъ голосомъ, привыкшимъ повелѣвать, уку-

танный пассажиръ въ вагонѣ 2-го класса, давая всѣмъ понять что онъ дома привыкъ пользоваться услугами лакеевъ. Какъ бы случайно онъ отбросилъ свою шубу нѣсколько на-

задъ—и показалъ разноцвѣтныя орденскія ленты, послѣ чего снова плотно зовернулся, натянулъ на колѣна теплое одѣяло, надѣлъ по-лучше мѣховую шапку, погрузился въ уголъ и вытянулся наивозможно удобнѣе.

— Однакожъ пріятно, что на шивагоны отапливаются, сказалъ молодой человѣкъ, на ногахъ его были мѣховые сапоги, доходившіе выше колѣнъ, и крѣпко затянутые пряжками; онъ приподнялъ маленькій воротникъ шинели, красная подкладка котораго обнаружила, что онъ былъ военный—по видимому, это былъ молодой землевладѣлецъ изъ Пруссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ офицеръ ландвера.

— Конечно, не дурно, продолжалъ онъ, закуривая сигару, тѣмъ болѣе, что мы вотъ снабжены теплой одеждой, и кромѣ того имѣемъ въ карманѣ деньги, чтобы подкрѣпить себя на станціи ѣдой и питьемъ. Но, каково бѣднякамъ!

— Да, сказалъ маленькій человѣкъ, сидѣвшій также уютно, но выпрямившись, въ третьемъ углу; на головѣ у него была женская шляпа и повидимому, ему были не знакомы дорожныя удобства. Да, сказалъ онъ, и мнѣ всегда дѣлается стыдно, когда я смотрю, какъ мы удобно устраиваемся, какъ о насъ заботятся, когда мы счастливо одарены судьбою; а между тѣмъ наши ближніе, менѣе одаренные, должны голодать и мерзнуть всю жизнь, также, какъ и на желѣзной дорогѣ. Мы вотъ, имѣющіе хорошее платье, хорошую пищу, сидимъ въ добавокъ въ тепломъ вагонѣ, между тѣмъ какъ наши третьекласные спутники, плохо одѣтые, полуголодные, сидятъ въ холодныхъ вагонахъ.

— Если бы всѣ классы были одинаково удобны, замѣтилъ укутанный господинъ спѣсиво, то были бы только вагоны одного класса; кто же бы заплатилъ за лучшіе высшую цѣну? Должна же быть разница!

Укутанный обратился съ этой рѣчью не къ маленькому человѣку, который казался ему недостойнымъ никакого отвѣта; а къ молодому человѣку съ краснымъ воротникомъ; но этотъ ему отвѣтилъ: по роскоши и удобствамъ конечно могутъ различаться классы вагоновъ; также различіе полезно для увѣренности, что будешь сидѣть съ людьми одинаковаго съ нами образованія, или съ людьми употребляющими сигары одного калибра; но, я держусь того мнѣнія, что управленіе желѣзной дороги должно заботиться объ одинаковой теплотѣ вагоновъ всѣхъ трехъ класовъ. Именно бѣднѣйшіе пассажиры нуждаются въ теплыхъ вагонахъ еще болѣе, чѣмъ мы.

— Хотя я оспариваю, сказалъ укутанный. Низшіе классы, уже для пользы ихъ работъ, должны быть болѣе закалены, и едва-ли будетъ хорошо, если мы станемъ ихъ изнѣживать, совсѣмъ обабятся. Притомъ пассажиры третьяго класса обыкновенно не ѣздятъ далеко.

— Радуетъ меня, сказалъ маленькій человѣкъ, обратившись равнодушно къ укутанному господину, что вы покрайней мѣрѣ стараетесь подкрѣпить ваше мнѣніе разумными доводами, хотя третій классъ есть главный источникъ дохода желѣзной дороги, и стало-быть пассажиры его имѣютъ полнѣйшее право на заботливость дирекціи.

Укутанный выпрямился и взглянулъ на маленькаго человѣка пронизывающими насквозь глазами. Что это молъ за человѣкъ, осмѣливающійся такимъ образомъ хвалить его и поучать? Онъ не нуждается ни въ похвалѣ, ни въ поученіи!

Долго и пристально, уничтожающимъ взоромъ смотрѣлъ онъ на него. Но, человѣчекъ, по видимому, вовсе не уничтожался, а напротивъ посмѣивался и въ смѣхѣ этомъ выражалась извѣстная твердость, самоувѣренность духа. Укутанный, видя что взоръ его не въ силахъ остепенить врага,

обратилъ свои глаза къ окну, и позволилъ ему продолжать, чѣмъ тотъ и незамедлилъ воспользоваться, нисколько не заботясь объ уничтожающихъ взорахъ:

— Я думаю, что главная наша обязанность помогать своимъ ближнимъ, во всѣ часы ихъ существованія, чѣмъ только можемъ. Это можно назвать мечтою, я знаю; но если столь превозносимая любовь къ ближнему не есть пустое слово, то мы должны обнаруживать ее всевозможными способами.

— Какъ прекрасно звонятъ церковные колокола въ свѣтлое воскресное утро, вотъ тамъ въ селѣ. Они слышны не смотря на шумъ поѣзда и люди тихо и благочестиво идутъ по снѣжнымъ полямъ. А кто знаетъ, проповѣдуется ли имъ тамъ столько же истинной любви къ ближнему, сколько здѣсь намъ!!! Такъ вскричалъ молодой человѣкъ въ живомъ одушевленіи; онъ отбросилъ свой воротникъ; благородное его лицо сіяло.

Маленькій человѣкъ дружески кивнулъ ему головою, и продолжалъ:

— Мы должны вѣрить, что добро когда нибудь да осуществится; этимъ мы только и крѣпки. Еще не много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ уничтожили варварское распоряженіе, что бы вагоны третьяго класса были непокрыты и безъ оконъ, что бы наши ближніе, озябнувши, могли согрѣваться болѣе свободнымъ движеніемъ. Публичный голосъ газетъ—при этомъ словѣ, укутанный отворилъ окно и плюнулъ за него;—безпрестанныя заявленія, что это варварство, достигло таки того, что теперь рѣшительно нигдѣ нѣтъ такихъ вагоновъ, кромѣ развѣ назначенныхъ для лѣтнихъ прогулокъ. Я убѣжденъ, что если бы за вопросъ объ отопленіи вагоновъ принялась хорошенько печать, то вагоны третьяго класса стали-бы отап-

ливаться, какъ на казенныхъ дорогахъ, такъ и на частныхъ. Изобрѣтеніе пороха сдѣлало и сильнаго и слабаго равными передъ смертью. И желѣзныя дороги должны внести въ жизнь значительную долю равенства. Король ѣздитъ нисколько не скорѣе какого-нибудь подмастерья, подобно тому, какъ сердце у обоихъ бьется съ одинаковою скоростью.

При этихъ словахъ оратора укутанный обернулся, поглядѣлъ на него съ удивленіемъ, но уже не уничтожающимъ взоромъ. Затѣмъ онъ сказалъ, но все таки обращаясь къ молодому человѣку:

Люди, обладающіе желѣзнодорожными акціями, интересуются болѣе хорошими дивидендами, чѣмъ человѣколюбіемъ. Отопленіе всѣхъ вагоновъ стоило бы дорого.

Маленькій человѣкъ продолжалъ спокойно:

— Человѣколюбіе имѣетъ еще хорошій курсъ и можетъ дать богатый дивидендъ. Притомъ у акціонерныхъ компаній есть возможность дѣлать добро. Я замѣтилъ, что даже торговыя общества болѣе склонны къ человѣколюбію, чѣмъ частныя лица. Если хорошія намѣренія тутъ не вдругъ осуществляются, то за то съ теченіемъ времени они пріобрѣтаютъ болѣе и болѣе приверженцевъ. Мы слишкомъ слабы чтобы собственными силами преодолѣть невзгоды и затрудненія, встрѣчаемыя нами повсюду. Жизнь часто бываетъ полна горестей, съ которыми трудно управиться. Но мы не должны довольствоваться только горячими желаніями.—Я позволилъ бы дать себѣ патентъ на отопленіе поѣздовъ горячими желаніями, замѣтилъ толстякъ, опять обращаясь къ молодому человѣку съ краснымъ воротникомъ. Но, послѣдній понялъ обидное обращеніе, которому подвергался маленькій человѣкъ и, обратившись къ толстяку спиною, какъ будто и не слыхалъ его, сказалъ послѣднему:

«Вы вѣроятно священникъ?

— Нѣтъ-съ, былъ короткій отвѣтъ.

— А я землевладѣлецъ Вернеръ и ѣду только до слѣдующей станціи, прибавилъ молодой человѣкъ, что бы какъ нибудь оправдать свой нескромный вопросъ, и говоря, кто онъ такой, вызвать къ томуже и своего собесѣдника. Но, онъ не достигъ цѣли, потому что маленькій человѣкъ сказалъ: Это все равно, кто бы я ни былъ. На этомъ свѣтѣ, какъ и на этомъ поѣздѣ мы всѣ только поссажиры и кто знаетъ, гдѣ наша станція, на которой мы выйдемъ для вѣчнаго успокоенія. Вы молоды, и много еще проживете; переживете то, чего я могу только желать. Но и я надѣюсь дожить до того, что всѣмъ будетъ одинаково тепло.

Въ это время поѣздъ остановился; и маленькій человѣкъ, выходя, подалъ руку своему молодому спутнику.

Какъ только онъ вышелъ изъ вагона, укутанный сказалъ:

— Это какой нибудь революціонеръ, Еврей, который не хочетъ сказать своего имени, Ицко! это изъ рукъ вонъ, какъ подобные люди позволяютъ себѣ теперь говорить все, что имъ угодно.

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ, и сѣлъ было на мѣсто, только что оставленное; но, не успѣлъ онъ сѣсть, какъ вагонъ отворился и вошелъ прежній пассажиръ, говоря:

— Я получилъ телеграмму и ѣду дальше.

Укутанный опять взглянулъ въ окно; ему очевидно было непріятно, что онъ такъ отозвался о человѣкѣ, съ которымъ долженъ былъ продолжать путешествіе.

— Теперь уже мы старые знакомые, дружески вскричалъ человѣчекъ, обращаясь къ молодому человѣку, который помогъ ему положить на мѣсто пакетъ.

Въ это время подошолъ къ окошку кондукторъ и сказалъ:

— Господинъ Графъ!

Укутанный повернулся и спросилъ:

— Что тамъ такое?

Но кондукторъ обратился къ человѣку и сказалъ:

Господинъ Графъ Корнесъ, Вамъ еще депеша. Человѣкъ открылъ депешу и его морщинистое лицо блеснуло удовольствіемъ.

Укутанный былъ въ явномъ смущеніи, онъ презрительно обращался съ человѣкомъ своего сословія.

Долго между спутниками царствовало молчаніе. Толстякъ разчесывалъ щеткой свои бакенбарды и огромные усы.

Но это не помогло; промахъ сдѣланный имъ трудно было поправить, наконецъ онъ сказалъ маленькому человѣку:

— Извините, пожалуйста! Не имѣю ли я чести видѣть передъ собою Графа Корнеса изъ Н.

При этомъ онъ вѣжливо поклонился. Но, человѣкъ посмотрѣлъ на него такъ, какъ будто былъ глухъ. Толстякъ долженъ былъ повторить свой вопросъ. Но, и на этотъ разъ человѣкъ скроилъ такое лицо, какъ будто ему говорили по китайски! Наконецъ онъ сказалъ:

— Я не имѣю чести отвѣчать вамъ. На первой же станціи толстякъ кинулся вонъ изъ вагона и пересѣлъ въ другой. Тогда маленькій старичекъ и молодой человѣкъ приблизились другъ къ другу и стали говорить о томъ, какъ странно, что иные господа совсѣмъ иначе понимаютъ слова человѣка, если онѣ принадлежать тому, а не другому. У такихъ людей нѣтъ никакой искры для истинно человѣческаго.

— Вотъ теперь одинаковая теплота въ нашемъ вагонѣ, сказалъ молодой человѣкъ, на что старичекъ отвѣтилъ столь же обдуманно, сколько одушевленно.

— Она между нами.

Когда молодой человѣкъ всталъ, старичекъ протянулъ ему руку и пожалъ отъ всего сердца, говоря:

— Если въ разныхъ нашихъ призваніяхъ мы будемъ согрѣты одинаковой внутренней теплотой, то безъ сомнѣнія и здѣсь будетъ столь желанная одинаковая теплота для всѣхъ.

Дѣтоубійство.

Грустная исторія. (1845).

Сидять трое друзей въ тихую ночь при ярко горящей лампѣ.

На дворѣ снѣжная мятель, но сердца собесѣдниковъ проникнуты теплымъ свѣтомъ. Они говорять о родинѣ, о своихъ невзгодахъ и надеждахъ; стаканы стоятъ предъ ними нетронутые; на лицахъ ихъ выражается грусть, и они безмолвно сидятъ другъ противъ друга.

Знаете что? воскликнулъ младшій изъ нихъ, любившій разомъ переходить отъ грусти къ шуткѣ, знаете-ли что? мы должны отвѣтить на вопросъ, за который назначена премія. Общество защиты животныхъ предложило задачу, найти средство, которымъ собаки освобождались бы отъ извѣстныхъ животныхъ, называющихся блохами, но, не отнимая у блохъ ихъ права на существованіе, т. е. не убивая ихъ? Что вы объ этомъ думаете? Я желаю предложить обществу премію блохъ: нужно будетъ всѣхъ ихъ поймать, запрятать въ мѣшокъ и затѣмъ разрѣшить вопросъ: отправить ли ихъ на поселеніе къ устью Дуная, или въ Америку?

Подобныя общества, сказалъ другой человѣкъ съ бородою, начинавшей сѣдѣть, представляютъ намъ новый примѣръ людей, которые по ничтожеству и изъ лицемѣрія моро-

чатъ себя и другихъ, какъ будто затѣвая доброе дѣло. Люди, смиренно сгибающіе спину тамъ, гдѣ топчутся и попираются права народа, эти жалкія, масляныя душенки, таящія отъ малѣйшаго луча высшихъ милостей; которыя пожимаютъ плечами, смотря на тѣхъ, кто словомъ и дѣломъ стоитъ за правду—такіе люди бѣгутъ за возомъ, въ которомъ везутъ телятъ на бойню, чтобы удостовѣриться, человѣколюбиво ли они тамъ связаны; да они пожалуй взываютъ и къ высшей полиціи, защитницѣ всякаго блага и человѣколюбія. И за тѣмъ эти же люди совершаютъ путешествіе въ Швейцарію, въ Зальцбургъ и поднимаются на горы на человѣческихъ плечахъ; это молъ пріятнѣе ѣзды на лошади или ослѣ. И къ чему намъ эти общества защиты животныхъ? Хорошо воспитанный, благородный человѣкъ, никогда не будетъ угнетать того, что ему подчинено; онъ пойметъ, что всякое существо на свѣтѣ имѣетъ свои права, которыхъ нельзя нарушать силою; поэтому онъ и не станетъ мучить ни одно животное.

— Ну да, конечно. Людей занимаютъ подобными ребячествами, чтобы заставить ихъ позабыть, что они имѣютъ право требовать кое-чего другаго.

— Я бы еще сказалъ и не то, воскликнулъ третій, бывшій врачомъ. Весь нынѣшній образованный міръ опирается на систематическое человѣкоубійство.

— Ты имѣешь въ виду смертную казнь?

«Нѣтъ.... да... но мы отъ рожденія приговорены къ смерти. Вы знаете, я здѣсь служу уже пять лѣтъ въ родильномъ заведеніи. Тысячи несчастныхъ созданій дожидаются часа, когда дадутъ жизнь новому горемычному существу. Большая часть матерей поступаютъ отсюда кормилицами къ богатымъ людямъ, а собственныхъ дѣтей отдаютъ нанятымъ кормилицамъ, а за это платятъ имъ въ недѣлю по нѣсколько гро-

шей. Есть такія легкомысленныя и исказившіяся нравственно созданья между матерями, которыя желаютъ, чтобы ихъ дѣти скорѣе умирали, и дѣйствительно изъ 10 такихъ дѣтей 9-ть умираютъ въ первый-же мѣсяцъ.

— Неужели?

— Я еще съ намѣреньемъ привелъ меньшее число. Надо сообразить, что у этихъ наемныхъ кормилицъ, женщинъ большей частью старыхъ, жестокосердныхъ, бываетъ по пяти и шести такихъ питомцевъ. Въ первое время онѣ приготовляютъ каждому изъ нихъ оссобенную пищу; но послѣ кормятъ ихъ вмѣстѣ, чѣмъ попало, и бѣдняжки принуждены ѣсть. Маленькіе желудки ихъ не могутъ этого переваривать, крошки кричатъ что есть силы, уже ничего не ѣдятъ, страшно худѣютъ и наконецъ черезъ нѣсколько дней умираютъ съ голода.

— Несчастные дѣти!

— Въ одномъ сѣверномъ главномъ городѣ, гдѣ есть великолѣпныя заведенія для обращенія въ христіанство Готтентотовъ, гдѣ нѣжныя женщины вяжутъ штаны, чтобы прикрыть наготу безстыдныхъ дикарей, въ этомъ городѣ было возмутительное слѣдствіе противъ одного стараго унтерофицера, который со своей женой занимался такимъ-же дѣломъ. Добрый усачъ воинственно командовалъ ребятишками, когда они кричали; но непонятные рекруты не могли апеллировать; онъ сдѣлалъ себя военнымъ судомъ и приговаривалъ, такъ сказать, къ уголовному суду, послѣ чего уже дѣлался капраломъ и поролъ ребятъ, пока они совершенно не успокоивались.

Я передаю только, что случалось и случается; но я могъ-бы разсказать тебѣ исторію, которая представляетъ все горе и всю месть сбившейся съ пути хорошей натуры. Достанетъ-ли у тебя духу ее выслушать?

— Духу? Разсказывай, разсказывай! ничто не должно намъ казаться слишкомъ ужаснымъ, если оно вызвано жизнію.

— Ну хорошо: Три года тому назадъ была вотъ такая ночь, какъ и теперь; морозъ захватывалъ дыханіе; едва можно было находить дорогу по улицамъ, освѣщеннымъ газомъ. Я былъ приглашенъ къ богатому купцу Ф.; онъ жилъ въ свое удовольствіе, какъ говорится; онъ вступилъ въ одинъ изъ тѣхъ браковъ, которые теперь тысячами встрѣчаются въ городахъ и деревняхъ..... словомъ сказать, мужъ былъ счастливъ и даже вдвойнѣ счастливъ, потому что жена носила подъ своимъ сердцемъ сладостную надежду. Когда я взошелъ въ круглую залу, подавали чай. Тутъ были родители новобрачныхъ и женина сестра. Всѣ комнаты были открыты, нагрѣты, освѣщены. Молодой женщинѣ было необходимо движеніе и она прогуливалась по всѣмъ комнатамъ. Шума шаговъ не было слышно на мягкомъ двойномъ коврѣ. Я присоединился къ этому обществу. Матери шили ребенку бѣлье изъ мягкаго холста, сестра вязала одѣяльце изъ шерсти; въ углу уже стояла колыбель, покрытая зеленымъ шелковымъ пологомъ. Какъ только молодая жена, по приказанію матери, отправлялась гулять въ другія комнаты, всѣ принимались говорить о тяжелой минутѣ, которую ожидали со страхомъ и трепетомъ. Всѣ мысли, всѣ сердца были заняты тѣмъ, чтобы маленькому человѣку было мягко и тепло. Меня настоятельно просили позаботиться о хорошей, здоровой кормилицѣ. Сестра, умная и благородная дама съ смѣлымъ духомъ, хотя довольно слабымъ тѣломъ, сказала:

— Я не рѣшилась бы взять кормилицу. Я желала бы, что бы и Адель не дѣлала этого. Меня всегда возмущаетъ, когда я вижу, какъ этихъ кормилецъ нѣжатъ и портятъ. Съ ними обращаются какъ съ королевами; онѣ, не должны

испытывать ничего непріятнаго и всегда получаютъ все лучшее. Но что же будетъ съ ними послѣ?

И какое вліяніе все это должно имѣть на остальную прислугу? Онѣ, преимущественно служанки, не совершившія проступка, должны во всемъ подчиняться совершившей его, легкомысленной женщинѣ, выполнять всѣ ея прихоти. Это безнравственно, возмутительно.

Ораторшу нѣсколько сурово остановила мать и назвала ее мечтательницей.

Мнѣ же надо было опровергать предразсудокъ мужа, который повторялъ общее заблужденіе, что будто жена дольше остается красивой, если сама не кормитъ ребенка. Я объяснилъ имъ всю ложность и противуестественность подобнаго мнѣніе.

Въ это время вошла молодая жена; и, чтобы не тревожить ее, стали говорить о другихъ предметахъ. Пѣли, раз-

сказывали всякія исторіи, что бы ее развеселить. Прекрасная молодая женщина, сидѣвшая тутъ тихо, забывая о себѣ и думая только о будущемъ, походила на святую. Потому что жена, носящая подъ сердцемъ другую жизнь, святая; даже самые свирѣпые дикари относятся къ ней съ уваженіемъ.

Я ушолъ поздно ночью изъ этого дома. Спускаясь по лѣстницѣ покрытой коврами, я думалъ: какъ счастливо будетъ ожидаемое дитя; какъ много его встрѣтятъ любящихъ рукъ, блестящихъ нѣжностью взоровъ! На улицѣ мятель чуть не сбила меня съ ногъ; до того я былъ погруженъ въ свои мысли. Воюя со снѣгомъ и вѣтромъ, я наконецъ добрался до своего жилища въ родильномъ домѣ. Когда я шелъ по своей лѣстницѣ, то вдругъ что-то поднялось у моихъ ногъ. Волосы встали у меня дубомъ.

— Что тутъ такое? воскликнулъ я.

— Боже мой; отвѣтили мнѣ, сжальтесь надомною.

«Но кто вы?...

— Несчастная, несчастная, отвѣтилъ мнѣ опять жалобный голосъ. Я должна умереть съ своимъ ребенкомъ.

При свѣтѣ лампы разглядываю женскую фигуру, голова которой завернута въ большой красный платокъ, она сбрасывала снѣгъ съ лица. Я поскорѣе позвонилъ. Бѣдняжка обняла мои колѣна и восклицала, рыдая:

— Ахъ, Боже мой, мы не умремъ. Я пришла сюда въ шесть часовъ изъ Н... я немогла болѣе вытерпѣть. Они показывали на меня пальцами. Здѣсь въ гостинницѣ смѣялись надо мною, и не хотѣли пріютить меня, какой то грубіянъ хотѣлъ обидѣть меня, и я поспѣшила уйти. Я уже больше не могла стучаться ни въ одну гостинницу и стала здѣсь ждать, не пошлетъ ли Богъ добраго человѣка.

Такъ говорила дѣвушка, плача и изнемогая отъ холода, пока наконецъ не отворили дверь. Я приказалъ разбудить сидѣлку, уложить эту незнакомку въ постель, всѣмъ распорядился, и чрезъ часъ она уже крѣпко спала, хотя тѣло ея то и дѣло подергивали судороги.

Я долго не могъ уснуть. Меня мучила мысль, которую я не могъ понять: что рѣшаетъ міровой духъ, видящій, какъ мать, окруженную довольствомъ и любовью, такъ и эту несчастную, распростертую на снѣжныхъ ступеняхъ? Я не находилъ выхода изъ этого противорѣчія и успокоенный только вѣрою, что кажущаяся путаница имѣетъ въ основаніи строгую послѣдовательность, которая должна еще осуществиться; что Высшій Духъ, управляющій всѣмъ, мѣняетъ свои пути.

На завтра утромъ я нашелъ незнакомку окрѣпшую и почти поправившейся. И меня оставило то молодушіе, которое овладѣло было наканунѣ. Я вошелъ къ ней въ комнату, и уже напередъ зналъ, какую услышу печальную исторію, прерываемую вздохами.

Меня такъ много разъ обманывали подобными исторіями, что я сдѣлался очень остороженъ. Плохо то, что ложь и обманъ часто закрываетъ предъ нами истину и дѣлаетъ къ ней слѣпыми. А между тѣмъ онѣ должны бы быть основаніемъ всякаго человѣколюбія; лучше благородно поступить съ десятью недостойными, чѣмъ отнять у одного хорошаго человѣка заслуженные имъ любовь и благо. Я нашелъ незнакомку веселой и въ хорошемъ расположеніи духа; она поблагодарила меня чистосердечными словами: она была по ея словамъ дочь одного довольно зажиточнаго крестьянина, разорившагося отъ дурнаго хозяйства и частой перемѣны мѣста жительства. Въ родительскомъ домѣ были для нея хорошіе дни. Но отецъ съ матерью умерли и дѣвушка—звали ее Христи-

ной—уже три года служила у почтмейстера въ Н..... Тутъ она связалась съ однимъ слугою. Она горько плакала, разсказывая объ этомъ; затѣмъ, осушила слезы, а глаза ея смотрѣли свѣтло, когда она говорила о своемъ женихѣ (такъ она его называла).

Она представляла его славнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ, не могла имъ нахвалиться. Онъ хотѣлъ жениться на ней, но какъ они оба рѣшительно ничего не имѣли, кромѣ рабочихъ рукъ, то и не могли нигдѣ приписаться. Она говорила о ночахъ, которыя въ уединеніи проплакала о томъ, что мать ея не найдетъ въ могилѣ покоя, потому что дочь отступила отъ прямаго пути. Разсказывала, какъ ея женихъ хотѣлъ что нибудь надъ собою сдѣлать съ этого горя.

Богъ хочетъ наказать меня за мои грѣхи. Я все готова перенести, только-бы осталась намъ бѣдная наша крошка.

Я хочу работать до кроваваго пота, и мы бы съ женихомъ года въ два столько заработали, что могли бы переселиться въ Америку.

Признаюсь, эта исторія мало меня тронула; я ихъ такъ уже много слышалъ, то правдивыхъ, то ложныхъ. Когда же черезъ нѣсколько дней появился ея женихъ красивый видный малый съ смѣлымъ взглядомъ, но теперь смотрѣвшій такъ уныло, какъ преступникъ, когда онъ хотѣлъ дать мнѣ дрожавшей рукою нѣсколько грошей, прося, нельзя-ли приготовлять для его Христинушки повкуснѣй супъ, я получилъ лучшее понятіе объ отношеніяхъ между этими людьми.

Особенно мнѣ понравился молодой парень. Это былъ человѣкъ, который не привыкъ благодарить, которому было трудно произносить смиренныя слова, которымъ пріятнѣе получать то, что принадлежитъ имъ по праву. Признаюсь я люблю такія натуры. На свѣтѣ такъ много униженія и по-

прашайства, что пріятно бываетъ видѣть наконецъ самостоятельные характеры которые принимаютъ вашу дружбу и услугу такъ какъ будто бы желая сказать:

— Если случится и мнѣ быть въ состояніи сдѣлать вамъ тоже, то охотно сдѣлаю. Черезъ десять дней по своемъ прибытіи Христина родила крѣпкаго мальчика. Радость ея при видѣ этого ребенка была неописанная. Въ это время вся печаль, все горе, казалось, ее оставили; она была вполнѣ счастливой матерью. И когда она говорила, что ребенокъ вылитой отецъ, лицо ея сіяло блаженствомъ.

Черезъ восемъ дней послѣ этого и жена купца Ф. тоже родила сына. Я предложилъ Христинѣ поступить туда въ кормилицы, говоря, что она можетъ тутъ заработать порядочныя деньги. Она посмотрѣла на меня съ изумленіемъ, крѣпче прижала къ себѣ ребенка, и крупныя слезы показались на ея глазахъ. Она почти задыхалась, не могла говорить, но наконецъ сказала:

— Ничего не могу на это сказать; мой женихъ придетъ сегодня на крестины.

Ребенка окрестили; я долженъ былъ быть его воспріемникомъ, но не имѣлъ на это ни времени, ни, правду сказать, большой охоты. Я бы былъ уже крестнымъ отцомъ всего свѣта, если бы принималъ всѣ подобныя предложенія.

Но въ благодарность мнѣ, мальчику все таки дали мое имя: Антонъ. Женихъ хотѣлъ было увезти ребенка въ деревню и тамъ его воспитывать, да и я ему тоже совѣтовалъ; но Христина заявила, что только въ такомъ случаѣ поступитъ въ кормилицы, когда ребенокъ будетъ при ней. Онъ и былъ переданъ одной изъ хорошихъ извѣстныхъ мамокъ заведенія. Въ этотъ же вечеръ я привелъ Христину въ домъ купца Ф. Ее передернуло, когда она почувствовала у своей груди чу-

жое дитя, а дитя тоже отвернулось съ крикомъ. Но все это вскорѣ уладилось и Христина жила, какъ княгиня въ прекрасно отопливаемомъ домѣ; кормили ее всѣмъ самымъ вкуснымъ и питательнымъ; все было къ ея услугамъ, и ребенокъ купцевъ Ф. (его звали Германомъ) росъ не по днямъ а по часамъ. Видъ Христины былъ здоровый, красивый, она пѣла, шутила по цѣлымъ днямъ и чрезвычайно ласкала ребенка.

Мы должны были часто смѣяться надъ ея выходками. Удивительно, какъ страсть изобрѣтательна на похвалу и брань. Чего-чего, какой нелѣпицы она не высказывала. Когда повидимому, исчерпывался запасъ ласкательныхъ словъ Христины, она находила новыя и новыя и приговаривала, закусывая губы.

— О ты... ты... золотой чечевичный супъ.... ты... ты... сахарный ухватикъ.....

Мнѣ кажется, что этими странными восклицаніями она хотѣла заглушить въ себѣ стоны горести, забыться, и частію этого достигла. Я слышалъ со всѣхъ сторонъ похвалы и благодарность за такую прекрасную кормилицу. Это дѣлало меня похожимъ на продавца невольниковъ.

Зима быстро стала замѣняться весной: Христина должна была въ полдень гулять съ ребенкомъ, по городской площади. Купцы Ф. одѣли ее въ прекрасный новый нарядъ, покроемъ похожій на ея деревенское платье. Христинѣ было-бы пріятнѣе надѣть городское, но у насъ любятъ показать, что у насъ крѣпкая, здоровая деревенская кормилица, а потому Христина должна была волей-неволей нарядиться въ этотъ костюмъ. Она носила ребенка, который лежалъ на мягкой шелковой подушкѣ и былъ покрытъ легонькимъ одѣяльцемъ, и кромѣ того заботливо держала надъ нимъ зонтикъ, что бы

защищать отъ черезчуръ докучливаго солнечнаго луча. А между тѣмъ молодая жена смотрѣла изъ окошка. Я какъ то встрѣтилъ Христину, когда она шла по улицѣ. Она робко оглянулась и сказала мнѣ: я такъ смущаюсь, точно я продана, точно чужая всѣмъ; у меня такая робость на душѣ; на площади я должно быть встрѣтила отца съ ребенкомъ, шедшихъ изъ биржи.

На площади были многія ея подруги, большею частью вѣтренныя созданія, которыя были гораздо больше заняты проходившимъ солдатомъ, чѣмъ бывшимъ у нихъ на рукахъ ребенкомъ. Христину спросили: «Говоритъ-ли уже ея принцъ: адье.»

Какой-то лихорадочный трепетъ пробѣжалъ по ней. Съ тѣхъ поръ, какъ она разсталась съ своимъ ребенкомъ, она видѣла его только разъ. Въ день крестинъ она передала его старой мамкѣ, а сама получила богатые подарки и угощенія.

Христина была тогда почти чужая своему ребенку; странное чувство овладѣло ею; сердце ея какъ будто застыло.

И теперь она почувствовала холодную дрожъ, и побѣжала къ своему ребенку по грязнымъ узкимъ улицамъ. Она нашла его кричавшимъ, однимъ, въ конуркѣ; въ его колыбели лежалъ полуочищенный картофель; ребенокъ былъ желтый, худой.

Когда она посмотрѣла на малютку Германа, то, точно (разсказывала мамка) хотѣла убить его своимъ взглядомъ, точно хотѣла сказать: смотри, вотъ разбойникъ, похитившій у тебя мать, твою пищу, жизнь. Она наклонилась надъ колыбелью и громко рыдала.

Оба ребенка кричали.

Затѣмъ она встала, схватила свое дитя, ласкала его, цѣловала; дала ему груди, но онъ не взялъ; она, шутя при-

подняла его надъ головою, а онъ будто играя, билъ ее по лицу. Она побранилась съ мамкой; но вскорѣ спохватилась что пора домой и быстро ушла съ укутаннымъ Германомъ.

Дома ее хорошенько пожурили, хотя и не очень, что-бы не повредить ребенку. Все пришло въ величайшее смятенье; отецъ вернулся изъ биржи, а ребенка нигдѣ не находили. Христина не хотѣла сказать, гдѣ она была и оправдывалась тѣмъ, что заблудилась, гуляя по улицамъ.

Было рѣшено, что-бы больше никогда ее не пускать одну. Маленькій Германъ кричалъ и капризничалъ цѣлый день. Противъ воли я открылъ, гдѣ была Христина. Испытанное ею потрясеніе отразилось на ея питомцѣ. Стали говорить о томъ, чтобы сейчасъ-же прогнать Христину изъ дому; я брался уладить дѣло, и обѣщалъ усилить свой надзоръ надъ малюткой; но можетъ-ли это здѣсь помочь?

Христина опять по прежнему сдѣлалась спокойной и веселой. Дня черезъ три послѣ этого происшествія, вечеромъ, купецъ Ф. со своею женою были у родителей. Все въ домѣ было покойно. Кормилица пѣла заунывную народную пѣсню, которыми такъ богато нѣмецкая музыка. Въ сосѣдней комнатѣ работала горничная. Вдругъ Христина подбѣгаетъ къ окну и быстро его отворяетъ.

Горничная черезъ дверь спросила, что она дѣлаетъ и сказала, что лучше бы она заперла окно, а то на ребенка подуетъ вечерній холодъ. Но Христина спросила: Не слыхала-ли она, что кто-то будто произнесъ ея имя на улицѣ? Горничная отвѣтила, что не слыхала, что это ей такъ показалось.

Но Христина никакъ не могла успокоиться. Она прыгала по комнатѣ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ. Затѣмъ останови-

лась у окна и стала прислушиваться; но все было тихо, хоть ей и показалось, что она опять что то слышитъ.

Она отворила дверь и вышла. Вышедши, сняла башмаки и тихонько сошла по лѣстницѣ. Дверь дома была заперта.

Христина хотѣла отворить окно въ сѣняхъ, но оно было съ рѣшеткой. Она кинулась въ комнату прислуги, которая оставалась пуста; окно въ ней было безъ рѣшетки и вскорѣ

она очутилась на улицѣ. Едва касаясь ногами земли, бѣжала она по улицамъ все впередъ, впередъ. Ночной сторожъ, увидавши ея, ужасно испугался; такъ неслышно она появилась и исчезла. Быстро она бѣжала и наконецъ добѣжала до дому, гдѣ былъ ея ребенокъ. Домъ былъ открытъ, а мамка ушла къ сосѣдкѣ. Христина нашла своего ребенка лежавшимъ спокойно въ колыбели; онъ больше не кричалъ, но только тихо стоналъ.

Мѣсяцъ свѣтилъ ярко въ небѣ и озарялъ эту мать, которая, безъ слезъ, склонилась надъ своимъ ребенкомъ. Въ это время вошла мамка со свѣчей. Христина испустила ужасный, потрясающій крикъ, когда она увидала ребенка; она рвала на себѣ волосы, но вскорѣ успокоилась, дала ребенку груди и, о блаженство! онъ открылъ глазки, протянулъ ручонки къ губамъ матери и сталъ сосать. Осторожно положила она его опять и поцѣловала одѣяльцо, подъ которымъ онъ спалъ, или лежалъ съ закрытыми глазами. Обходя своихъ пацiентовъ я именно въ это время зашелъ въ ихъ домъ, и, услыхавши громкій разговоръ въ комнатѣ, вошелъ въ нее. Христина бросилась ко мнѣ на встрѣчу и восторженно вскричала:

— Мое дитя живетъ, живетъ!

Но я увидалъ смерть, которая съ минуты на минуту готова была закрыть на вѣки эти глазки. Я хотѣлъ уговорить Христину вернуться домой, но она точно оглохла или погрузилась въ свои мысли и почти не обращала на меня вниманья. Она запѣла колыбельную пѣсенку, стала качать, качать ребенка; я пощупалъ пулсъ—она качала мертвое дитя.

Теряясь, я нѣсколько старался увести Христину домой; я думалъ, что скрою отъ нея это горе; но увы! она еще разъ пристально взглянула на ребенка, лишилась чувствъ, и упала близь колыбели.

Когда мы привели ее въ чувство, она улыбнулась и сказала:

— Да, онъ сказалъ: адье, мой Антоша, но я его напоила, да, да.

Она стала бродить изъ угла въ уголъ и кивала головой, точно во всѣ стороны кланялась. У меня было еще много

дѣлъ, и потому я приказалъ, чтобы Христина тутъ осталась; я хотѣлъ самъ за ней зайти.

Въ такомъ видѣ она никакъ не могла вернуться въ домъ купца Ф. Христина отпустила меня спокойно, но когда я вышелъ, она стала просить мамку провести ее. Тихо, какъ ягненокъ, она пошла по улицамъ. Когда она подошла къ дому Ф, къ воротамъ подъѣхалъ экипажъ. Христина сказала:

Пусти меня туда.

Вбѣжавши тихонько въ дѣтскую, она схватила маленькаго соннаго Германа, стала его ласкать, цѣловать и запѣла:

Спи, мое дитятко, спи
Тятя овечекъ пасетъ,
Мама....

Въ это время дверь отворилась и вошла мать. Что подѣлываетъ мое дитя? спросила она.

— Твое дитя! безумно, дико воскликнула Христина. Прочь, прочь! Твое дитя! мое дитя; да, твое дитя убило мое дитя! Она пристально глядѣла впередъ... Убило, убило вскричала она и бросила дитя на полъ. Оно разъ простонало и испустило духъ.

Въ это время я вошелъ въ комнату. Ребенокъ лежалъ на полу съ разбитой головой, мать возлѣ него безъ чувствъ; а Христина пѣла, бѣгала по комнатѣ.

Я остолбенѣлъ.

Въ эту же ночь Христину помѣстили въ домѣ умалишенныхъ; у нея, какъ говорятъ, молоко бросилось въ голову.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль безумнаго бѣшенства она умерла.

Супруги Ф. остались бездѣтными; они отсюда уѣхали.

* *
*

Такъ разсказалъ докторъ.

— Ужасно! Воскликнули оба слушателя послѣ молчанія, а молодой прибавилъ:

— Это ужасная месть на одномъ за вину тысячей. Грустно, возмутительно, какъ мы устраиваемъ свое счастье среди самыхъ постыдныхъ отношеній.

Этому надо положить конецъ.

— Христина, сказалъ врачъ, была послѣдняя кормилица, которую я рекомендовалъ. За мое мнѣніе я потерялъ половину своей практики. Прежде всего нужно позаботиться о томъ, что бы дѣвушки получили такое здоровое воспитаніе, чтобы впослѣдствіи могли быть матерями въ истинномъ смыслѣ этого слова. Пусть онѣ немножко меньше бренчатъ на фортопіано, намъ прежде всего нужны здоровые люди.

Если же уже необходимо взять кормилицу, то родители обязаны позаботиться и о ея ребенкѣ, а еще лучше взять его къ себѣ въ домъ.

— Конечно этимъ способомъ можно бы поправить дѣла, сказалъ собесѣдникъ съ просѣдью. Но тутъ есть свои затрудненія. Прежде всего надо ясно показать свѣту, что онъ живетъ среди всякаго грѣха. Когда это поймутъ, то и дѣло это поправится такъ или иначе.

Но кто пойметъ это?

Мачиха.

(РАЗСКАЗЪ).

Двѣ натуры другъ подлѣ друга, дополняя одна другую.

Штофельнбекъ и его супруга были скромны, какъ голуби, и умны какъ змѣи; то есть онъ былъ уменъ, а она была скромна; и онъ былъ настолько уменъ, что даже иногда соображался съ ея скромностью. Задумывая какое-нибудь дѣло по хитрѣе, онъ не рѣдко старался узнать, какъ на это смотритъ прямота и простота; а это не трудно было сдѣлать; стоило только спросить жену.

Тогда онъ или слѣдовалъ ея мнѣніе, потому что прямота оказывалась всего умнѣе, или принималъ такія мѣры, чтобы и она была болѣе или менѣе удовлетворена.

По этому многіе говорили, что Штофельнбека и не поймешь: то его планы похожи на поле, исковыренное мышиными норками, то все въ нихъ было прямо, искренно, какъ будто онъ и не зналъ, что такое лукавство.

За то онъ считался въ семь разъ умнѣе. Потому что никто не подозрѣвалъ, какъ ловко умѣлъ онъ пользоваться простою честностью жены.

Штофельнбекъ наслаждался довольствомъ; его считали даже богатымъ, и странно! подобно тому, какъ люди дѣлаются хорошими или дурными, смотря по тому, какими ихъ счи-

таютъ, такъ иногда съумѣютъ такъ воспользоваться мнѣніемъ свѣта, какъ это дѣлалъ Штофельнбекъ. При всемъ томъ онъ былъ весьма скроменъ съ маленькими людьми и въ тоже время весьма самостоятеленъ съ большими. Съ послѣдними впрочемъ онъ имѣлъ мало сношеній. Даже съ старымъ бумажнымъ фабрикантомъ, смѣлымъ богатымъ и сильнымъ человѣкомъ въ той мѣстности, съ человѣкомъ, сынъ котораго былъ военнымъ судьею, онъ обращался вѣжливо, но не потому, что бы считалъ его важнымъ лицомъ, а именно потому, что считалъ не важнымъ. Конечно онъ не дѣйствовалъ на прямикъ, и ходила молва, что съ знатнымъ и незнатнымъ не было человѣка, обходительнѣе Штофельнбека.

— Когда я былъ еще носильщикомъ, говорилъ онъ нѣсколько лѣтъ сряду; но за тѣмъ сталъ говорить: когда я вѣшалъ плоды. Дѣйствительно этими обоими дѣлами онъ занимался, пока не сдѣлался Штофельнбекомъ, а городъ не сдѣлалъ его городскимъ совѣтникомъ.

Онъ охотно разсказывалъ, какъ явился въ городъ 16-ти лѣтнимъ здоровымъ, рослымъ дѣтиной; и прежде всего нагружалъ, выгружалъ и таскалъ мѣшки, и какъ бывалъ радъ, когда за шесть перенесенныхъ громадныхъ мѣшковъ получалъ 2 крейцера. За тѣмъ прибавлялъ, какъ онъ сдѣлался присяжнымъ измѣрителемъ плодовъ, какъ наконецъ его принялъ ученикомъ старый Штофельнбекъ и сдѣлалъ человѣкомъ.

Нужно сказать правду: подобные откровенные разсказы были ему полезны; это можно было замѣтить по его довольному тону, и по способу изложенія различныхъ частностей.

Тутъ выражалось не только извѣстное чувство самодовольства послѣ столькихъ невзгодъ, но и признательность къ благосклонной судьбѣ въ связи съ чувствомъ гордости.

И притомъ разсказъ этотъ былъ уменъ. Такъ какъ онъ

самъ разсказывалъ, что съ нимъ было, и чѣмъ онъ самъ сдѣлался, то это дѣлало ему честь; если же разсказывали бы это другіе, то конечно не обошлось бы безъ разныхъ обидныхъ примѣчаній. Слушая его разсказы о томъ, что ему приходилось переносить, маленькіе люди цѣнили его признательность судьбѣ, а большіе его скромность, и рады всѣ были оказывать свою поддержку столь достойному человѣку. Болѣе знатные равняли себя съ нимъ.

Управляющій государственными доходами приглашалъ его съ собою не рѣдко въ пивные погреба за городомъ; нерѣдко сиживалъ вмѣстѣ съ нимъ или появлялся въ окнѣ, позывая, что считаетъ это за большую честь своему дому.

Но, и не было дома пріятнѣе Штофельнбека. Надо замѣтить между прочимъ, что лѣстница его была открыта для всѣхъ: по ней проходили изъ верхняго города въ нижній. Въ самомъ его домѣ все дышало такимъ спокойствіемъ, такою уютностью, запахъ свѣжаго хлѣба дѣлалъ пребываніе въ немъ даже такъ сказать питательнымъ, а лице супруги такъ высматривало, какъ будто на немъ было написано: «Господи благослови!»

Говорятъ, что въ голодный годъ такой-же хлѣбъ, какъ и въ урожайный, имѣетъ не одинаковую питательность. Можетъ быть, въ немъ находится менѣе питательнаго вещества; но есть тутъ и кое-что другое, чего нельзя ни свѣсить, ни вымѣрить, это общее благословеніе, ниспосланное чудомъ съ хлѣбами, напитавшими многихъ не многимъ.

Такъ было съ каждымъ, кто получалъ хлѣбъ отъ супруги Штофельнбека; въ самомъ способѣ его даванья, въ благодушномъ киваніи головою, было что-то благословляющее, такъ что этотъ хлѣбъ казался питательнѣе всякаго другаго. Булочница была очень гостепріимна и хлѣбосольна со всѣми.

Когда у нея просили свѣжаго хлѣба, то она часто не давала никакого; когда же настоятельно требовали, то, тихо восклицала: Господи, прости мои согрѣшенія! и затѣмъ отвѣчала громче:

— У меня есть только старый, но ты увидишь, что онъ питательнѣе. Одной покупщицѣ, которая во что бы то ни стало хотѣла имѣть свѣжаго хлѣба, она наконецъ сказала:

— Мы печемъ только вчерашній! и надъ этой шуткой много смѣялись въ городкѣ.

Сидя на стулѣ передъ открытымъ окномъ, жена Штофельнбека пріобрѣла знаніе свѣта, которое дѣлало ее все любезнѣе и милѣе. Впрочемъ и кромѣ того она имѣла достаточное къ тому основаніе, потому что была дочь образцоваго учителя Штраубенлюллера, тонкаго и глубоко одареннаго человѣка, который умеръ слишкомъ рано, потому что все принималъ черезъ чуръ горячо къ сердцу.

Странно звучитъ слово: образцовый учитель, но такъ писалось въ различныхъ актахъ и декретахъ. А именно въ этомъ городкѣ устроили школу съ увеличеннымъ числомъ классовъ и дали ей названіе «образцовой.»

Хотя изъ нея не выходило образцовыхъ людей, но все же дочь образцоваго учителя была достойной отца и его высокаго призванія.

Не малой заслугой съ ея стороны было и то, что она вышла за бывшаго измѣрителя плодовъ и безъ всякаго высокомѣрія жила съ нимъ счастливо. Она позволяла людямъ говорить, что угодно о томъ, что вотъ такая воспитанная, образованная дѣвушка вышла за человѣка, который былъ прежде простымъ носильщикомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она умѣла оцѣнить его, и это увѣреніе со стороны такой супруги Штофельнбекъ выставляя на видъ

во всѣхъ предпріятіяхъ и всю жизнь былъ ей благодаренъ, что и выражалъ оссобеннымъ образомъ.

Да, моя женушка хитра! она меня во время купила; она хорошо разсчитала, зная что года въ два я поднимусь въ цѣнѣ и буду стоитъ втрое.

При этомъ она осталась тихой и скромной, Штофельнбекъ называлъ ее часто своими домашними часами, которые висятъ себѣ на стѣнкѣ, идутъ спокойно, не разсказываютъ никому, что передъ ними дѣлается, а, когда на нихъ смотрятъ, показываютъ сей-часъ-же, который часъ.

Но супруга Штофельнбека знала который часъ и у другихъ. Такъ, какъ много всякаго сорта людей проходило мимо ея, то они останавливались у ея окошка на болѣе или менѣе короткое время; тихо, не замѣтно она слѣдила за ихъ бытомъ. Особенно зорко слѣдила за горничными.

Точно вотъ она читала на лицахъ и многія замѣчанія, которыя сдѣлала то тому, то другому будто мимоходомъ, служили часто для ихъ спасенья отъ погибели. Она умѣла и тѣмъ привлекать къ себѣ людей, что то тому то другому давала порученія, которыя нужно было исполнять тоже мимоходомъ, такимъ образомъ ей служила половина городка и была съ ней откровенна безъ всякаго опасенія. Ей разсказывали всѣ случайности, оказывали разныя услуги, и слушались ея мнѣній и совѣтовъ. Она въ тихомолку и мѣстечки доставляла прислугѣ, зная очень хорошо, куда годится та, куда другая, и однакожъ, удивительная вещь! она вовсе не допускала слишкомъ долго пребыванія у ея окошка; сей часъ же запирала его, говоря:

— Достаточно болтать! и затѣмъ прибавлялась пословица: «говоритъ серебро, а молчитъ золото.»

Нѣсколько лѣтъ въ домѣ Штофельнбека царствовали счастье

радость. Единственная ея дочь была замужемъ на масляной мельницѣ въ Долинѣ и жила въ достаткѣ и спокойствіи; сынъ былъ экономомъ на углу торговой площади, гдѣ долженъ былъ останавливаться всякій возъ, съѣзжавшій съ горы и снимать тормазъ.

Это было для него выгодно, и имущество и счастье сына возрастали. Но мать его рѣдко являлась къ нему, и появленіе ея всегда считалось праздникомъ; она никогда не сидѣла въ передней комнатѣ, и всегда въ задней со своей невѣсткой и ея двумя дѣтьми, и хотя съ отказами, но принимала съ удовольствіемъ лучшій кофе, который приготовлялся бабушкѣ.

Но Штофельнбекшѣ было всего лучше дома, а когда она отправлялась къ сыну, всегда старательно разряженная, то торговки сидѣвшія на другой сторонѣ улицы, привѣтливо ей кланялись и отъ ея поклоновъ всѣ лица дѣлались веселѣе.

Между тѣмъ вотъ уже два года, какъ Штофельнбекша печальна, потому что жена сына умерла, и дѣдушка съ бабушкой должны были взять къ себѣ старшую дочку, дѣвочку лѣтъ семи. Двухлѣтняго же сына отецъ оставилъ у себя, и Штофельнбекша опредѣлила въ экономки къ сыну одну свою родственницу, проживавшую у нея въ домѣ болѣе 20-ти лѣтъ. Пока она все еще соболѣзновала о смерти невѣстки, мужъ ея заботился только объ одномъ: какъ бы найти своему сыну такую жену, которая бы еще болѣе возвысила блескъ ихъ фамиліи, такъ что бы можно было прибавить еще что нибудь къ «коронѣ», уничтожить Медвѣдя, Ягненка, Лошадь и Вола, т. е. гостинницы съ этими названіями.

Самою подходящею казалась племянница бумажнаго фабриканта, и даже самъ фабрикантъ разъ объ этомъ говорилъ, и не даромъ сталъ ходить, вмѣсто почтмейстера, къ сыну

Штофельнбека; но ни молодой человѣкъ, ни его мать не раздѣляли желаній Штофельнбека. Сынъ ихъ не намѣренъ былъ больше жениться; онъ не хотѣлъ, что бы у дѣтокъ была мачиха.

Говорятъ, что съ теченіемъ времени супруги дѣлаются другъ на друга похожими; тутъ этого не было. Самъ Штофельнбекъ былъ долговязъ и костлявъ, и все казалось у него превратилось въ кость, верхняя губа его была вовсе не красна, а нижняя выдавалась немножко впередъ, и все лице отличалось тонкими и рѣзкими чертами; между тѣмъ супруга его была довольно кругла, полна и дородна. Но не смотря на ихъ наружное и внутреннее различіе, они жили между собою дружно и, если ихъ разсмотрѣть внимательно, то можно было найти между ними довольно много сходнаго.

Задняя комната ихъ лавки носила прозвище булочной канцеляріи, потому что самъ Штофельнбекъ былъ, что называется, адвокатской головой и пользовался своей славой; не было во всемъ околоткѣ ни одного судебнаго дѣла, которое не подверглось бы предварительно его разбирательству, и всѣ любили повторять его поговорку и его жены: «скажи мнѣ лучше, что говоритъ твой противникъ».

Случалось именно такъ, что каждый тяжущійся излагалъ свое дѣло такимъ образомъ, что ничто въ мірѣ не могло быть яснѣе его права и становилось совсѣмъ непонятнымъ, какіе тутъ могли быть еще сомнѣнія и споры. Штофельнбекъ часто тогда говорилъ:

— Ну какая тебѣ польза горемыка, если ты меня обманешь? Скажи-ка мнѣ лучше, какіе доводы представляетъ твой противникъ; тогда я скорѣе дамъ тебѣ совѣтъ. Ты представь себя на его мѣстѣ и тогда уже сообрази, чего можно требовать.

Конечно, это было трудно. Очень не многіе люди могутъ представлять себя другими, глядѣть на самихъ себя какъ будто чужими глазами, а это-то и составляетъ трудность выполненія стариннаго правила: «Познай самаго себя; постучись-ка къ себѣ; явись къ себѣ въ гости, какъ бы чужой и посмотри, что это за странное было-бы посѣщеніе! Прежде всего ты долженъ рѣшить, что знаешь себя, тутъ только и начнешь это знакомство.»

Изъ разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ въ булочной канцеляріи Штофельнбека нерѣдко происходило нѣчто болѣе простаго опредѣленія правъ собственности; иногда разсматривалось также отрѣченіе отъ правъ на владѣніе.

Штофельнбекъ бывалъ нерѣдко мировымъ судьею и при этомъ держалъ открытый скипетръ: Это было ни болѣе, ни менѣе, какъ хлопушка для мухъ, которой онъ такъ искусно владѣлъ, что могъ убить муху на краю стакана, не разбивши самаго стакана, а вѣдь это не малое искуство. И когда какой нибудь завзятый сутяга хотѣлъ осуществить свое право до послѣднихъ предѣловъ и слышать не хотѣлъ ни о какихъ уступкахъ, то Штофельнбекъ говорилъ ему: Смотри, нельзя же всѣхъ мухъ бить; надо оставить нѣкоторыхъ на волѣ.

И этимъ нерѣдко удавалось ему уладить спорное дѣло, даже прежде, чѣмъ оно доходило до суда.

У Штофельнбека была еще табакерка, съ помощью которой онъ тоже кое-что улаживалъ; это была настоящая игрушка, хотя и безъ музыки. Табакъ въ ней всегда былъ свѣжій, но Штофельнбекъ собственно не нюхалъ изъ нея, а употреблялъ ее только для того, чтобы пріобрѣсть себѣ другимъ надлежащую точку опоры. Когда онъ щелкалъ, стучалъ по ней правымъ указательнымъ пальцемъ, табакерка открывалась, и онъ медленно бралъ щепотку табаку. Держа ее

спокойно въ рукѣ, затѣмъ передавалъ эту щепотку большему и указательному пальцу лѣвой руки, какъ будто надѣясь найти въ ней внутреннюю поддержку: спокойствіе съ одной стороны, а дѣятельное мышленіе съ другой; когда же онъ наконецъ подносилъ эту щепотку къ носу, то вдругъ точно спохватившись, бросалъ назадъ табачекъ и быстро обращался къ собесѣднику, но это было только искусная уловка, что-бы выиграть время.

Часто ему удавалось и тѣмъ укротить слишкомъ горячаго противника, что онъ предлагалъ ему открытую табатерку. Это нерѣдко было удачной уловкой снискать къ себѣ снова расположеніе враждебно настроившагося противника. Никто незналъ, даже его собственная супруга, какъ полезна была эта игрушка табакерка.

Люди часто говорили о Штофельнбекѣ, что онъ чинитъ домашній судъ, и домъ его больше всѣхъ посѣщали во всей странѣ; но онъ былъ однаго мнѣнія съ женою, что этого не слѣдовало допускать. Потому она утверждала, что уже не можетъ быть у себя хозяйкой, что у нея болѣе нѣтъ собственнаго дома, и живетъ она точно на улицѣ; каждый входящій въ ея комнату, долженъ былъ ей мило кланяться, а если бы тутъ было ея собственное хозяйство, то она бы должна была встрѣчать каждаго и быть съ нимъ привѣтливой.

Самъ же Штофельнбекъ просто не хотѣлъ вредить сыну, и нашелъ даже отличное средство быть ему полезнымъ. Мало-того что ему было пріятно имѣть въ городѣ сына хозяиномъ, такъ-сказать звеномъ общественности, гдѣ можно быть какъ дома. Идутъ въ гостинницу и однакожъ сидятъ, будто дома; могутъ требовать услуги въ качествѣ гостя и любезности, какъ свой человѣкъ, но онъ тутъ еще извлекалъ и дальнѣйшую пользу.

Зимою и лѣтомъ онъ имѣлъ свои опредѣленные часы, которые проводилъ въ коронѣ, и когда о немъ кто нибудь спрашивалъ, то получалъ отвѣтъ: «въ такія-то часы въ коронѣ!» И тамъ получалъ публичныя, или по желанью тайныя аудіенціи въ особенной комнатѣ.

При получкѣ вина, во время торговой сдѣлки, при выпивкѣ послѣ примиренія, рѣдко онъ не присутствовалъ въ коронѣ. Конечно, онъ тутъ устраивалъ много и собственныхъ дѣлъ, потому что кромѣ продажи булокъ, онъ бойко велъ торговлю плодами; это доставляло сыну не только много посѣтителей; но болѣе и болѣе вводило его въ занятія отца; хотя онъ и не очень интересовался ими, потому что характеръ его скорѣе походилъ на мать, или какъ выражался Штофельнбекъ: получалъ въ наслѣдство нѣчто отъ «образцоваго учителя.»

Хозяинъ короны былъ съ годъ въ семинаріи; но отецъ умѣлъ, какъ онъ самъ выражался, избавить его отъ нищенскаго хлѣба; это было рѣзкое слово, котораго сынъ никогда незабывалъ; Штофельнбекъ всегда говорилъ, что школьные учителя—Пасынки міра.

Одинъ маленькій случай не мало возбудилъ насмѣшекъ противъ хозяина короны; ему нужно было купить конскаго волоса, а онъ спросилъ лошадинаго, и злые люди тотчасъ-же сочинили объ этомъ цѣлую исторію подобнаго рода, будто онъ спросилъ крестьянина:

— Нѣтъ ли у тебя лошадей?

— На что тебѣ?

— Я купилъ бы съ нихъ шерсть.

Конечно эту исторію слушали охотно и хозяину Короны совсѣмъ не помогло, что онъ на это возражалъ. Иной мальчишка весьма важничалъ, когда его спрашивали:

— Не покупалъ-ли ты шерсти съ лошадей?

Хотя, все это было давно забыто; но, во всякомъ случаѣ хозяина Короны нѣсколько безпокоила собственно безпомощность въ житейскихъ дѣлахъ и напряженія, съ которыми онъ старался ее преодолѣть. У него былъ, такъ сказать, возвышенно нѣмецкій образъ мыслей и слишкомъ тонкія чувства!

Онъ не могъ допускать въ торговлѣ никакой хитрости; его легко обманывали, и каждый разъ всякая нечестность, или грубость поражала его. Отецъ часто говорилъ ему:

— Ты братецъ, маменькинъ сынокъ, и это для свѣта не годится. Ты изъ тѣхъ людей, которые вѣчно бродятъ по свѣту, погруженные въ собственныя мысли, и каждая собаченка, которая зря залаетъ, пугаетъ ихъ ужасно. Будь же бодрѣе, смѣлѣе, и помни что многія собаки сидятъ на цѣпи, а другія если лаютъ, то не кусаютъ; наконецъ если которая и захочетъ укуситъ,-то ты имѣешь достаточно силы защититься.

Такъ какъ хозяинъ Короны сознавалъ прямодушно, и не щадя себя, свои ошибки и недостатки, то Штофельнбекъ считалъ его еще слабѣе и еще болѣе нуждающимся въ руководствѣ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, потому что закаленныя, недоступныя раскаянью натуры считаютъ ничтожными и малодушными тѣхъ, кто можетъ искренно сознаваться въ своихъ недостаткахъ.

Такимъ образомъ сынъ обрѣтался въ постоянной зависимости у своего отца, подчиняясь ему охотно, благодаря своей сыновней любви и недовѣрію къ самому себѣ.

Напротивъ того Штофельнбекъ желалъ видѣть его болѣе самостоятельнымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ со смерти своей жены былъ совершенно какъ потерянный и

позволилъ-бы руководить собою даже въ самыхъ пустякахъ.

Что бы его разсѣять, отецъ поручалъ ему разныя промышленныя предпріятія, при чемъ обращался съ нимъ чрезвычайно кротко. Когда сынъ обвинялъ самъ себя, что сдѣлалъ то или другое неловко, онъ утѣшалъ его, и старался ободрить, надѣясь сдѣлать его годнымъ для тѣхъ великихъ замысловъ, которые имѣлъ для него въ виду. Однажды осенью, вечеромъ, когда уже всѣ гости разошлись, онъ сказалъ сыну:

Завтра рано утромъ тебѣ надобно отправиться въ Брейсгау и сообразить тамъ что-нибудь на счетъ чечевицы, бобовъ и конопли; можешь тамъ принять во вниманіе клеверъ, ленъ и кукурузы. Сынъ хотѣлъ было кое-что возразить, но все это было предусмотрено и легко опровергнуто отцомъ, который по обыкновенію принялъ на себя все хозяйство гостинницы. На слѣдующее утро, еще за долго до разсвѣта, стоялъ хозяинъ у кроватки своего сынка и слезы лились у него изъ глазъ, потому что мальчикъ въ своемъ ночномъ чепчикѣ такъ напоминалъ ему дорогую покойницу.

Свѣжій утренній воздухъ быстро прояснилъ мысли хозяина Короны и когда наступилъ день и стало свѣтло на небѣ, надъ землей, покрытой прекрасными плодами, когда на улицу такъ бойко выѣхала пара лошадей,—у него даже сдѣлалось легко на душѣ. Онъ внутренно упрекалъ себя, что до сихъ поръ все малодушествовалъ, и признавалъ правымъ своего отца, который отрицалъ въ немъ твердость и мужественность характера. Все это надо было измѣнить и какъ бы обуздывая самаго себя, онъ крѣпко схватилъ за узду лошадей и поѣхалъ, понукая ихъ.

Міръ такъ полонъ освѣжающей жизни, что какова бы ни была наша печаль, мы не можемъ оторваться отъ него, отъ того, что даетъ и чего требуетъ день; а дѣти начинаютъ

свой жизненный путь на свѣтѣ и требуютъ добраго сердцемъ отца.

Онъ тихо улыбнулся, когда вспомнилъ, что вотъ теперь его сынокъ всталъ, что пришла сестренка и принесла его къ бабушкѣ. Ему показалось страннымъ, что у него дома столько собственной жизни; онъ явился самъ себѣ обновленнымъ, свободнымъ, и лошадки несли его далеко по свѣту.

Онъ пристально смотрѣлъ на дѣтей, шедшихъ въ школу съ разными учебными принадлежностями, потому что вспомнилъ, что и самъ когда-то хотѣлъ посвятить себя учительскому поприщу. Теперь бы можетъ-быть онъ сидѣлъ тамъ и смотрѣлъ за дѣтками, а вотъ вмѣсто того правитъ лошадьми.

Онъ поклонился школьному учителю, который смотрѣлъ въ окошко, а учитель снялъ ему шапку, вѣроятно думая, что ему кланяется знакомый, можетъ быть, его предшественникъ. Да, отецъ не долженъ болѣе говорить:

— Ты вовсе не годишься для жизни, гдѣ все основано на торговлѣ, обмѣнѣ, все направлено къ выгодѣ и барышу.

Таковъ былъ старый хозяинъ короны, но теперь онъ совсѣмъ не тотъ; онъ покажетъ свѣту, что можетъ и что не напрасно сынъ человѣка, который считается самымъ дѣльнымъ во всей окрестности и дѣйствительно таковъ.....

— Что у тебя на возу?

Пшеница.

— Продана?

Нѣтъ.

— Сколько стоитъ куль?

— По рыночной цѣнѣ.

Ну, мы увидимся въ городѣ.

Таковъ былъ быстрый и краткій разговоръ между остановившимъ своихъ лошадей хозяиномъ короны и крестьяни-

номъ, который ѣхалъ съ тяжелымъ возомъ въ городъ; распростившись съ нимъ, нашъ хозяинъ щелкнулъ языкомъ и погналъ лошадей.

Крестьянинъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ, на этого столь странно рѣшительнаго человѣка и уронилъ зажженный трутъ, который хотѣлъ было положить въ трубку; замѣтя это, онъ выскочилъ изъ телѣги и сталъ осматривать, не загорѣлось ли что нибудь.

По дорогѣ, онъ качалъ головою, думая о человѣкѣ, который поступилъ такъ, какъ будто хотѣлъ спросить: «сколько стоитъ свѣтъ?» Не такъ перемѣнчивы облака на небѣ, какъ человѣческія мысли, особенно мысль человѣка, который носитъ въ сердцѣ тяжелую участь, борется съ нею и то преодолѣваетъ, то побѣждается ею! Ночь и день смѣняются въ такой душѣ незамѣтно и по немногу одно переходитъ въ другое и не замѣтишь, какъ одно сдѣлается другимъ, какъ вдругъ настанетъ ночь, день. Хозяинъ короны, выѣхавшій, что бы сдѣлать какое-нибудь прибыльное дѣло, сдѣлался столь малодушенъ, и въ тоже время столь враждебнымъ, твердымъ, и самоувѣреннымъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ купилъ четвериковъ сто пшеницы, и выѣхалъ вовсе не для того, что бы ее купить; но отецъ его долженъ былъ увидать, что онъ и самъ можетъ обдѣлать торговое дѣло.

Тяжелый человѣкъ.

Въ Бресгауѣ оказалось, что нельзя было пріобрѣсти стручковыхъ овощей; всѣ они были куплены Фрейбургскимъ богачемъ Гельдштумперомъ, но хозяинъ короны расходился до того, что отправился прямо въ Фрейбургъ, что бы посмотрѣть, нельзяли вырвать у него эту добычу.

Конечно, это было слишкомъ отважно. Отъ богатаго купца—кулака никто не поживится, развѣ исключая когда онъ видитъ большой барышъ впереди.

Что бы поладить съ нимъ, надо было держать деньги въ одной рукѣ, а товаръ въ другой, потому что иначе, письменно-ли, словесно-ли было-бы поведено дѣло, оно непремѣнно привело-бы къ судебному процессу.

Еще въ прошломъ году была у него тяжба съ Штофельнбекомъ. Имя его было собственно Фридолинъ Штумпфъ, а прибавку слова: «Денежный» онъ получилъ за то, что былъ всѣхъ богаче въ этой странѣ, чѣмъ весьма важничалъ.

При этомъ онъ еще получилъ прозвище Суворова, потому что носилъ большіе охотничьи сапоги, доходившіе до колѣнъ, съ кисточкой впереди, называемые Суворовскими. Онъ вообще одевался по модѣ начала нынѣшняго столѣтія, и особенно поразительнымъ былъ его двойной галстукъ, снизу бѣлый, а сверху черный.

Было не мало людей которые отъ души желали бы затянуть ему какъ можно туже этотъ двойной галстукъ, или по крайней мѣрѣ, что бы это сдѣлали другіе. Сперва онъ содержалъ небольшую харчевню, но въ военное время вдругъ очень возвысился, говорили, что онъ былъ французскимъ шпіономъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ бродилъ между врагами, точно къ нимъ принадлежалъ, и вскорѣ получилъ возможность поставлять разныя вещи въ войска: овесъ, мясо, обувь причемъ неслыханно нажился, конечно не всегда самымъ честнымъ образомъ.

Но главная его нажива произошла при отобраніи въ казну монастырскихъ имѣній; онъ многія изъ нихъ пріобрѣлъ по цѣнѣ военнаго времени.

Нельзя умолчать, что воспоминаніе объ этомъ прошломъ скоро бы изгладилось, если бы самъ Гельдъ-Штумеръ не возстановилъ противъ себя общественнаго мнѣнія безпощадными во всѣхъ отношеніяхъ, пасильственными поступками. Ему заложены были многіе дома, и онъ все говорилъ, что собирается ѣхать въ Швейцарію; но нѣкоторые дома такъ ему понравились, что онъ началъ притѣснять ихъ собственниковъ самымъ ужаснымъ образомъ.

При этомъ сталъ онъ помышлять, какъ бы сдѣлаться въ городѣ значительнымъ лицомъ. Онъ не хотѣлъ его оставить, пока не достигнетъ своей цѣли, что ему однакожъ не удалось, и онъ только сдѣлался предметомъ насмѣшекъ. Онъ старался убѣдить всѣхъ, что всѣ его дѣла идутъ отлично, и въ будущемъ онъ разбогатѣетъ еще болѣе.

Послѣднее хотя и удалось, но ни ему, ни его семейству все-таки не было счастья.

Онъ ходилъ съ огромнѣйшей страшной собакой, потому что на него уже не разъ нападали ночью люди, въ конецъ

имъ раззоренные; вскорѣ эта собака сдѣлалась его единственнымъ товарищемъ.

Разсказывали, что въ одномъ спорѣ о наслѣдствѣ онъ далъ ложную присягу.

Много говорили о томъ, что жена ни за что не хотѣла, что бы онъ присягнулъ; и когда онъ все-таки присягнулъ, и жена вскорѣ послѣ этого утонула, то всѣмъ было ясно, что она лишила себя жизни, мучась этой присягой. И вотъ онъ жилъ одинъ со своими тремя дѣтьми: съ двумя сыновьями и дочерью.

Вскорѣ однакожъ Гельдъ Штумеръ пріобрѣлъ себѣ собесѣдниковъ, которые съ нимъ бражничали и всячески развлекались. Это были частью тунеядцы, частью люди, которымъ было рѣшительно все равно, какъ и съ кѣмъ ни проводить время.

Часто чувствовалъ «Денежный Штумеръ», что предъ нимъ преклонялись только люди, которые должны бы возбуждать въ немъ равнодушіе или презрѣніе, а что напротивъ отворачивались тѣ, которыхъ уваженіе было-бы для него лестно въ глазахъ всѣхъ.

Но какъ это часто случается, въ важныхъ и пустыхъ случаяхъ, наконецъ онъ забылъ обо всемъ этомъ, и радовался, что все таки люди преклоняются предъ нимъ; конечно, онъ зналъ, что все это одно лицемѣріе—но не все ли равно? Ужъ самое то, что они изо всѣхъ силъ лицемѣрили передъ нимъ, показывало, какъ онъ могущественъ.

Одна житейская пословица гласитъ: «За отцовскую вину отвѣчаютъ дѣти;» конечно это жестоко; но многое зависитъ и отъ самихъ дѣтей, какъ отразится на нихъ этотъ грѣхъ, какъ совершится примиреніе.

Попраніе нравственныхъ законовъ, бывшее до нихъ, мо-

жетъ ихъ еще глубже испортить, сдѣлать еще хуже; или въ другомъ случаѣ они принимаютъ зло къ сердцу; это тяготитъ ихъ, но добросовѣстное сознаніе, и непреклонная воля освобождаютъ и отъ самаго тягостнаго. Конечно, всегда больно отрѣшаться отъ своего происхожденія, или работать для возстановленія своего добраго имени и это есть наказаніе, которое постигаетъ насъ и въ лучшихъ случаяхъ.

Старшій сынъ Штумера надѣлалъ столько непростительно своевольныхъ и опасныхъ проказъ, что самъ отецъ поспѣшилъ отвести его на Рейнъ, и затѣмъ посадилъ на корабль и отправилъ въ Америку. Второй причинилъ отцу печаль другаго рода: онъ женился на простой городской швеи самаго низкаго происхожденія, притомъ столько бѣдной, что долженъ былъ самъ купить ей подвѣнечное платье.

Только послѣ продолжительной тяжбы Штумеръ передалъ этому сыну имущество, доставшееся ему отъ матери. Точно въ насмѣшку надъ отцомъ, всѣ посѣщали лавку этого сына, и всѣ расточали похвалы ему о его столь-же прекрасной, какъ и благонравной супругѣ.

Вотъ уже прошло почти 14 лѣтъ, какъ отецъ не говорилъ ни слова со своимъ сыномъ, а на его жену и дѣтей и не смотрѣлъ.

И вотъ сталъ жить онъ одинъ съ дочерью въ огромномъ домѣ, принадлежащемъ прежде Монастырю; дочь точно и теперь была заключена въ монастырь.

Многіе утверждали, что Штумеръ вовсе не такъ богатъ, какъ казалось; что онъ велъ слишкомъ много дѣлъ; а есть вторая пословица мало извѣстная: «Много разныхъ дѣлъ, мало пользы.» Но все-таки никто не могъ хорошенько понять состоянія его дѣлъ, а что ему всѣ желали, выразилось на

одной карточкѣ, которая сей-часъ-же появилась на всѣхъ табакеркахъ.

Подъ картинкой была подпись. «Кончина Суворова» и былъ представленъ очень похожій Гельдъ Штумеръ, сидящій на своей собакѣ. Онъ тотчасъ-же скупилъ всѣ табакерки, но это не помогло, потому что многія попали въ бѣдовыя руки и вскорѣ ихъ явилось еще больше, и тутъ только онъ сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать съ самаго начала: посмѣяться надъ этой шуткой и она вскорѣ была забыта.

Все это извѣстное о Штумерѣ и многіе прибавленные къ этому вымыслы пришли на умъ хозяину Короны, когда онъ подъѣзжалъ къ Фрейбургу. Но когда сталъ подъѣзжать къ городскимъ воротамъ, то пробудилось въ немъ живое воспоминаніе объ одномъ добромъ товарищѣ. Тутъ недалеко живетъ нѣкто Геслеръ, который въ качествѣ помощника два года работалъ у Штофельнбека, и здѣсь онъ поселился. Какъ онъ обрадуется, когда они опять увидятся?

Конечно у него найдется пріютъ для тебя и для твоей лошадки.

Не трудно было найти булочника Геслера у собора; отъ него виденъ весь соборъ съ его тремя большими и многими маленькими башнями. Когда хозяинъ Короны подъѣхалъ, стрѣлка на солнечныхъ часахъ показывала восемь; Когда-же пріѣзжій остановился у самыхъ воротъ дома, вышелъ къ нему самъ булочникъ; онъ смотрѣлъ здоровымъ, дородымъ мущиной и его бѣлая рубашка, на которой ничего не было надѣто, казалась еще бѣлѣе отъ красныхъ помочей.

Только черезъ нѣсколько минутъ узналъ онъ хозяина Короны и, простирая руки, воскликнулъ:

— Боже мой! Ты-ли это? Да, хозяинъ Короны; никакой дру-

гой человѣкъ въ мірѣ не явился бы такъ, кромѣ тебя. О, это хорошо, прекрасно!

— Но что съ тобою? Какъ ты поживаешь? Такимъ ты, отродясь, никогда не бывалъ! сказалъ хозяинъ Короны своему товарищу, на лицѣ котораго сіяло блаженство: Ты такой сталъ, что тебя и узнать-то никакъ нельзя.

— Да, конечно, потому что въ эту минуту я въ первый разъ увидалъ свое собственное дитя. Вотъ не прошло и двухъ минутъ, какъ жена принесла мнѣ сынка, великолѣпнаго мальчугана, и какъ только я его увидалъ, вдругъ — вижу! ты ѣдешь!!

— Да, да, это и видно; взглядъ, которымъ смотрятъ въ первый разъ на перваго ребенка, сіяетъ еще на твоемъ лицѣ: О! это счастье, которое никогда больше не возвращается, никогда не будетъ такимъ. Всѣ у тебя здоровы, все благополучно?..

— Все, какъ въ книгѣ стоитъ, говоритъ бабка.

Ну войди-же, вернись сказалъ хозяинъ Короны и схватилъ вожжи, намѣреваясь отъѣхать; вернись и успокойся; это теперь всего необходимѣе. Я хотѣлъ было остановиться у тебя, но, теперь это не годится; я тамъ остановлюсь въ гостинницѣ, а вечеромъ приду къ тебѣ. Тутъ я пробуду дня два; есть дѣлишки.

— Нѣтъ, зачѣмъ тебѣ уѣзжать? Я поставлю твоихъ лошадей къ сосѣду, а тебѣ найдется мѣсто и у меня, ты первый уснешь у насъ сегодня и я не умѣю тебя и сказать, какъ я радъ, что ты у меня. Посмотри, я просто разчувствовался.....

И молодой, здоровый мущина не могъ продолжать рѣчи отъ внутренняго волненія.

Хозяинъ Короны сказалъ:

— Да, да, и я могъ бы назвать это хорошимъ предзнаменованіемъ, что я пріѣхалъ въ эту минуту. Булочникъ пришелъ наконецъ въ себя и сказалъ:

— Вотъ почему ты долженъ остаться у меня; кто нибудь долженъ быть со мною; я послалъ и къ матушкѣ. О, если бы она уже теперь была здѣсь! Я не могу ее ожидать; моя лошадка больна и я послалъ за другою; значитъ матушка можетъ явиться не скоро. Все это такъ быстро случилось. Вѣдь съ часъ тому назадъ, жена моя пила со мною кофе. Нехочешь ли ты чѣмъ нибудь согрѣться? Пойдемъ, тамъ есть кофе, или можно его скоро приготовить.

— Нѣтъ, лучше поѣду-ко я въ Корхуартенъ, и привезу твою матушку. Пошли со мною кого-нибудь, что бы я узналъ ее, въ случаѣ, если встрѣчу. Вотъ хоть твоего помощника.

— Зачѣмъ-же помощника, да и тебя посылать? Я опять останусь одинъ, сказалъ булочникъ, и хозяинъ Короны долженъ былъ согласиться, что бы помощникъ булочника отправился одинъ. Онъ вошелъ со своимъ старымъ товарищемъ въ домъ и увидалъ, какъ тотъ далъ первому бѣдному ребенку, пришедшему купить хлѣба, двѣ большія ковриги и еще два сдобныхъ печенья и сказалъ: что денегъ не возметъ.

Затѣмъ соборный булочникъ сталъ бѣгать по комнатѣ, хватая все, что ни попадалось подъ руки и не зная самъ, чего хотѣлъ; онъ сосчиталъ зубцы на грабляхъ, прислоненныхъ къ печкѣ, куда клали доску съ свѣшеннымъ тѣстомъ; сосчиталъ, какъ будто никогда не зналъ, сколько ихъ тамъ; а затѣмъ быстро, точно кто толкнулъ его сзади, составилъ большую корзину съ балками со стола на скамью и опять со скамьи на столъ.

Кромѣ этого онъ ничего не дѣлалъ, такъ что хозяинъ Ко-

роны долженъ былъ самъ посѣтить молодую мать и ея новорожденнаго. Онъ сдѣлалъ это довольно неохотно и осторожно; вывелъ товарища изъ комнаты попросилъ его думать спокойно о своемъ счастіи и не безпокоить матери и ребенка.

На это молодой булочникъ сказалъ, что онъ такъ усталъ какъ будто взбѣжалъ на высочайшую гору и обратно, и однакожъ ему рѣшительно не сидѣлось на стулѣ; онъ все вбѣгалъ въ лавку и, если какой-нибудь покупатель со своими крейцерами и грошами стучался въ окошко, то булочникъ просилъ его не шумѣть, а когда являлся бѣдный, то не бралъ денегъ за хлѣбъ.

Хозяинъ Короны запрещалъ ему послѣднее; говоря, что это можно сдѣлать и позже: если же дѣлать теперь, то передъ его окномъ въ какой-нибудь часъ наберется цѣлая толпа нищихъ, и родильница и ребенокъ не будетъ имѣть необходимаго для нихъ спокойствія.

Наконецъ оба товарища тихо усѣлись рядомъ и Фрейбуржецъ, сдержанно спросилъ хозяина Короны о занятіяхъ. Послѣдній отвѣчалъ также сдержанно; потому-что промышленныя отношенія, обыкновенно представляютъ такую странность, особенно между лицами, идущими одной дорогой и занимающимися одними предпріятіями; они соблюдаютъ въ отношеніяхъ другъ къ другу понятную осторожность, одинъ не считаетъ справедливымъ слишкомъ разспрашивать другаго, который въ свою очередь не считаетъ своей обязанностью давать опредѣленные отвѣты.

Вскорѣ появилась и мать Фрейбуржца и привезла съ собой еще внучка, мальчишку лѣтъ четырехъ, съ которымъ ни какъ не хотѣла разстаться. Булочникъ передалъ матери все въ домѣ, и одѣлся какъ должно, какъ онъ обыкновенно ходилъ къ своему прилавку.

Однако пришла пора идти обоимъ друзьямъ на плодовый рынокъ.

— Право не знаю, что со мною, сказалъ Фрейбуржецъ дорогою, мнѣ мерещится, будто свѣтъ совсѣмъ какъ-то перевернулся, дома у меня мальчишка, и все мнѣ кажется какимъ-то новымъ, и я могъ бы сказать это всѣмъ людямъ. Но, объ этомъ послѣ. Скажи пожалуйста, что ты хочешь купить, что бы намъ не мѣшать другъ другу?....

— Хочу купить и продать. Мнѣ бы надо пріобрѣсть стручковыхъ овощей, а вотъ пшеницу продалъ-бы, если-бы цѣны были подходящія.

— А я хочу купить пшеницы.

— Можешь купить у меня, когда установится цѣна.

Хозяинъ Короны чувствовалъ себя теперь чрезвычайно хорошо. Онъ нашелъ своего товарища въ счастьи и благосостояніи какъ оказалось, сдѣлалъ хорошую покупку, съ невидимымъ до сихъ поръ удовольствіемъ, онъ бралъ изъ открытыхъ чановъ горстями зерна, взвѣшивалъ ихъ на рукѣ и, разсмотрѣвши, ссыпалъ опять назадъ.

Онъ предоставилъ своему другу все, купленное дорогою, и даже зашелъ такъ далеко, что почти навѣрное опредѣлилъ, сколько отъ этого получитъ барыша.

Барышъ этотъ придавалъ ему болѣе и болѣе самоувѣренности; и онъ осмѣлился отправиться прямо въ домъ Штумера. Долго пришлось прождать, пока отворились большія ворота; въѣхавшіе увидали на желѣзныхъ дверяхъ тяжелый висячій замокъ.

Штумеръ куда-то уѣхалъ.

— Когда-же онъ пріѣдетъ? спросилъ хозяинъ Короны какую-то старую служанку.

Она вошла въ комнату, откуда чистенькій дѣвичій голосъ проговорилъ:

— Батюшка не будетъ дома дней десять.

Этотъ голосъ очень пріятно и странно подѣйствовалъ на пріѣзжаго, а когда старая служанка снова вернулась, онъ сказалъ:

— Это дочь его васъ спросила?

— Да, конечно.

— Нельзя-ли мнѣ войти и поговорить съ ней самому?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Что вамъ нужно? спросилъ голосъ изнутра.

— Я хотѣлъ только спросить, гдѣ вашъ отецъ и не могли я его самъ отыскать? У меня съ собой подвода.

Странный смѣхъ раздался внутри; своими словами хозяинъ Короны хотѣлъ только дать замѣтить, что онъ не принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ оставляютъ за дверью, какъ нищаго.

Среди смѣха изнутри послышался отвѣтъ:

— Папенька въ Лейцкирхѣ.

— Прекрасно; и я туда ѣду.

— Позвольте, вы можете ему кое-что отвезти. Вотъ, онъ забылъ свои мѣховыя перчатки и изъ за пріотворенной двери просунула ему пару перчатокъ на лисьемъ мѣху; подавшей ихъ, онъ однакожъ не могъ увидать. Смѣясь, онъ сказалъ въ эту-же дверную щель:

— А если я совсѣмъ уѣду съ этими перчатками:

На это тихо и почти возлѣ него отвѣтили:

— Значитъ, вашъ голосъ лжетъ; вѣдь у васъ голосъ честнаго человѣка.

Хозяинъ Короны невольно разсмѣялся — разсмѣялись и внутри.

Онъ оставилъ домъ, и простоялъ нѣсколько времени безмолвно, какъ будто только что сошелъ съ волшебной горы.

Такъ все это было для него странно.

Но у него въ рукѣ были перчатки на лисьемъ мѣху Штумера, и этимъ оканчивалось всякое чудо.

На завтра хозяинъ Короны уѣхалъ и обѣщалъ черезъ нѣсколько дней вернуться; онъ ничего не разсказалъ товарищу о томъ, что съ нимъ случилось.

Въ Лейцкирхѣ какъ разъ встрѣтилъ онъ Штумера, который велъ дѣла съ часовыми мастерами, потому что ничто не уходило отъ его рукъ, что могло дать барышъ.

Онъ также много жилъ въ гостинницѣ, былъ очень говорливъ и снисходителенъ, и особенно много разсказывалъ о военномъ времени. Къ похвалѣ его надо сказать, что онъ

отлично умѣлъ, какъ говорятъ, уснащать свои разсказы, подбавлять къ нимъ соли.

Вообще когда можно было забыть о томъ, что денежный Штумеръ ничего не любилъ, кромѣ самаго себя и денегъ, то онъ бы показался чрезвычайно милымъ и пріятнымъ человѣкомъ; и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ такимъ, пока дѣло ограничивалось простымъ разговоромъ. Но, онъ дѣлался совершенно другимъ, какъ только дѣло касалось какого нибудь торговаго оборота; тутъ вся его тяжелая, увѣсистая фигура становилась почти проворной, широкая голова, увязшая глубоко въ плечи, высовывалась, выпрямлялась и мощная, мясистая рука съ толстымъ перстнемъ съ печатью, какъ будто хотѣла сей-часъ-же схватить каждаго противника.

Дорогой хозяинъ Короны долго обдумывалъ, нужно-ли сказать Штумеру, или нѣтъ, что онъ былъ у него. Если нѣтъ, то пришлось бы скрыть перчатки; наконецъ онъ рѣшилъ, что будетъ всего умнѣе держаться истины.

Въ этомъ отношеніи хозяинъ Короны походилъ нѣсколько на свою мать, которая всегда чувствовала себя какъ-то неловко, когда нужно было основывать какое-нибудь дѣло на неправдѣ или лукавствѣ; онъ чувствовалъ себя сильнымъ, крѣпкимъ, умнымъ только когда шелъ открытой, прямой дорогой, а здѣсь это представляло еще особенныя выгоды. Гельдъ-Штумеръ чрезвычайно дорожилъ тѣмъ, что-бы его какъ можно больше знали и посѣщали; и когда хозяинъ Короны, смотрѣвшій такимъ молодцомъ, сказалъ ему въ гостинницѣ, что предпринялъ столь большое путешествіе только затѣмъ, что бы вступить съ нимъ въ торговыя сношенія, то онъ улыбнулся, хлопнулъ хлыстомъ по своимъ суворовскимъ сапогамъ, а другою рукою погладилъ собаку; затѣмъ онъ об-

велъ глазами всю комнату наполненную народомъ: онъ хотѣлъ насладиться своей извѣстностью.

По видимому, Штумеръ былъ особенно благосклоненъ къ хозяину Короны; но это собственно было тщеславіе: онъ хотѣлъ показать проѣзжему свои обширныя владѣнія и вообще распространиться о своей дѣятельности.

— Такъ вы изъ Ротвиля? спросилъ онъ его и на утвердительный отвѣтъ продолжалъ:

— Стало быть вы знаете и Штофельнбека?

«О, конечно, какъ нельзя лучше.»

— Да, и онъ долженъ узнать меня теперь какъ нельзя лучше: у меня есть съ нимъ тяжба, которая подходитъ къ концу.

Пріѣзжій нашелъ не совсѣмъ умѣстнымъ сказать, что онъ сынъ Штофельнбека; онъ хотѣлъ отсрочить это признаніе до болѣе благопріятнаго времени, но о странность! это болѣе благопріятное время не представлялось и хозяинъ Короны, намѣревавшійся вести дѣло съ Штумеромъ совершенно прямо, искренне, долженъ былъ съ перваго-же раза прибѣгнуть къ уловкѣ и вскорѣ такъ къ этому привыкъ, что это уже его больше не безпокоило. Грустное обстоятельство, что дурныя натуры портятъ и хорошія, приходящія съ ними въ соприкосновеніе. Ужъ та ложъ, съ которой встрѣчаютъ такого человѣка, не давая ему понять, что о немъ на самомъ дѣлѣ думаютъ, производитъ въ душѣ замѣшательство и часто случается, что изъ боязни, какъ нибудь невзначай высказать свои внутреннія убѣжденія, пріискиваютъ всевозможныя прикрасы своей рѣчи, стараются освятить какъ можно ярче всѣ хорошія стороны.

Потому что очень легко внутреннее пренебреженіе переходитъ будто косвенно въ выраженіе почтенія.

При этомъ честная натура чувствуетъ всю ложность такой игры, но ничего другаго не можетъ сдѣлать, хотя и сознаетъ свое внутреннее униженіе. Внутреннее отвращеніе отъ дурнаго сопровождается досадой на то, что мы частью добровольно подаемся ему, и потеряли то право, которымъ вовремя не умѣли воспользоваться.

У хозяина Короны было очень странно на душѣ, когда онъ ясно понялъ, что Штумеръ долженъ былъ повѣрить, будто онъ его чрезвычайно глубоко почиталъ. Сколько разъ онъ не былъ у него, онъ бывалъ какъ будто въ опьяненіи, но какъ только оставался одинъ, то чувствовалъ внутреннее недовольство. Каждый день онъ собирался уѣхать и ни какъ не могъ; онъ находился точно въ заколдованномъ кругу.

А между тѣмъ Штумеръ съумѣлъ подъ различными предлогами водить съ собой вездѣ гостя, который съ помощію задушевныхъ отношеній, надѣялся сдѣлать хорошую покупку, а за ней и нѣсколько другихъ. Когда наконецъ они вернулись въ Фрейбургъ, то онъ назначилъ такую необыкновенно высокую цѣну, что хозяинъ Короны долженъ былъ остаться ни съ чѣмъ.

Такимъ образомъ любезный Штумеръ, много разсказывавшій гостю о томъ, какъ идетъ торговля въ другихъ странахъ, бывшій столько дней самымъ пріятнымъ спутникомъ, теперь смѣялся надъ нимъ себѣ въ бороду.

Кумовство.

Съ тоскою на сердцѣ вернулся хозяинъ Короны къ своему другу, котораго на этотъ разъ тоже засталъ въ большомъ унынiи, хотя жена его и сидѣла совершенно здоровой въ большомъ креслѣ.

— Что такое? Что съ тобой? спросилъ онъ.

Да ужъ у меня теперь два ребенка, изъ которыхъ одинъ отравляетъ мою жизнь, сказалъ булочникъ.

— Нельзя-ли знать чѣмъ? спросила жена дрожащимъ голосомъ.

Вотъ пусть онъ рѣшитъ, воскликнулъ булочникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, рѣшай съ женою самъ; мое дѣло сторона, отвѣтилъ хозяинъ Короны.

— Нѣтъ, вы можете узнать, сказала жена успокоившимся, чистымъ голосомъ. Я хочу пригласить въ крестныя матери своему ребенку одну свою хорошую пріятельницу, а онъ не хочетъ и говоритъ, что я его огорчаю.

При этомъ булочникъ воскликнулъ съ жаромъ.

— Не хочу никого изъ этой семьи, никого изъ ихъ дома; я самый младшiй гражданинъ въ городѣ, и не имѣю права мѣнять то, чего не могутъ измѣнить всѣ граждане, значитъ и я. Никто отъ нихъ ничего не принимаетъ, ты хо-

чешь меня выставить на смѣхъ, что бы на меня пальцами указывали, и что бы я потерялъ всякое довѣріе.

— Но кого-же вы это хотите въ крестныя матери? спросилъ хозяинъ Короны.

— Самую лучшую душу на свѣтѣ, отвѣтила родильница, самое честное, вѣрное сердце; что же изъ того, что отца ея презираютъ?

— Развѣ она тутъ виновата?

— Да кто-же это?

— Дочь Гельдъ-Штумера.

Вотъ что! воскликнулъ въ волненіи хозяинъ Короны, а булочникъ прибавилъ:

Видишь! Вотъ онъ издалека, а смотри какъ удивился, какъ встревожился, точно такую крестную даютъ его собственному ребенку. Я не имѣю ничего противъ нея; она можетъ быть прекрасной дѣвицей, но вѣдь она дочь Гельдъ-Штумера. Такъ кто-же станетъ возлѣ нея воспріемникомъ? Положительно никто, ни одинъ нищій!

— Ого, не горячись такъ: если бы завтра были крестины, то я знаю, кто былъ бы воспріемникомъ!...

— Славный былъ бы воспріемникъ!

— Незнаю. Развѣ я тебѣ непріятенъ?

— Что? Ты? воскликнулъ удивленный булочникъ.

— Да, я.

Булочникъ съ радости такъ крѣпко ударилъ хозяина Короны по плечу, что тотъ присѣлъ, между тѣмъ какъ восторженный и осчастливенный отецъ прибавилъ.

— Да, такъ, это у тебя отъ матери! Жена, развѣ я не говорилъ тебя то и дѣло, что Штофельнбекша чудо женщина, что такую поискать на всемъ пространствѣ, гдѣ только

хлѣбъ пекутъ? хоть не совсѣмъ такой, а все таки и ты молодецъ, хозяинъ Короны!

Ну, значитъ, кончено: завтра крестины; ты остаешься тутъ, ты далъ слово; теперь на попятный нельзя. Ну, значитъ я тот-часъ иду и приглашаю дочь Штумера въ кумушки.

Дочь Дерзкаго Штумера? спросила мать.

— Если хозяинъ Короны не прочь быть съ ней воспріемникомъ, то что-же? Ну, мать, дай-ка мнѣ мое воскресное платье и шляпу; тамъ забѣгу и къ священнику, и къ мяснику, чтобы, знаешь, на счетъ теленка.... У насъ печь топится, стало-быть въ часъ и жаркое — не то завтра, рано утромъ. Ну, да хранитъ васъ Богъ!

И съ этими словами онъ убѣжалъ со всѣхъ ногъ; жена, мать и другъ посмотрѣли на него съ улыбкой. Затѣмъ родильница стала говорить хозяину Короны, какая славная, чудная дѣвушка дочь Штумера: черезъ отца всѣ ея чуждаются, то она въ этомъ не виновата; она также добра, какъ и умна.

— Ну можно-ли сказать слово лучше того, какъ она мнѣ какъ-то сказала? «Знаешь-ли какое самое большое несчастье въ свѣтѣ? слишкомъ большія претензіи.» Вотъ сидитъ несчастный, и ждетъ, и надѣется, и требуетъ помощи отъ тѣхъ, кто можетъ ее оказать; тутъ горе, зло возметъ на людей, а это все же несправедливо! Да, хозяинъ Короны, я горжусь тѣмъ, что она моя подруга; она часто смѣялась надо мною, когда я завидовала вашей матушкѣ.

— Моей матушкѣ?

— Да, поймите меня хорошенько; мужъ мой сказалъ: «вотъ Штофельнбекша, она поступаетъ такъ-то, и такъ-то; нѣтъ второй такой женщины въ свѣтѣ; весь домъ въ такомъ отличномъ порядкѣ, никакъ не замѣтишь, какъ все это дѣлается; ни крику, ни шуму; каждый день я ставлю букетъ цвѣ-

товъ на прилавокъ, гдѣ лежитъ свѣжій хлѣбъ, а онъ все говоритъ: нѣтъ, вотъ у Штофельнбека и цвѣтки красивы, и стоятъ-то они цѣлыя недѣли, точно сей-часъ сорванные. Да проститъ меня Богъ, но можно подумать, что она колдунья.

Хозяинъ Короны разсмѣялся, а молодая женщина продолжала:

— Да, теперь я и сама смѣюсь, когда онъ ее хвалитъ, но если это мнѣ сдѣлалось вожможно, то только благодаря Ѳаддеѣ.

— Ее зовутъ Ѳаддеей?

— Да, а что?

— Славное имя. Ну скажите какъ-же она вамъ помогла?

— А вотъ какъ. Сусанна, сказала она, радуйся, что твой мужъ знакомъ съ такой прекрасной женщиной. Не унижай ее; ты этимъ ей дѣлаешь непріятность, и себѣ также. «Ничего нѣтъ лучше, нѣтъ выше счастья, какъ знать человѣка, котораго почитаешь всѣмъ сердцемъ», и простите мнѣ мою гордость, теперь мой мужъ уже сказалъ мнѣ раза два: «Ты теперь настоящая Штофельнбекша.» Это мнѣ лучшая похвала. Но если вы пріѣдите когда-нибудь лѣтомъ, то должны привезти съ собой и матушку.

— Никакъ нельзя. Моя матушка почти не выходитъ изъ дому, а ужъ въ особенности не отлучится далеко.

— Ѳаддея также желала бы ее видѣть хоть разъ. Мужъ говоритъ, что она на нее похожа, и когда Ѳаддея приходитъ, онъ всегда очень доволенъ и привѣтливъ съ ней. У нея такое доброе лицо. Она походитъ.....

— На кого-же, на кого она похожа?

— Знаете Гельдъ Штумера?

— О, да!

— Ну вотъ. Одинъ студентъ, жившій у насъ, сказалъ

однажды очень смѣшное слово. Знаете, есть зеркала для бритья: съ одной стороны въ нихъ можно видѣть себя совершенно естественно, а съ другой взглянешь, такъ увидишь такимъ раздутымъ, точно вотъ бычачья голова: таково-же сходство между Штумеромъ и Ѳаддеей, это тоже самое лице, но какая разница!

Хозяинъ Короны не могъ не разсмѣяться. Онъ еще посидѣлъ нѣсколько времени съ молодой женщиной; затѣмъ отправился побродить по городу, что бы купить обычный подарокъ родильницѣ и ребенку «на зубокъ». Пока онъ ходилъ, въ домъ соборнаго булочника пришла Ѳаддея: взглянувши на нее, нельзя было не сознаться, что слова студента, хоть и очень злыя, были вполнѣ справедливы.

Молодой родильницѣ пришлось много разсказать о томъ, какой славный, милый человѣкъ будетъ у нея кумомъ.

Она сказала, что теперь вполнѣ убѣдилась въ справедливости похвалъ, которыя мужъ ея расточалъ Штофельнбекшѣ, сынъ показываетъ, какова должна быть мать.

Она болѣе и болѣе разсыпалась въ похвалахъ хозяину Короны: Ѳаддея слушала спокойно, и мало говорила. Когда-же она хотѣла наконецъ уйти, то хозяйка удержала ее: она непремѣнно желала показать ей человѣка, который завтра будетъ ея кумомъ. Но когда на соборѣ пробило девять часовъ, а гость все-таки не возвращался, Ѳаддея ушла.

На другой день когда кумовья принесли ребенка отъ крещенья и увидали, съ какимъ чувствомъ мать приняла его, то бросили другъ на друга пламенный, глубокій взглядъ и быстро отвернулись. Руки и глаза матери такъ и устремились къ малюткѣ, сперва она обняла его съ какимъ-то боязливымъ трепетомъ, а затѣмъ съ выраженіемъ счастья и наслажденья. Вотъ эта крошка побывала въ свѣтѣ, разлу-

чалась съ ней; была торжественно принята въ общество людей, а теперь вотъ она опять съ нею; и подобно тому, какъ мать обнимаетъ въ ребенкѣ только что родившемся, собственную жизнь, такъ и теперь она ее обнимала въ малюткѣ, въ первый разъ разлучившемся съ нею.

То блаженство съ которымъ смотритъ мать на своего новорожденнаго младенца, повторилось здѣсь еще сильнѣе; и съ улыбкой удовлетвореннаго чувства она поднесла свою грудь новоприбывшей.

Такимъ образомъ все шло весело у соборнаго булочника.

Наконецъ всѣ сѣли за столъ; хозяинъ Короны сѣлъ возлѣ Ѳадцеи, которой рѣчи и поступки были вполнѣ скромны и пріятны, хотя въ нихъ и проглядывала какая-то робость; она чувствовала, что допуская ее въ это веселое общество, ей оказывали милость и считали за особую для нея честь, что удостоили ее этого кумовства.

Хозяинъ Короны узналъ, что Штумеръ отправился уже рано утромъ въ Кенцангенъ; и тотчасъ-же предположилъ, что это вѣрно для того, чтобы поскорѣе купить запасъ конопли, о которомъ онъ неосторожно проговорился; но ничего не сказалъ объ этомъ, точно также какъ вообще о своихъ отношеніяхъ къ Штумеру.

Онъ часто, посмѣиваясь, поглядывалъ на Ѳаддею; уже разъ они говорили, не видавъ другъ друга, и если бы возможно было представить себѣ по голосу человѣка, то она бы не узнала. Ей былъ тридцатый годъ, и вышеприведенное сравненіе студента являлось еще болѣе мѣткимъ.

Изъ разговора Ѳадцеи видно было, что она мало привыкла къ веселому, задушевному обществу; она говорила не бойко, съ трудомъ и не владѣла тѣми ничего не выражающими отвѣтами, которые въ легкомъ разговорѣ мало привлекаютъ

вниманіе слушателей, или не даютъ разговору вдругъ прерваться. Все, что она говорила, было необходимо и естественно, нерѣдко же она просто безмолвно кивала головою вмѣсто отвѣта.

Ясно было, что ее занимало не только то что она говорила, но и то, что ей говорили. Мать булочника неосторожно коснулась вопроса, не примирился-ли отецъ Ѳадеи съ своимъ сыномъ, который женился на бѣдной швеѣ. Присутствующіе хотѣли перемѣнить этотъ разговоръ, но Ѳаддея сказала:

— Свѣтъ конечно не повѣритъ, но все таки это правда, что я скажу: отцу моему самому очень прискорбно, что вотъ уже 14 лѣтъ какъ онъ съ нимъ во враждѣ, но онъ не можетъ уступить, и я не думаю чтобъ это могло поправиться; развѣ произойдетъ что-нибудь особенное. Мнѣ очень бываетъ тяжело, когда я встрѣчаю братца, его жену, и не могу съ ними заговорить.

— Этому не трудно повѣрить, прервалъ булочникъ.

«Нѣтъ! вы не можете повѣрить, возразила Ѳаддея; кто самъ не испыталъ, не можетъ знать, что это такое; вотъ встрѣчаются люди; у меня на устахъ для нихъ много хорошихъ словъ и у нихъ для меня,—а сказать ихъ другъ другу не можемъ; точно это мертвецы встрѣчаются; точно все изчезло вокругъ.

— Ахъ, будемъ-те говорить теперь о чемъ нибудь другомъ, сказала булочница, которая, подобно многимъ веселымъ женщинамъ, думала, что дѣло улучшится, если его прикроешь или устранишь, и она продолжала:

— Если бы я была на твоемъ мѣстѣ, Ѳаддеюшка, я знала бы что дѣлать; я разъѣзжала бы со своимъ отцомъ вездѣ и не сидѣлала бы дома въ четырехъ стѣнахъ; а ты вотъ сидишь.

— Я готова, отвѣтила Ѳаддея, полугрустно улыбаясь.

— Нѣтъ, я не то думала, сказала булочница, ты могла бы настаивать если-бы хотѣла.

— Но я не хочу.

Разговоръ сбился съ надлежащей колеи и уже никакъ не могъ въ нее войти.

Хозяинъ Короны забавлялся съ маленькимъ мальчикомъ, котораго принесла бабушка, и тѣшилъ его разными дѣтскими шутками.

— Вы настоящій куманекъ, сказала Ѳаддея; мнѣ кажется, вы любите дѣтей; это признакъ добраго сердца.

— Еще бы мнѣ не любить, вѣдь у меня и дома есть мальчишка; только, увы, у бѣдняжки нѣтъ матери.

Глаза Ѳаддеи взглянули пристальнѣе и по ея лицу пробѣжалъ какой-то странный и грустный отблескъ, который замѣтила только родильница; но можетъ быть лицо ея выражало такое волненіе только потому, что родильница посмотрѣла на нее какъ то особенно пристально.

Между тѣмъ Ѳаддея схватила что-то со стола и предлагая хозяину Короны прекрасный, покрытый сахаромъ крендель сказала:

— Возмите это отъ меня вашему малюткѣ и затѣмъ быстро, но не твердымъ голосомъ, прибавила:

— Я должна-же ему что-нибудь послать; вѣдь мы теперь покумились съ вами.

— Отецъ получилъ пару мѣховыхъ перчатокъ, а сынъ крендель; Вы дѣлаете странные подарки, сказалъ смѣясь хозяинъ Короны.

Къ удивленію всѣхъ, а въ особенности Ѳаддеи, онъ разсказалъ, что уже говорилъ съ ней, стоя точно въ заколдованномъ кругѣ, и что это ему памятно. На это всѣ много

смѣялись, и каждое даже самое незначительное слово, подавало поводъ къ новой шуткѣ.

Все общество было такъ весело, и извиненіе Ѳадден навлекло на нее еще болѣе насмѣшливыхъ придирокъ; въ комнатѣ поднялся шумъ и смѣхъ, такъ что бабушка сказала родильницѣ, что это можетъ ей повредить и отправила ее въ другую комнату.

Ѳаддея тоже думала за ней послѣдовать, но хозяинъ Короны сталъ играть съ ребенкомъ, говоря: держи ихъ, не пускай! Въ самомъ дѣлѣ Ѳаддея должна была остаться и снова начались шутки, которыя вскорѣ приняли другой оттѣнокъ, потому что кумъ сталъ возлѣ Ѳадден и началъ ей

говорить о томъ, о семъ; она какъ-то кивала головой, когда онъ ей сказалъ:

— Когда я бываю у кого-нибудь и вижу дѣтей, то и самъ не знаю, что у меня дѣлается на сердцѣ. Прежде я не могъ терпѣть маленькихъ ребятишекъ, и покойница жена сказала мнѣ какъ-то совершенно справедливо: «Вотъ видишь ты, что мы женщины лучше васъ мущинъ: Вы любите дѣтей только тогда, когда завидите своихъ, а мы можемъ быть совершенно счастливы и съ чужими; я могла-бы играть съ ними, и за ними ухаживать по цѣлымъ днямъ, а вы мущины, если у васъ и есть дѣти, то черезъ полчаса они вамъ надоѣдаютъ. О, она была такая умница, такая добрая! добавилъ онъ.

Тутъ наступила пауза, и наконецъ Ѳаддея сказала. У васъ, повидимому, мущины развитѣе здѣшняго; слушая вашъ разговоръ, я думаю что вы получили образованіе.

— Похвалу моимъ землякамъ, я долженъ принять исключительно на свой счетъ: да я учился, или собственно долженъ былъ учиться. Я былъ годъ въ Семинаріи.

— И зачѣмъ же вы.... оставили ее? спросила Ѳаддея.

— Я единственный сынъ, то есть... у меня есть одна сестра, и отецъ поступилъ правильно; но когда мы ближе узнаемъ другъ друга, то вы увидите, что во мнѣ есть частичка школьнаго учителя.....

— Во мнѣ тоже, если бы мой папенька согласился, то и я бы занималась преподаваніемъ.

У меня много сходства. Вы тоже единственная дочь. Жаль только, что есть нехорошая пословица.

—Какая?

— Единственнаго сына надо бояться, а на единственной дочери жениться.

Наступили сумерки. Хозяинъ Короны не могъ видѣть, какъ лицо Ѳаддеи вспыхнуло яркимъ румянцомъ; онъ только слышалъ ея ускоренное дыханіе, и черезъ нѣсколько минутъ она сказала:

— Я не знала этой пословицы. Но, Боже мой, бьетъ уже восемь часовъ. Я должна вернуться домой.

— Нѣтъ, останьтесь еще на минуточку. Кто знаетъ когда мы теперь увидимся.

Оба тихо стояли другъ подлѣ друга, между тѣмъ какъ на башнѣ громко пробило восемь часовъ. Хозяинъ Короны спросилъ:

— Который вамъ годъ?

— Тридцать лѣтъ, отвѣтила Ѳаддея, какъ будто странный вопросъ, и откровенный отвѣтъ понимались сами собой; и хозяинъ Короны продолжалъ: Я думаю, многое случалось съ вами въ эти годы, пока этотъ колоколъ указывалъ часы.

— Хорошо, отвѣчала Ѳаддея, что нѣкоторыя вещи также приходятъ, и не возращаются больше, какъ звуки этого колокола.

И опять оба простояли въ молчаніи, которое прервалъ хозяинъ Короны.

— Я ѣду завтра рано утромъ домой. Но, вѣроятно скоро возращусь.

Новая пауза, послѣ которой Ѳаддея спросила:

— Какъ же зовутъ вашего сына?

— Магнусъ.

— Поклонитесь-же отъ меня вашему Магнусу и, когда вы вернетесь, то я пошлю ему кое что получше.

— Не забуду вашего обѣщанія.

Стало уже совершенно темно, а за Ѳаддеей пришла старуха служанка съ фонаремъ.

— Ну, теперь дайте-же мнѣ вашу ручку вмѣсто перчатокъ, сказалъ хозяинъ Короны.

— Ахъ, не думайте болѣе о нихъ. Покойной ночи, куманекъ.

— Покойной ночи, кумушка! Я скажу: да хранитъ васъ Богъ, меня не забывайте. Ѳаддея ушла, а булочница чрезвычайно удивилась, когда вскорѣ хозяинъ Короны вывелъ своихъ лошадей изъ конюшни, запрегъ и, не смотря на всѣ приглашенія остаться, уѣхалъ ночью домой.

Продолженіе повѣсти Мачиха.

ПРИЗНАНІЯ.

— Слава Богу! ну, каково шли дѣла? спросилъ отецъ сына, когда тотъ вернулся домой.

— Ничего, отвѣтилъ хозяинъ Короны, слѣзая съ воза. Здоровы-ли мои дѣтки?

— Здоровы. Ну, что ты покупалъ и по какой цѣнѣ? Съ тобой образчики, или вслѣдъ за тобой прибудутъ покупки?

Всѣми этими вопросами Штофельнбекъ засыпалъ сына: но тотъ бѣжалъ впередъ и только поцѣловавши мальчишку, сказалъ:

— Отецъ, я ничего не купилъ, кромѣ ста четвериковъ пшеницы, которые продалъ; я пріѣхалъ съ пустыми руками.

— Тебѣ бы надо сдѣлать тоже, что Шмуль Бирингенъ.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Когда онъ вернулся съ торговой поѣздки вотъ также какъ и ты ни съ чѣмъ, то обратился задомъ къ двери. На вопросъ жены: что это значитъ? онъ отвѣчалъ: я ничего не сдѣлалъ, мнѣ стыдно, и я не хочу показывать своего лица.

— Я сдѣлалъ кое-что другое, отвѣтилъ съ досадой пріѣзжій. Старый Штофельнбекъ разсердился, но хорошо владѣя собой, спросилъ только:

— Что ты смотришь такимъ веселымъ? Спусти мальчишку съ рукъ; онъ уже давно можетъ бѣгать. Иди сюда, Маг-

нусъ, сказалъ онъ ребенку грубо, ступай въ кухню мнѣ надо поговорить съ твоимъ отцемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте ребенка; я ему кое-что привезъ. Вотъ, Магнусъ, на тебѣ крендель. Э, да онъ изломался.... ну ничего, кушай. Тебѣ прислалъ его..... прислалъ кто-то.... кто тебя любитъ. Гдѣ же Эрнестина? Ступай къ бабушкѣ и позови ее. Или нѣтъ, останься тамъ и скажи бабушкѣ и сестрѣ, что я къ нимъ сей-часъ приду. Съ этими словами онъ отвелъ мальчика къ двери, а отцу сказалъ.

«Батюшка, кажется я отыскалъ себѣ жену.

— А есть деньжонки?

«Думаю, что достаточно.

— Ну, если будетъ слишкомъ много, то часть отдашь мнѣ.

Хозяинъ Короны принялся безпокойно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, сгибался, выпрямлялся и чувствовалъ себя какъ-то не ловко. Онъ изъ подълобья поглядывалъ на предметы въ комнатѣ, точно каждый стулъ, столъ и шкапъ что нибудь скрывали, замышляли.

Всякому, возвращающемуся домой послѣ отлучки, все дома кажется какъ-то не такъ; и утро ему не утро, и полдень не полдень; онъ сегодня видѣлъ такъ много чужого, былъ у столькихъ чужихъ людей, столько въ его головѣ прошло всякихъ впечатлѣній, что теперь онъ никакъ не можетъ разомъ попасть въ прежнія отношенія съ тѣми, которые оставались на своемъ мѣстѣ, въ прежней колеѣ.

Штофельнбекъ, тонкій знатокъ людей, съ давнихъ поръ имѣлъ странную привычку, для него однакожь очень удобную: при возвращеніи изъ довольно продолжительнаго путешествія тотчасъ прилечь на часикъ, другой, такъ какъ у него была счастливая способность спать всегда, когда вздумается.

Этимъ онъ всегда поддерживалъ въ себѣ живость и бод-

рость. Соснувши такимъ образомъ онъ за тѣмъ становился чрезвычайно дѣятельнымъ и распорядительнымъ; сейчасъ же чувствовалъ себя дома, безъ того безпокойства и неловкости, которыя, подобно какому-то чуждому слою воздуха сопровождаютъ вернувшагося домой.

Онъ хотѣлъ было и сына пріучить къ тому же; но хозяинъ Короны былъ въ этомъ случаѣ неподатливъ; онъ ни минуты не могъ спокойно усидѣть, и отецъ уже три раза предлагалъ ему табачку, который сынъ хотя и бралъ, но все таки бесѣдовалъ весьма безсвязно.

Наконецъ подошелъ онъ къ окну, машинально посмотрѣлъ въ него и сказалъ:

«Надо сходить къ матери, къ ребенку.

— Да вѣдь не убѣгутъ они. Развѣ у тебя нечего болѣе мнѣ сообщить?

«Есть.

— Что-же такое? говори.

«Батюшка, я думаю, что если я долженъ жениться, то непремѣнно на ней, на ней одной.

— На ней? а откуда она?

«Изъ Фрейбурга.

— Изъ такого большаго города?—это не хорошо, не годится для нашего городка.

И понюхавши табаку Штофельнбекъ добавилъ:

«Разъ я былъ въ Дармштадтѣ съ отцемъ теперешняго почтмейстера Шрамберга, и тамъ одна дѣвушка спросила: «Есть ли въ Лауденбахѣ мостовая? На что я отвѣчалъ ей, что есть, да только по ней приходится перепрыгивать съ камня на камень. При этомъ я мигнулъ хозяину гостинницы и вышелъ изъ комнаты. Вскорѣ и онъ пришелъ ко мнѣ и вотъ мы живо очутились въ нашей гостинницѣ, запрягли ло-

шадей, да и убрались тихомолкомъ. Да оно и лучше подальше отъ этихъ городскихъ привередницъ. Повѣрь мнѣ, не годится брать дѣвушку изъ большаго города: онѣ готовы потребовать, чтобы для нихъ вновь вымостили улицы, окрасили дома, а когда вѣтеръ, дождь, то онѣ дѣлаютъ видъ, точно для нихъ дома вѣчно свѣтитъ солнышко. Лучше послушайся меня, не бери никого изъ большаго города. Что ты имъ ни дѣлай, они скорчатъ настоящую собачью рожу, когда ей поднесутъ къ носу стаканъ вина.

— Нѣтъ, эта скромна и благоразумна. Только даже кажется слишкомъ скромна.

«Въ самомъ дѣлѣ? Смотри: въ тихомъ омутѣ черти водятся.

— Тутъ едва-ли.

«Ну, ну, скажи же, кто она?

Хозяинъ Короны началъ разсказывать, конечно съ умолчаніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ; Штофельнбекъ еще разъ понюхалъ табачку и въ самомъ способѣ этого нюханья выразилось неуловимое самодовольствіе; затѣмъ онъ сказалъ:

— Да, ты изъ учительской породы; они всегда поступаютъ такъ, какъ будто и двухъ перечесть не умѣютъ и вообще отличаются толстотою череповъ. Ты сдѣлалъ очень глупо, что не продалъ этому Штумеру бобовъ и гороху; хочешь и овощи получить и кусочикъ мясца въ придачу.

«Батюшка, не шутите такъ, вы знаете, что для меня это невыносимо, воскликнулъ сынъ и покраснѣлъ до ушей. Я не могу вамъ выразить, что со мною.... я и не думалъ, что опять со мною можетъ случиться что-либо подобное.... еслибы мнѣ это тогда сказали, тогда.... И этотъ крѣпкій мущина громко зарыдалъ.

Штофельнбекъ не останавливалъ его, зная, что такое облегченіе сердца хорошо и необходимо. Онъ сѣлъ спокойно на стулъ, не нюхалъ, но только поднесъ къ носу открытую табакерку.

— Ну, ступай къ матери, сказалъ онъ наконецъ, и они пошли вмѣстѣ.

Когда отецъ увидалъ тутъ свою дочку, поднялъ ее, сталъ ласкать, цѣловать, какъ будто никогда не спускалъ ее съ рукъ. Но вскорѣ послѣ первыхъ привѣтствій бабушка отослала внучку въ другую комнату и сказала сыну.

— Раймундъ, это мнѣ не нравится: къ чему такъ цѣловать ребенка, точно вотъ задушить ее хочешь? Не нравится мнѣ нынѣшняя мода, что какъ-то ужъ очень ласкаютъ и цѣлуютъ дѣтей. Я могу по пальцамъ перечесть, сколько разъ поцѣловалъ меня отецъ; а между тѣмъ онъ меня очень любилъ, столько, сколько можетъ отецъ любить свое дитя, да и я его любила, сколько ребенокъ можетъ любить отца. Не дѣлай-же этого больше, Раймундъ, это не хорошо.

«Ахъ, маменька, тутъ есть свои особенныя причины.

— Какія-же?

«Я, маменька, и не знаю, что со мною сегодня, когда смотрю на моихъ дѣтокъ. Конечно это для ихъ счастія; но мнѣ все кажется, что я беру у нихъ имъ принадлежащее.... себя.... нѣтъ, я ничего не беру у нихъ, я даю имъ.... я... я даю имъ опять мать.

При послѣднихъ словахъ Штофельнбекша встала, но затѣмъ опять сѣла съ глубокимъ вздохомъ и сказала:

— О, вы мущины, мущины! Невѣроятно даже, каковы вы бываете. Да, да, когда умираетъ молодая мать, то нужно бы съ ней сей-часъ же класть въ гробъ и маленькаго ребенка; лучше всего ему исчезнуть со свѣта, а хуже всего получить

мачиху. О, сколько разъ я это видѣла, сколько слышала обѣщаній, клятвъ всѣмъ святымъ: материнская любовь!.... И все послѣ оказывается ложью, вздоромъ. Да, да, ты меня утѣшалъ; ты говорилъ, чтобы я не плакала, когда она умерла; я по ней и не плакала; что такое умереть? я плакала, потому что ожидала кое-чего другаго, что гораздо хуже смерти, хуже и въ тысячу разъ тяжелѣе. Да, да, правильно говоритъ пословица: когда мущина женится во второй разъ, плачетъ алтарь.

Штофельнбекша зарыдала, что рѣдко съ ней случалось, потому что она умѣла подавлять свои чувства; какъ сыну она запрещала слишкомъ горячо цѣловать ребенка, такъ и себя она не допускала до слишкомъ сильныхъ душевныхъ потрясеній.

Къ счастію въ это время постучались въ окошко; она должна была отпустить хлѣба, и это возвратило ее въ обычную колею.

Между тѣмъ хозяинъ Короны, скрывшій многое отъ отца, матери разсказалъ все; она отрицательно качала головой, когда онъ доказывалъ, какъ ея добрая слава, распространяемая соборнымъ булочникомъ, безъ сомнѣнія особенно помогла ему снискать расположеніе дѣвушки. Онъ благодарилъ мать, что наслаждается ея благословеніемъ, но она все отрицательно качала головой. И чѣмъ больше онъ разсказывалъ, тѣмъ проницательнѣе, тѣмъ упорнѣе былъ ея взоръ; наконецъ она сказала:

— Если это такъ быть должно, то я думаю, что тебѣ будетъ хорошо. Дѣвушка, несшая тяжелую участь, загнанная, избѣгаемая всѣми, это сирота на свѣтѣ. Конечно бываетъ, что онѣ иногда наконецъ совсѣмъ падаютъ духомъ, на всѣхъ досадуютъ, не видя въ ближнихъ хорошаго, думаютъ, что и

весь свѣтъ ничего не стоитъ. Я знаю одну которая такая ненавистница, что не дастъ птичкѣ пролетѣть мимо, не вырвавши у нея нѣсколькихъ перьевъ.....

— Ахъ, маменька, эта не такая, она добрая, сострадательная.

— Ну, ну, она все таки падчерица свѣта, а такія падчерицы могутъ быть хорошими мачихами; онѣ знаютъ, какъ тяжело безъ любви; онѣ умѣютъ быть счастливыми въ тишинѣ и дѣлать добро. Она вѣрно не захочетъ шумной свадьбы, музыки, веселья. Хорошо, если она такова. Но, Боже мой, кто можетъ это знать? Кто знаетъ, какъ жизненныя испытанія могутъ измѣнить человѣческую душу! Одно только хорошо и нравится мнѣ: что она не сказала тебѣ ни какой любезности и прислала кое-что ребенку; если она и дальше такъ будетъ понимать вещи, то можетъ достигнуть земнаго рая. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ быть второй матерью.

— Мать правду говоритъ, сказалъ лукаво Штофельнбекъ; опять видно, что мы, мущины, гораздо лучше женщинъ. Есть больше хорошихъ вотчимовъ, чѣмъ мачихъ.

— Это легко. Отецъ гораздо рѣже видитъ своихъ дѣтей, меньше имѣетъ съ ними дѣла; между тѣмъ какъ мать должна безпрерывно ходить за ребенкомъ; она сама-то до тридцатилѣтняго возраста тотъ же ребенокъ и можетъ быть столько же другомъ ребенку, сколько и врагомъ. Но объ этомъ теперь нечего говорить. Конечно мнѣ бы больше нравилось, если бы ты взялъ бѣдную, которая была бы благодарна.... но кто знаетъ.... Только прежде всего помни: ты женишься не для себя, а для дѣтей. Конечно Эрнестина у насъ избалована и умѣетъ этимъ пользоваться; дѣдушка радуется, когда она своенравна, но я умѣю держать ее въ рукахъ. Я думаю, что она будетъ вести себя какъ слѣдуетъ; не не думаю, что-

бы чужая могла съ ней ладить. Магнусу не повредитъ, если съ нимъ будутъ немножко по строже; это мальчику полезно и пригодится на всю жизнь. Эрнестинѣ же это не годится. Отчего это она ей ничего не прислала?

Къ счастію въ это время кто-то пришелъ, и сынъ могъ не отвѣчать на послѣдній вопросъ. Теперь, когда онъ высказался такъ искренно и опредѣленно матери, на него вдругъ напала боязнь, не беретъ ли онъ на себя слишкомъ много, не налгалъ ли кой-чего, потому что Ѳаддеѣ ужъ непремѣнно налгалъ. Послѣднее онъ высказалъ отцу по дорогѣ къ мельницѣ, а именно, что сказалъ ей только объ одномъ ребенкѣ, а о другомъ и не упомянулъ; стало быть она думаетъ, что у него одно дитя.

— Странно, замѣтилъ Штофельнбекъ, чтобы дѣвушка рѣшилась такъ скоро подавать надежду вдовцу, у котораго двое дѣтей.

— Конечно вы правы, батюшка, по этому-то я и не долженъ этого скрывать, тѣмъ болѣе, что вѣдь рано или поздно придется же сказать.

— Я могу тебѣ только предсказать, что изъ этого ничего не выйдетъ.

— То было бы мнѣ очень прискорбно; но будетъ еще тяжелѣе, если я всю жизнь буду видѣть холодное, непривѣтливое обращеніе съ моими дѣтьми; это ежедневно будетъ разрывать мое сердце.

— Ну, вотъ ужъ ты что заговорилъ! А я такъ думаю, на основаніи всего, что ты разсказалъ объ этой дѣвушкѣ, что она будетъ хорошо обращаться и съ Эрнестиной.

— И я тоже думаю.

— Но вѣдь Штумеръ не отдасть ее за тебя, и я бы не отдалъ на его мѣстѣ. Видишь-ли, одно дитя не дитя; напро-

тивъ доброй дѣвушкѣ оно будетъ веселой игрушкой; ей нужна кукла, съ которой она могла бы заниматься. Но двое дѣтей это уже дѣти, полный домъ дѣтей, это уже забота. А потому знаешь-ли что?

— А что?

— Пусть у тебя только и будетъ одно дитя. Эрнестина до тебя не касается; мы ее беремъ; она будетъ наша.

— Но могу ли я отречься такимъ образомъ отъ своего ребенка?

— Не отрекаешься и не отречешься; это устроится само собой. Повѣрь мнѣ, если ты теперь придешь и скажешь: «я забылъ кое-что сказать, у меня есть дочка лѣтъ девяти», какой это будетъ имѣть видъ? что она должна о тебѣ подумать? Вотъ, скажетъ, славный отецъ, позабылъ о своемъ ребенкѣ.

— Да, это такъ; но у меня не достаетъ духа отречься отъ моего ребенка; это вдвойнѣ дурно, это будетъ дѣломъ, вопіющимъ изъ за моего ребенка и противъ женщины, которую я хочу сдѣлать своей женой. Нѣтъ, нѣтъ, это сдѣлать невозможно, нечего тутъ и толковать.

— А я тебѣ говорю, что эдакъ всего лучше: Эрнестина наша.

— Но вѣдь этого во всякомъ случаѣ нельзя же будетъ скрыть отъ Ѳадеи; а когда она все это узнаетъ впослѣдствіи, что она подумаетъ обо мнѣ?

— Лучше теперешняго, потому что теперь твое положеніе очень глупо. Развѣ я не доказывалъ тебѣ тысячу разъ, что я лучше тебя знаю, какъ надо жить на свѣтѣ? Теперь послушайся меня. Трудненько это уладить, но я беру на себя; будь доволенъ, что имѣешь меня подъ руками.

— Но мать, что она скажетъ, когда все это узнаетъ?

— Теперь ей ничего не скажемъ.

— Какъ же я долженъ относиться къ ребенку, когда онъ меня встрѣтитъ, позоветъ, когда я его позову? Нѣтъ, батюшка, это не годится. Какъ я былъ счастливъ и какой я теперь.... но этого не будетъ; нѣтъ, не должно быть.

— Твоя мать сказала умное слово: дѣвушка, выходящая за вдовца, не должна требовать на свадьбѣ музыки, а ты вотъ теперь требуешь музыки.

— Я? О, Боже мой, нѣтъ.

— Какъ, нѣтъ? Я былъ тоже молодъ, такой же добрякъ, какъ и ты. Веселое это бываетъ время, но оно бываетъ только разъ въ жизни. Въ теченіе жизненнаго дня солнце восходитъ только одинъ разъ, и каждая церковь только разъ празднуетъ свое освященіе, говорилъ въ видѣ пословицы мой двоюродный братъ. Ты долженъ теперь жениться очень осмотрительно и не можешь требовать, чтобы всѣ музыканты играли отъ всего сердца.

— Нѣтъ, безъ этого я и не женюсь.

— Повторяю, что тебѣ надо было сдѣлаться школьнымъ учителемъ; ты изъ учительской породы. Къ чему ты мнѣ-то говоришь все это? Побереги для себя и своей невѣсты. А на дѣло съ Эрнестиной смотри спокойнѣе. Конечно ты не можешь отъ нея отречься; но не принимай этого такъ къ сердцу. Ты на все смотришь слишкомъ сурово. Тутъ Штофельнбекъ остановился, онъ былъ достаточно уменъ, чтобы понимать, что дерево не падаетъ отъ одного удара. На этотъ разъ было довольно сдѣлано: земля была подрыта со всѣхъ сторонъ, и корни чуть держались.

Хозяинъ Короны, какъ ни соображалъ, не могъ не согласиться, что отецъ его правъ. Онъ самъ сознавалъ, что все принималъ слишкомъ близко къ сердцу, это надо было

измѣнить. Конечно было бы лучше смотрѣть на жизнь серьезнѣе, и онъ улыбнулся, придумавъ счастливый планъ Вѣдь самъ же отецъ сказалъ: не все нужно высказывать. Пусть же будетъ такъ! послѣдую, думалъ онъ, совѣту отца и самъ, при первомъ удобномъ случаѣ, открою ей всю правду.

— Такъ-то будетъ легче! и онъ старался взглянуть на будущее повеселѣе.

А между тѣмъ Штофельнбекъ нѣсколько дней ничего не говорилъ объ этомъ предметѣ; онъ желалъ дать время сыну успокоиться и вотъ однажды лукаво посмѣялся, когда тотъ сказалъ матери:

— Видите, маменька, какъ я васъ слушаюсь. Я совершенно суровъ и не показываю никакой нѣжности Эрнестинѣ, и такъ хочу держать себя и послѣ. Да, лучше съ дѣтьми обращаться нѣсколько сурово; это облегчитъ имъ послѣдующую жизнь.

Лукаво улыбался Штофельнбекъ, онъ зналъ, что значитъ эта рѣчь и вечеромъ просто спросилъ сына:

— Когда же мы отправляемся въ Фрейбургъ?

— Завтра, если хотите, не то и сегодня, отвѣтилъ сынъ.

Но Эрнестина какъ-то случайно подслушала, какъ дѣдушка говорилъ съ отцемъ о томъ, чтобы скрыть объ ея существованіи; на сердцѣ ребенка стало такъ грустно, такъ тяжело

Дѣйствительно часто въ присутствіи дѣтей, хотя Штофельнбекша и старалась не допускать этого, дѣдушка разсуждалъ, какъ безпомощенъ, какъ легко подчиняется другимъ хозяинъ Короны. По своему обыкновенію, онъ сопровождалъ это различными шутками, и когда ему жена за это выговаривала, онъ говорилъ:

— Передъ тобой я могу высказываться, потому что молчу передъ свѣтомъ.

Но эти рѣчи западали въ сердце ребенка, и теперь, когда она услыхала о томъ, что отъ нея хотятъ отказаться, то почувствовала что-то горькое на сердцѣ, припомнивъ всѣ прежніе толки и шутки.

Есть вещества, въ которыхъ не замѣтна находящаяся кислота, и только когда къ нимъ примѣшано новое вещество и соединится съ растворенной кислотой, тогда ее можно замѣтить.

Тоже самое бываетъ часто и въ нашей душѣ: слѣды тяжелыхъ впечатлѣній рѣзко обнаруживаются только тогда, когда явятся новыя и соединятся съ прежними.

На слѣдующее утро, когда бабушка еще спала, Эрнестина встала, одѣлась совершенно одна и, когда съ началомъ разсвѣта отецъ и дѣдушка уѣхали, она взошла на гору, стала за деревьями, посмотрѣла пристально за ними и поспѣшила впередъ. Она послѣ разсказывала, что у нея было, хотя и не ясно сознанное, намѣреніе, отправиться тоже въ Фрейбургъ, явиться прямо къ нимъ и сказать: И я дитя!

Съ этой цѣлью она бѣжала все впередъ и впередъ, крича и плача. Случайно въ это время спускался по тропинкѣ мельникъ съ своими ослами, навьюченными мѣшками съ хлѣбомъ. Увидавъ Эрнестину онъ подозвалъ ее; ребенокъ давалъ сбивчивые отвѣты. Потому, не толкуя много, онъ поднялъ ее, посадилъ удобно на осла и повезъ обратно въ городъ. Тутъ играли дѣти привратника, и Эрнестина, вспомнившая о своемъ братѣ, не могла больше сидѣть, соскочила и быстро побѣжала въ городъ, домой, къ брату.

Пока отецъ и дѣдушка были въ отсутствіи, дѣвочка не выпускала братишку изъ рукъ. Въ это время, Богъ вѣсть съ какой стати, всѣ спрашивали другъ друга и ее: «Когда же пріѣдетъ новая мать?» Эрнестина съ большой гордостью

слушала толки, что отцу ея вовсе не слѣдовало бы въ другой разъ жениться, что вотъ дочь скоро подростетъ и могла бы не хуже матери смотрѣть за братомъ. А тутъ еще старая служанка вздумала разсказывать дѣтямъ сказку о томъ, какъ одна злая мачиха убила своего пасынка; сестрица зарыла косточки братца подъ деревомъ, и братецъ сдѣлался птичкой и сталъ пѣть такъ дивно; и на шеѣ у него былъ большой жерновъ, который онъ бросилъ съ дерева на мачиху и убилъ ее.

5.

Поѣздка къ невѣстѣ.

Отецъ и сынъ ѣхали довольно долго, молча; молодымъ человѣкомъ овладѣла робость; онъ бы уже и домой готовъ вернуться, но не хотѣлъ обнаружить своего малодушія передъ отцомъ. Наконецъ онъ созналъ, что высказалъ слишкомъ много: вѣдь онъ еще совсѣмъ не настолько объяснился съ Ѳаддеей, чтобы положительно предвидѣть ея отвѣтъ, а съ Штумеромъ и вовсе не сказалъ объ этомъ ни слова.

— Не знаю, право, замѣтилъ Штофельнбекъ, но ты вовсе не похожъ на человѣка, у котораго есть хозяйство и дитя; ты поступаешь, какъ безразсудный мальчикъ. Мнѣ кажется, что мы бродимъ гдѣ-то въ туманѣ; но вѣдь мы уже ѣдемъ и должны все уяснить. Не обдумывай слишкомъ много, что и какъ тамъ должно случиться, само дѣло покажетъ.

Сынъ былъ передъ отцомъ точно связанный, а отецъ былъ на столько благоразуменъ, что скрылъ свой собственный планъ.

Первый раздумывалъ втихомолку о вторичной женитьбѣ и надѣялся, что если теперь изо всего этого ничего не выйдетъ, то можно сдѣлать другую попытку, заботу о которой надо предоставить отцу.

Душа его была въ неописанномъ волненіи: то ему чудилось, что вотъ онъ у Ѳадеи, что все уже ей высказалъ, то вдругъ съ изумленіемъ онъ видѣлъ, что сидитъ на возу,

что отецъ спрашиваетъ о томъ, да о другомъ, что вокругъ все что-то чуждое, незнакомое. Наконецъ они подъѣхали къ дому булочника, на соборной площади, и послѣдній весьма радушно встрѣтилъ своего хозяина, который замѣтилъ:

— Ты справедливо называешь меня до сихъ поръ хозяиномъ; но еще приличнѣе называть меня теперь городскимъ совѣтникомъ.

— Хорошо, господинъ городской совѣтникъ! воскликнулъ булочникъ.

Пока Штофельнбекъ сидѣлъ съ молодой женщиной и освѣдомлялся на счетъ Ѳадден, а наконецъ прямо сказалъ, зачѣмъ они пріѣхали, хозяинъ «Короны» бродилъ по городу въ величайшемъ волненіи. Теперь онъ еще тутъ чужой, гдѣ вскорѣ, можетъ быть, будетъ своимъ; по этимъ улицамъ Ѳаддея ходила въ теченіи столькихъ лѣтъ! Тутъ была она маленькая, тутъ выросла: она о немъ ничего не знала, а онъ о ней; и вдругъ теперь они не должны будутъ ни о чемъ думать, ничѣмъ наслаждаться, ничего испытывать порознь, все будетъ общее. Можетъ быть, мимо проходитъ кто-нибудь, кто ее знаетъ, отъ кого онъ могъ бы о ней что нибудь услышать; но онъ не зналъ этого и не могъ никого спросить. Онъ прошелъ по императорской улицѣ, стоялъ долго у брейзахскихъ воротъ и разсматривалъ рѣзное изображеніе святаго Мартына, отрѣзывающаго мечомъ часть своего плаща для обнаженнаго бѣдняка. Забывши о самомъ себѣ онъ разсматривалъ это изображеніе и показалось ему, что онъ видитъ взоры Ѳадден, которые конечно Богъ вѣсть сколько разъ останавливались на этомъ образѣ.

Затѣмъ онъ поднялся на Шлосбергъ и отсюда наслаждался великолѣпнымъ видомъ: передъ нимъ разстилался внизу городъ, и вся рейнская долина до самыхъ Вогезъ. А здѣсь

вблизи какъ все очаровательно! Горы соединили въ себѣ свѣжесть лѣсовъ и сочный ароматъ виноградниковъ, и вся растительность такая рескошная!

Ни одного звука не слышно было въ природѣ, а о людяхъ, объ ихъ дѣлахъ и чувствахъ свидѣтельствовали только снизу колокольные звуки, а изъ лѣсу звуки роговъ сигнали-

стовъ; затѣмъ зазвучала третья міровая сила: фабричный колоколъ.

Запахъ увядшихъ отъ осени растеній, дальній шумъ города, все это вдругъ пробудило въ нашемъ героѣ воспоминаніе, не совсѣмъ еще сгладившееся: онъ вспомнилъ о томъ, какъ однажды въ такой же вечеръ вышелъ за городскія ворота, взошелъ на гору и не могъ понять того, что вотъ де-

ревья еще стоятъ, что экипажи все ѣздятъ по городскимъ улицамъ, что мальчики пастухи съ пѣснями стерегутъ стадо, перекликаются, хлопаютъ бичами. Словомъ все было по прежнему; весь этотъ богатый міръ, а тамъ смерть, потому что тамъ внизу лежала.....

Но, въ сторону! воспоминанія могутъ пробуждаться, но они не вызываютъ жизни, и теперь все должно быть иначе. Возможно-ли однако, чтобы опять настала весна и ты ликовалъ вмѣстѣ съ нею?

Точно желая убѣжать отъ самого себя, онъ быстро сошелъ съ Шлосберга. Уже начинали распространяться тонкія вечернія осеннія испаренія. Дошедши до Картезіанской улицы, вдругъ хозяинъ Короны остановился у садовой ограды, изъ за которой виднѣлся прекрасный садъ съ великолѣпной бесѣдкой. Онъ остановился тутъ, точно приросъ къ мѣсту, и ему показалось, что знакомый голосъ говорилъ:

— Да, Іосифъ, поди теперь, поди черезъ сосѣдній садъ, чтобы папенька не узналъ. О, Боже, должно же настать время, когда мы не принуждены будемъ скрываться, какъ теперь; иди-же скорѣе, иди; я что-то боюсь.

Быстро убѣжалъ мущина, и хозяинъ Короны затрепеталъ: это въ самомъ дѣлѣ говорила Ѳаддея. Онъ, взволнованный до глубины души, хотѣлъ было и самъ убѣжать со всѣхъ ногъ; но Ѳаддея повернулась къ нему и узнала его. Она остановилась, какъ вкопанная, и провела рукою по лбу, точно сейчасъ пробудилась отъ сна. Наконецъ хозяинъ Короны сказалъ:

— Добрый вечеръ, кумушка.

Но кумушка была сильно взволнована и отвѣтила:

— Какъ? вы здѣсь? это, право, точно чудо: не прошло и пяти минутъ, какъ я о васъ говорила.

— Обо мнѣ?

— Да, здѣсь былъ мой братъ, о которомъ я вамъ разсказывала, что папенька не позволяетъ намъ видѣться и говорить.

— Ахъ, такъ это былъ вашъ братецъ? Извините.

— Въ чемъ?

— Нѣтъ, такъ.... я самъ не знаю, что говорю.... Можно войти къ вамъ?

Ѳаддея не отвѣтила и, не спрашивая болѣе, гость отворилъ ворота и вошелъ въ садъ.

Онъ сталъ возлѣ Ѳаддеи, неподалеку отъ яблони, вѣтви которой почти склонялись подъ тяжестью крупныхъ, красношекихъ плодовъ. Онъ взялъ одно яблоко въ руку и, отрывая его, сказалъ:

— Да, такъ вы говорили обо мнѣ? Это кстати: я тоже много говорилъ о васъ, но еще больше мысленно съ вами; я думаю, что вы все должны знать, и теперь мой отецъ прибылъ сюда со мною, и вотъ мы здѣсь, и это Божье опредѣленіе, что я увидалъ васъ предварительно. Кажется, всѣхъ людей во всемъ городѣ я готовъ бы былъ спрашивать: не можете ли вы мнѣ сказать, гдѣ бы я могъ увидать свою куму, хоть на двѣ минутки? А вотъ я теперь съ вами и не знаю, что долженъ говорить, и вы даже не дали мнѣ еще вашей руки.

Она протянула ему руку, дрожа, а онъ продолжалъ:

— Вѣдь я уже не молодой человѣкъ; я много испыталъ, и мнѣ совсѣмъ не прилично быть такимъ, а однакожь я не знаю, что со мною..... О, если бы кто нибудь другой говорилъ за меня... я не могу сказать что.... я увѣренъ, что обо мнѣ нечего сказать дурнаго. О, если бы здѣсь была моя матушка!

— Ну, вы уже такой взрослый маменькинъ сынокъ, что

можете говорить сами за себя, шутила Ѳаддея; но шутка не развеселила ея собесѣдника, и она прибавила:

— Счастливы вы, что у васъ есть матушка.

— Да, и какая матушка! Я ея сынъ и потому меня могутъ упрекнуть въ пристрастіи; но весь городъ, вся страна можетъ засвидѣтельствовать, что она олицетворенная честность, хотя ни кто лучше меня не знаетъ, какъ она желаетъ всѣмъ добра, какъ дѣлаетъ его всемъ, такъ что даже они этого и не знаютъ. Обо всемъ этомъ мы тысячу разъ съ нею говорили, а когда бывало поговоришь, точно вотъ въ церкви побывалъ; но матушка можетъ также смѣяться и быть веселой; я зналъ это давно; знаю и теперь. О, ничего не могу я желать лучшаго, какъ чтобы вы сидѣли съ ней рядомъ и смотрѣли другъ другу въ глаза. Но теперь я и самъ не знаю, что говорю.

— Да, да, я такъ и думала, что вы очень любите вашихъ родителей, и какое это счастіе имѣть мать и такую мать! Соборный булочникъ много мнѣ о ней разсказывалъ.

— Это славно съ его стороны, но онъ не можетъ ее такъ хорошо знать, какъ знаетъ ее родный сынъ.

— Да, да, сказала Ѳаддея, каковы родители-никто посторонній не можетъ знать. Мой отецъ, почему же мнѣ не сказать? я хорошо знаю, что многіе люди смотрятъ на него враждебно; но я знаю также, что у него мягкое сердце, и онъ только не хочетъ чтобы это замѣчалъ свѣтъ, а вы будете любить и почитать моего отца.

— Конечно! воскликнулъ хозяинъ Короны; мнѣ чрезвычайно пріятно, что вы это говорите, и я всегда буду объ этомъ помнить.

Оба долго молчали въ это время два яблока упали съ дерева, и собесѣдники взглянули на нихъ. Хозяинъ Короны

поднялъ, далъ одно Ѳаддеѣ, а другое оставилъ себѣ. Она взяла, какъ будто это само собой понималось и, разсматривая краснощекій плодъ, сказала:

— Какъ поживаетъ ваше дитя?

— Хорошо. Но вотъ что я вамъ хотѣлъ еще сказать.....

Рѣчь была прервана внезапнымъ приходомъ мальчика, служившаго у соборнаго булочника, который сказалъ:

— Барышня Ѳаддея, пожалуйте сей-часъ же къ моей тетушкѣ; ей нужно вамъ сказать что-то важное; но сей-часъ-же.

— Не могу ли я идти съ вами? спросилъ хозяинъ Короны.

— Нѣтъ, отвѣчали ему, но въ тонѣ этого отвѣта былъ не только отказъ, но и столько дружественнаго чувства, что онъ весело кивнулъ головою.

— Мнѣ нужно было столько еще вамъ сказать, пролепеталъ было онъ, но дѣвушка мигнула ему, давая замѣтить, что передъ мальчикомъ не слѣдуетъ всего говорить. Быстро надѣла она платокъ, кивнула головой, чтобы онъ ушелъ изъ сада, заперла калитку и поспѣшно побѣжала съ мальчикомъ.

Хозяинъ Короны прошелъ нѣсколько шаговъ за нею, а затѣмъ остановился; многое, многое волновало его, но надъ всѣмъ царила одна мысль: почему ты ей теперь же этого не сказалъ! О, еслибы ты только сказалъ! Тогда больше не было бы лжи, не было бы ничего между вами! Онъ такъ былъ встревоженъ, что долженъ былъ присѣсть на кучу камней, и ему было очень тяжело, что все еще осталось въ томъ же видѣ, и онъ вынужденъ фальшивить и скрывать. Онъ самъ на себя смотрѣлъ, какъ на какое-то отвергнутое,

покинутое дитя и показалось ему, что дитя его сидитъ подлѣ него и невольно онъ ощупалъ рукою возлѣ себя.

Нѣтъ, ничего не было.

Быстро онъ всталъ и отправился въ городъ; онъ зналъ, гдѣ можно было найти Ѳаддею; теперь еще можно сказать, теперь это было бы еще не ложью.

Нашла коса на камень.

Въ то время, какъ сынъ былъ на Шлосбергѣ и въ саду, отецъ успѣлъ многое развѣдать у жены своего прежняго помощника и на этотъ разъ онъ нашелъ прямой путь не только самымъ лучшимъ, но и самымъ короткимъ. Онъ узналъ, что Штумеръ выпиваетъ свою вечернюю кружку въ гостинницѣ подъ вывѣской «Дикаго человѣка» въ Соленой улицѣ, и отправился къ нему.

Штумеръ сидѣлъ одинъ за столомъ.

— Съ вашего дозволенія, сказалъ пришедшій и сѣлъ возлѣ. Купецъ положилъ руку на голову своей большой собаки, поклонился и съ удивленіемъ взглянулъ на Штефельнбека: «неужели молъ это Штофельнбекъ? Ну, онъ конечно явился на счетъ полюбовной сдѣлки. Добре! кто первый приходитъ и проситъ, значитъ созналъ, что неправъ и долженъ поплатиться.

Штумеръ поднесъ свою кружку къ губамъ, но не выпилъ: онъ прежде всего заботился о своемъ здоровьи и любилъ говорить: я, слава Богу не могу ни въ чемъ себя упрекнуть; во всю свою жизнь я не допускалъ излишествъ.»

Онъ чувствовалъ, что находится въ торжественно радостномъ настроеніи, а это не располагаетъ къ питью; надо прежде успокоиться, и тогда напитокъ покажется вкуснѣе.

Онъ еще разъ пристально взглянулъ черезъ стаканъ на Штофельнбека; послѣдній же прямо сказалъ:

— Да, я самый и есть. Теперь мы можемъ спокойно выпить другъ съ другомъ, а завтра стать вмѣстѣ передъ судомъ.

Штумеръ зналъ очень хорошо, что старикъ считалъ свое дѣло потерянным и только хотѣлъ услыхать что нибудь утѣшительное; но онъ порѣшилъ даже и этимъ не баловать его и сказалъ:

— Я не позволяю съ собой шутить; завтра узнаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Мнѣ большая честь, что ты со мною говоришь на «ты». Ну, такъ чокнемся же, сказалъ Штофельнбекъ, протягивая свой стаканъ къ стакану противника, но тотъ оставался неподвижнымъ. Первый продолжалъ:

— Конечно на *ты* гораздо удобнѣе говорить..

— Такъ ты такой сердитый по случаю тяжбы? А я думалъ, что доставляю тебѣ ею удовольствіе: вѣдь тебѣ жизнь не въ жизнь, если у тебя нѣтъ разомъ по крайней мѣрѣ дюжины процессовъ; мнѣ очень хотѣлось видѣть, какъ такое съ тобой судятся, и если ты побѣдишь, то это не большой стыдъ для меня.

Штумеръ улыбнулся и, гладя свою собаку, скалалъ ей:

— Видишь, Тюркъ, мы съ тобой не ошибаемся.

И, тоже обращаясь къ собакѣ, сказалъ Штофельнбекъ.

— Ты Турокъ, а господинъ твой язычникъ. На васъ нат травлены всѣ собаки; не кусай только меня; я противъ тебя ничего не имѣю. Ты натравляешь на человѣка, а господинъ твой на кое что другое.....

Штумеръ засмѣялся. Теперь игра была выиграна. Штофельнбекъ былъ спокоенъ; если онъ за что брался, то для него не было недостижимаго.

— И видишь-ли, сказалъ онъ, есть дороги, которыя столь узки, что подумаешь: двѣ повозки никакъ не разъѣдутся, особенно нагруженныя, а смотришь: ничего. Но какъ? одна должна переждать и дать другой проѣхать. Проѣзжай же проѣзжай, а я пережду.

— Ты не глупъ, сказалъ Штумеръ и кивнулъ Штофельнбеку головой, а послѣдній понялъ, что спорное дѣло уладится. Онъ превозносилъ большой кругъ дѣятельности своего против-

ника, при чемъ замѣтилъ, что и у него нѣтъ недостатка въ прибыльныхъ занятіяхъ; но что все это значитъ противъ старыхъ военныхъ временъ, когда можно было хорошо нагрѣвать руки.

Штумеру было очень пріятно, когда Штофельнбекъ разсказалъ нѣкоторыя изъ его очень хорошо всѣмъ извѣстныхъ продѣлокъ, относившихся къ тогдашнему военному времени и въ особенности когда онъ однажды въ Виллингенъ поставилъ въ главную квартиру сорокъ годовалыхъ телятъ вмѣсто четырехъ сотъ быковъ.

Гельдъ-Штумеръ смѣялся и самъ разсказалъ одну изъ такихъ же своихъ продѣлокъ, а Штофельнбекъ все болѣе и болѣе пододвигался къ нему и вскорѣ они задушевно и вполголоса вели между собою бесѣду. Штумеръ привелъ еще нѣсколько разсказовъ, когда булочникъ сказалъ, какія выгоды можетъ принести измѣреніе зерна, и какъ зерномѣръ можетъ быть первымъ хлѣбнымъ торговцемъ, хотя этого никто не будетъ знать цѣлые годы. Оба такимъ образомъ дѣлались все довѣрчивѣе и довѣрчивѣе другъ къ другу и хотя уже давно были на *ты*, но еще разъ братски чокнулись.

Ставя послѣ этого свой стаканъ на столъ, Штофельнбекъ вдругъ сказалъ, смотря въ окошко:

— Что я вижу? вотъ идетъ мой сынъ!

Онъ постучался въ окно, и хозяинъ Короны вздрогнулъ, увидавъ внезапно устремленные на себя глаза отца и Штумера; оба ему кивали. Онъ вошелъ и никакъ не могъ понять, какъ все это быстро уладилось: тамъ уже сидѣла у соборной булочницы Ѳаддея, а здѣсь его отецъ былъ въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ столь страшнымъ человѣкомъ. Бѣдный хозяинъ Короны чуть не обмеръ отъ страха, когда вдругъ прыгнуло на него ужасное чудище: собака, знавшая его съ поѣздки въ Лейцкирхенъ, стала къ нему ласкаться, точно чуя, что встрѣтитъ будущаго друга своего господина.

— Э, э! вы сынъ вотъ этого пріятеля? этого плута? И вы можете такъ честно поступать? Никогда бы не подумалъ. Хозяинъ, бутылку маргрефскаго!

Такъ восклицалъ Штумеръ, и всѣ трое усѣлись вмѣстѣ, и хозяинъ Короны внутренно трепеталъ, когда отецъ сталъ его хвалить и съ особенной выразительностью говорить, что

у него одно дитя, у котораго есть свое отдѣльное имущество отъ матери.

Такимъ образомъ они сидѣли до поздней ночи, и Штумперъ повторялъ все веселѣе, что Штофельнбекъ ему нравится, потому что онъ плутъ и человѣкъ стариннаго вѣка, но что ему нравится и хозяинъ Короны, потому что, повидимому, честный малый; что вотъ теперь дѣти вообще гораздо солиднѣе, степеннѣе, чѣмъ бывали ихъ отцы, что онъ видитъ и на своихъ дѣтяхъ, особенно на дочери.

Хозяинъ Короны вздрогнулъ, когда услыхалъ эти слова, но Штофельнбекъ сказалъ спокойно:

— Такъ и у тебя есть дочь? Замужемъ уже она?

— Нѣтъ, не хочетъ.

Сынъ толкнулъ отца подъ столомъ, но этотъ не понялъ чего онъ хотѣлъ и спросилъ Штумера:

— Будешь завтра дома? можно побывать завтра у тебя?

— Нѣтъ, я долженъ отправиться въ Кирхцартенъ, отпарить овесъ.

Наконецъ они разстались. Возвращаясь домой, Штофельнбекъ сказалъ сыну:

— Дѣло почти улажено. Видишь, что я былъ правъ? вотъ что я узналъ отъ Штумера; онъ говоритъ: дѣвушка, у которой есть чѣмъ жить и которая не хочетъ быть замужней служанкой, будетъ страшной дурой, если выйдетъ за вдовца со многими дѣтьми. Вотъ почему онъ теперь и слышать не долженъ объ Эрнестинѣ.

— Но Ѳаддея должна же знать объ этомъ до обрученія; я этого непремѣнно требую и иначе никакъ не хочу.

— Хорошо, я и за это возьмусь, но ты не долженъ говорить ни слова,

— Почему?

— У меня есть на это свои причины. Теперь довольно.

Отецъ и сынъ отправились вмѣстѣ къ соборному булочнику и тутъ было рѣшено, что булочница будетъ просить Штумпера взять ее съ собою въ Кирхцартенъ, конечно за тѣмъ, чтобы и Ѳаддея могла съ ними отправиться; а тутъ, какъ бы случайно, прибудутъ туда и Штофельнбекъ съ сыномъ.

Хозяинъ Короны хотѣлъ было ночью побольше поговорить съ отцемъ; но послѣдній вскорѣ заснулъ сномъ праведника. Сынъ ночью часто вскакивалъ въ испугѣ и ему слышался будто голосъ его дочки, такой печальный, такой жалобный. Онъ считалъ каждую четверть часа, которую били соборные часы. Въ первый разъ спустя много времени онъ снова плакалъ на разсвѣтѣ дня. Онъ былъ очень блѣденъ, и только когда булочница сказала ему, что ѣдетъ съ Ѳаддеей въ Кирхцартенъ, сильно покраснѣлъ. Отозвавши ее въ сторону, онъ сказалъ, что надѣется, съ Божьей помощью Ѳаддея будетъ доброй матерью его обоимъ дѣтямъ, что у нихъ обоихъ доброе сердце, что Эрнестину очень любятъ дѣдушка съ бабушкой, а потому она у нихъ останется.

Онъ все чаще и чаще повторялъ слово *оба*, чтобы булочница никакъ не забыла сообщить этого Ѳаддеѣ. Хотя онъ ей прямо не далъ такого порученія, но былъ увѣренъ, что она не забудетъ и чувствовалъ внутреннее торжество, что предупредитъ отца и поступитъ честно.

Булочница на все утвердительно кивала головой. Она положила въ мѣшокъ мясо, которое везла въ Кирхцартенъ, потому что тамъ предполагалось много гостей и сказала съ большою увѣренностью:

— Это на обручальный обѣдъ.

Отправиться въ дорогу можно было только тогда, когда солнышко уже довольно грѣло, потому что булочница должна

была взять съ собой и свою малютку. Изъ дома вышелъ Штумеръ, вышелъ и Штофельнбекъ, чтобы поздороваться съ нимъ, но хозяинъ Короны не показался. Онъ смотрѣлъ украдкой, какъ булочница передала своего ребенка Ѳаддеѣ, какъ та прижимала его къ груди и цѣловала; онъ слышалъ, какъ она просила ее позволить ей держать его на рукахъ, и такимъ образомъ всѣ отправились.

До отъѣзда еще булочница сообщила жениху, что Ѳаддея говорила, какъ было бы хорошо, кабы въ Кирхцартенъ прибылъ ея братъ и прибавила отъ себя, что привести его туда было бы дѣломъ хозяина Короны, что Ѳаддея была бы отъ этого въ чрезвычайномъ восторгѣ. Жениху нечего было послѣ этого медлить и колебаться, а пришлось прямо отправиться къ брату и сказать, въ чемъ дѣло.

Какимъ умнымъ вдругъ сдѣлался цѣлый свѣтъ и какъ ловко придумала все это булочница въ его пользу! Отчего не всегда все идетъ такимъ образомъ на свѣтѣ?

Хозяинъ Короны хотѣлъ было сообщить отцу, что ему было поручено, но удержался: онъ смутно сознавалъ, что есть на свѣтѣ вещи, которыя не доступны холодному обсужденію, а должны быть постигаемы теплымъ сердцемъ. Прежде всего онъ почувствовалъ радость, что можетъ кое-что сдѣлать для Ѳаддеи, а затѣмъ сказалъ себѣ:

— По милости Божіей онъ будетъ твоимъ шуриномъ и вотъ ты покажешь уже ему за ранѣе, каковъ ты для него.... вообще дѣло въ хорошихъ рукахъ....

Поэтому, ничего не говоря отцу, отправился онъ къ будущему своему шурину и былъ не мало удивленъ, когда тотъ сказалъ ему, что Ѳаддея уже ему о немъ говорила и именно вчера вечеромъ.

Но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы будто слу-

чайно отправиться въ Кирхцартенъ съ женою и ребенкомъ. На настойчивыя убѣжденія онъ отвѣтилъ:

— Во всякомъ случаѣ жена и ребенокъ останутся дома; я не долженъ подвергать ихъ поруганію со стороны своего отца и изгнанію изъ дома; или, можетъ, вы думаете, что долженъ?

— Ужъ на счетъ этого ничего не могу сказать.

— Я же, чтобы доставить удовольствіе сестрѣ и вамъ, такъ какъ откровенно говорю вамъ, что вы мнѣ нравитесь, отправлюсь одинъ. Что бы ни было, я долженъ все перенести отъ отца, вѣдь онъ все таки мнѣ отецъ.

— Благодарю отъ всего сердца; не знаю, но я какъ-то увѣренъ, что все это пойдетъ хорошо; я даже не могу представить себѣ, что бы были на свѣтѣ люди, которые бы жили въ непріязни другъ къ другу.

— Да, да, моя сестра права.

— Въ чемъ?

— Этого не слѣдовало бы говорить, но она отлично поняла, каковы вы, и я вамъ скажу, она конечно моя сестра и мнѣ не должно ее хвалить,—но смѣло скажу: вы вѣрно сдѣлали что нибудь хорошее на свѣтѣ, если могли привлечь къ себѣ такую дѣвушку.

Съ переполненнымъ сердцемъ ушелъ хозяинъ Короны отъ Іосифа. Онъ нашелъ въ немъ хорошаго человѣка, котораго вдобавокъ долженъ вскорѣ назвать братомъ. О, какіе глубокіе источники лежатъ скрытыми и какъ великъ часъ, когда волшебный жезлъ открываетъ ихъ для утоленія общей жажды!

Вскорѣ женихъ самъ сталъ запрягать, но Штофельнбекъ измѣнилъ планъ дороги: рѣшено было объѣхать большимъ окольнымъ путемъ и въѣхать не со стороны Фрейбурга, а съ

противоположной, чтобы встрѣча показалась какъ можно случайнѣе.

Сынъ не могъ ни въ чемъ противорѣчить, а на все соглашаться, и этотъ объѣздъ, совершенно безполезный и предпринимаемый только для обмана, былъ ему до нельзя тягостенъ. Булочница была права, говоря, что это жаркое назначено для обручальнаго обѣда.

Сейчасъ же по пріѣздѣ Штофельнбекъ овладѣлъ Ѳаддеей и успѣлъ переговорить съ ней тихо и внушительно; затѣмъ онъ вернулся съ торжествующей физіономіей къ сыну и сказалъ:

— Въ главныхъ чертахъ дѣло слажено и я тебѣ правду говорилъ: не безпокойся. Теперь отправляюсь къ Штумеру; онъ при нагрузкѣ овса.

Штофельнбекъ нашелъ Штумера въ хлѣбномъ амбарѣ, и толстый плутъ улыбался, когда онъ показалъ ему, какъ можно мѣрить, чтобы класть въ мѣру больше или меньше по произволу. Затѣмъ онъ отвелъ его въ сторону и прямо все высказалъ.

Штумеръ сперва и слышать не хотѣлъ, но булочникъ промолвилъ:

— Смотри, твоя дочь уже совершеннолѣтняя; не сдѣлай опять такъ, что еще одно дитя вступитъ въ бракъ противъ твоей воли. Кричи: ну! прежде чѣмъ лошади остановились. Видишь, есть кучера, которые, въ ѣзжая на гору, не думаютъ, что лошади могутъ вдругъ остановиться, а когда остановятся, то принимаются кричать: ну! и подкладываютъ камень подъ колесо. Но уже поздно: если бы онъ сдѣлалъ это пораньше, то было бы хорошо, и лошадки поѣхали бы лучше. У тебя есть еще время, послушайся меня, крикни: «ну!» а иначе лошади станутъ.

— Я противъ этого ничего, я противъ этого никогда ничего не имѣлъ, отвѣтилъ Штумеръ; но я долженъ честно предупредить: ты ошибаешься.

— Я? какъ?

— Я вовсе не такъ богатъ, какъ ты думаешь, и моя дочь принесетъ за собой вовсе не столько, сколько ты ожидаешь.

— Объ этомъ я и думать не хочу; но, прошу, дай мнѣ свободу въ томъ, вѣрить тебѣ, или нѣтъ: ты, честный, честный тестенька, ты старый плутъ; ну дай-же руку, дѣло слажено.

Оба подали и пожали другъ другу руки. Штумеръ могъ помѣриться съ кулакомъ Штофельнбекомъ, и Штофельнбеку очень бы хотѣлось этимъ пожатіемъ размозжить всѣ кости своему неподатливому сопернику.

Штумера захватили въ расплохъ, но онъ сей-часъ же такъ повернулъ дѣло, какъ будто все это уже давно предвидѣлъ и на лицѣ его мелькнула горькая и печальная улыбка, когда Ѳаддея объ руку съ хозяиномъ Короны подошли къ нему. Онъ досадовалъ, что и она оставляетъ его, чего онъ не ожидалъ и не желалъ, и далъ свое согласіе съ особеннымъ шипѣньемъ и прищуриваньемъ.

Когда хотѣли сѣсть за столъ, вдругъ передъ гостинницей спрыгнулъ съ лошади всадникъ.

Штумеръ взглянулъ на улицу, но точно пораженный пулею, отскочилъ назадъ. Взошли по лѣстницѣ, отворили дверь, и Ѳаддея бросилась къ вошедшему съ крикомъ: о, мой братъ! и повисла у него на шеѣ.

Соборная булочница была на столько умна, что все скрыла; она громко сказала хозяину Короны:

— Это братъ вашей невѣсты и, обратившись къ брату, прибавила:

— Это женихъ и его отецъ.

Братъ и женихъ съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга и подали руки.

Какъ однакожъ была умна эта булочница, эта простая женщина, которая, рѣшительно ничего не обнаруживъ ни голосомъ, ни взглядомъ, могла съиграть такую трудную маскарадную роль! и Штумеръ, видѣвшій изумленіе обоихъ молодыхъ людей, приписалъ его дѣйствительно неожиданности первой встрѣчи.

— Но я хочу ѣсть, сказалъ онъ и сѣлъ за столъ, не обращая болѣе никакого вниманія на сына. Онъ былъ чрезвычайно веселъ и, когда коснулись будущаго счастія жениха и невѣсты, чокнулся и съ своимъ сыномъ и вотъ въ теченіи 13 лѣтъ въ первый разъ сказалъ ему:

— И ты здѣсь?

Сынъ былъ такъ пораженъ этимъ вопросомъ, что могъ только отвѣтить:

— Да, батюшка.

За тѣмъ Штумеръ такъ себя держалъ, какъ будто сына вовсе тутъ и не было.

Хозяинъ Короны все дѣлалъ попытки свести ихъ какъ нибудь; но Штумеръ все таки продолжалъ вести себя такъ, какъ будто на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ сынъ, было пустое пространство.

Собираясь домой, Штофельнбекъ отвелъ жениха въ сторону и сказалъ ему: «какъ я ни убѣждалъ твоего тестя, а онъ все думаетъ, что это ты устроилъ нечаянный пріѣздъ его сына.

— Да, это такъ и есть, и я очень радъ, что поступилъ такимъ образомъ и не отступлюсь до тѣхъ поръ, пока все не будетъ мирно и весело.

— А я тебѣ повторяю, оставь это; ты не можешь уравнять всѣ пригорки, ни ты, ни твоя мать и увѣряю, что тѣмъ только проиграешь свое дѣло, если будешь такъ продолжать. Единственное, что нѣсколько омрачило праздникъ, было присутствіе брата.

Садясь въ повозку, Штумеръ проговорилъ всѣмъ:

«Прощайте и пріѣзжайте опять;» сына же опять точно не замѣчалъ.

То былъ веселый отъѣздъ; въ такой торжественный день надо было вернуться за Магнусомъ, и Ѳаддея проговорила:

«Радуюсь, что ребенокъ будетъ на нашемъ обрученьи; это для меня все равно что подарокъ. Ужъ я такъ буду его ласкать и любить, что вѣрно и онъ меня полюбитъ. Вѣдь его зовутъ Магнусомъ, кажется такъ?

— Да! коротко отвѣтилъ хозяинъ Короны.»

Старики поѣхали вмѣстѣ, и Штумеръ, весьма веселый, украсилъ свой кнутъ красненькой ленточкой и далъ своей собакѣ двѣ колбасы.

Хозяинъ Короны везъ булочницу и Ѳаддею. Послѣдняя взяла на руки ребенка и пѣла ему колыбельную пѣсню, такъ что возница пустилъ шагомъ лошадей, чтобы слушать ее. Она такъ чудесно пѣла!..... Вечерняя заря догорала, звонили къ вечернѣ. Вдругъ дѣвушка приподняла дитя и воскликнула: «Господи, укрѣпи мой духъ, чтобы я могла быть настоящей матерью, а не мачихой.»

— Аминь! промолвили женихъ и булочница въ одинъ голосъ.

Затѣмъ до самаго пріѣзда между ними не было сказано ни слова.

Покинутая.

Чѣмъ счастливѣе чувствовалъ себя хозяинъ Короны, тѣмъ тягостнѣе была для него мысль о скрытомъ ребенкѣ; онъ не обо всемъ свободно и откровенно переговорилъ съ невѣстой, а также и то, что отца ея обманывали, было ему не по душѣ.

Онъ стоялъ, какъ потерянный и смотрѣлъ точно въ первый разъ, какъ приносили и относили мѣшки, какъ ихъ выгружали, прислушивался, какъ крестьяне разговаривали съ сложенными на крестъ руками. Два раза его сильно толкнули носильщики, потому что погруженный въ задумчивость, онъ засмотрѣлся, какъ среди этого шума и гама на кучѣ мѣшковъ спокойно спала маленькая дѣвочка.

Онъ отыскалъ булочника, который сводилъ счеты и расплачивался, и спросилъ его, не говорила ли ему чего жена на счетъ Эрнестины. Послѣдній сказалъ, улыбаясь:

«Конечно! радуйся; я увѣренъ, что ты и самъ не знаешь, какимъ образомъ тебѣ достался первый выигрышъ.»

Женихъ конечно не подозрѣвалъ, что отецъ уже настоятельно позаботился о всеобщемъ молчаніи.

Штофельнбекъ стоялъ съ Штумеромъ недалеко отъ обоихъ, щупая руками ячмень и уговариваясь; по выраженію лица сына и своего бывшаго подмастерья онъ догадался, что между

ними говорилось, и посмѣивался втихомолку. Онъ ускорилъ отъѣздъ, потому что у нихъ въ городкѣ на дняхъ назначена была продажа почтоваго двора, такъ что женихъ едва успѣлъ на скоро проститься съ Ѳаддеей.

Черезъ нѣсколько недѣль должна была быть свадьба. Невѣста надавала много подарковъ Магнусу, въ томъ числѣ рукавицы, ей самой связанныя, при чемъ, краснѣя, увѣряла, что и безъ сватовства хотѣла послать ихъ ребенку. У него вертѣлось на зубахъ спросить, не получитъ ли чего нибудь и Эрнестина, но не хватило духу.

На возвратномъ пути многое еще разсматривалось и обсуживалось, и Штофельнбекъ сказалъ: «вѣрь мнѣ, я опытный старикъ; никакой супъ не бываетъ такъ горячъ, какъ тотчасъ по приготовленіи; вещи обыкновенно не бываютъ ни такъ прекрасны, ни такъ ужасны, какъ намъ кажется. Клянусь тебѣ, что Штумеръ только посмѣется надъ этимъ; притомъ мы дѣйствительно усыновляемъ Эрнестину, стало быть лжи собственно и нѣтъ. А теперь будь веселъ, какъ и подобаетъ, а я повторю съ булочникомъ: «ты совсѣмъ не знаешь, что тебѣ достался первый выигрышъ.»

Дѣйствительно, женихъ былъ вполнѣ веселъ и все разсказывалъ матери, а вечеромъ Эрнестинѣ пришлось носить много хлѣба по бѣднымъ домамъ. Бабушка не подозрѣвала, что черезъ это счастливымъ образомъ избавила отца отъ тяжести ея присутствія.

По городу пошли разные слухи, когда узнали о помолвкѣ сына Штофельнбека на дочери Штумера; и когда гостинница была продана съ аукціона, ее купилъ Штофельнбекъ и предоставилъ сыну право содержать почтовый дворъ.

Хозяинъ Короны не подозрѣвалъ, что обо всемъ этомъ было переговорено съ Штумеромъ, который только тогда про-

печаталъ въ газетахъ о помолвкѣ своей дочери за содержателя почты, сына городскаго совѣтника.

По городу толковали, что Штофельнбекъ могъ бы теперь скупить полъ города, а ужъ о несмѣтныхъ богатствахъ Штумпера и говорить нечего. Сынъ Штофельнбека былъ съ своей стороны очень доволенъ своимъ новымъ занятіемъ, потому что черезъ это перешелъ въ новый домъ, въ иную обстановку, и разныя тягостныя воспоминанія были забыты. Кромѣ того тутъ онъ могъ удовлетворять своей любви къ писанію.

Мать стремилась какъ можно лучше устроить сына, и весь городъ сбѣжался, когда въ Ноябрѣ въѣхали двѣ повозки съ двумя трубящими почтальонами. Въ первой сидѣлъ содержатель почтовыхъ лошадей, во второй Гельдштумперъ съ Штофельнбекомъ. Жена же послѣдняго слегка захворала отъ хлопотъ, и это было единственное грустное обстоятельство въ общемъ весельи; впрочемъ оно отчасти было и къ лучшему, потому что такимъ образомъ устранялась трудность открывать всю истину.

При въѣздѣ почтальоны трубили, и все ликовало, только одинъ ребенокъ стоялъ потеряннымъ въ сторонѣ и смотрѣлъ большими глазами на женщину, отнявшую у ней отца: что-то страшное было въ этомъ взглядѣ.

Магнуса разрядили въ прекрасное почтальонское платье, и всѣ разсказывали, что молодая шла по лѣстницѣ съ нимъ на рукахъ.

«Гдѣ Эрнестина? зачѣмъ ее нѣтъ? она должна видѣть мать... спрашивалъ на порогѣ молодой у отца, который отвѣтилъ:

— Успокойся; подожди еще денечка два, пока уѣдетъ Штумперъ; тогда мы ей все скажемъ...

«Что скажете? развѣ вы еще ей не сказали?

— Не притворяйся, будто ты этому повѣрилъ. Мнѣ очень пріятно, что ты такъ ловокъ и даже передо мной можешь хитрить.

«Я? Боже избави. Но пустите же меня... я болѣе не терплю ни минуты такую ложь.

— Вотъ какъ? развѣ тебѣ пріятно тотчасъ же поссориться съ свекромъ?... какъ только онъ уйдетъ, мы тотчасъ разъяснимъ дѣло. Остановись на этомъ и будь благоразуменъ.

Женихъ принужденъ былъ уступить, и Ѳаддея, видя его блѣднымъ и трепещущимъ, сказала:

«Я понимаю, другъ мой, что тебѣ тягостна такая церемонія, коль скоро ужъ разъ... но внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что мы будемъ счастливы, и я рада, что въ состояніи выполнить свою роль. Ты сильнѣе, нежели думаешь и нежели выставляетъ тебя отецъ; тебѣ только нужно кого нибудь, кто бы сочувствовалъ твоему доброму сердцу; я буду такимъ другомъ.

Хозяинъ Короны въ тихомолку плакалъ. Штумеръ чувствовалъ себя какъ дома, вертѣлся и кружился повсюду, а собака его уже умѣла отворять двери. Онъ заявилъ, что желаетъ бросить всѣ дѣла и поселиться здѣсь, при чемъ займетъ прежній домъ гостинницы, Короны, перестроитъ его и сдѣлаетъ въ немъ зеркальные окна.

Молодая сказала мужу дрожащимъ голосомъ: «невѣрь, что отецъ сюда переѣдетъ, онъ уже давно думаетъ оставить Фрейбургъ, но неможетъ: его первое наслажденіе досаждать людямъ тѣмъ, какъ ему хорошо живется, и потому ему не выѣхать оттуда.

— Успокойся, возразилъ тотъ; если бы онъ и переѣхалъ, то я люблю и почитаю его, какъ онъ того заслуживаетъ; будь въ томъ увѣрена. У каждаго есть свои недостатки, и нѣтъ ни одного человѣка, который бы былъ такимъ, какъ ему слѣдовало бы. Повѣрь, что и я не такъ хорошъ, какъ кажется, и со мной тоже нужно терпѣніе.

«Ты очень добръ, и я этого никогда не забуду.

«Тесть уѣхалъ, и зять провожалъ его полъ дороги до его собственнаго экипажа.

Штофельнбекъ имѣлъ намѣреніе въ это время сказать невѣствѣ всю правду, но женихъ воспротивился: «ни я, ни вы не сдѣлаемъ этого; а скажите матушкѣ; пусть она будетъ посредницей, и все пойдетъ хорошо.»

Отецъ не хотѣлъ сознаться, что сынъ считаетъ его недостойнымъ вести это дѣло и проговорилъ: «это очень умно и меня это весьма радуетъ. Дѣйствительно, видѣть въ дѣтяхъ хорошее, пріятнѣе, нежели въ самомъ себѣ. Хорошо, что сынъ не присутствовалъ, когда матери сдѣлали это открытіе, потому что ужасъ, съ которымъ она о томъ узнала. истерзалъ бы его. Старушка призывала покойницу и всѣхъ ангеловъ, умоляя ихъ не допускать ее принять участіе въ такомъ страшномъ грѣхѣ. Она такъ вышла изъ себя, что не шутя можно было опасаться за ея жизнь, а Ѳаддея, желавшая ухаживать за больной, не была допущена. Девятилѣтняя малютка закричала ей: «она совсѣмъ тебя не хочетъ видѣть.» Молодая два дни отсутствія мужа была совсѣмъ какъ потерянная и, не будь Магнуса, она бы пропала съ горя. Она чувствовала безпокойство, какое-то отчужденіе и сама не умѣла его объяснить. Въ тотъ день, когда непремѣнно долженъ былъ пріѣхать мужъ, она нарядно одѣлась и хотѣла идти ему на

встрѣчу; но осталась дома: ей не хотѣлось выказывать на улицѣ свою радость и любовь. Но она бы все равно не встрѣтила его, потому что когда Штофельнбекшѣ стало лучше, отецъ поѣхалъ ему на встрѣчу, намѣреваясь прямо отправиться въ ратушу, чтобы усыновить Эрнестину.

Подъ катящимся колесомъ.

Было послѣобѣденное время. Черезъ каждыя три четверти часа пріѣзжалъ дилижансъ; почтальонъ весело трубилъ, и

тогда немедленно являлся маленькій Магнусъ и садился на отпряженную лошадь, которая усталымъ и лѣнивымъ шагомъ направлялась въ конюшню.

Это было первое, свѣтлое зимнее утро. Земля замерзла. Эрнестина кивнула брату, и онъ было бросился къ ней черезъ дорогу. Лошади съ дилижансомъ бѣжали, а ребенокъ не понималъ опасности и къ тому же споткнулся и упалъ. Съ страшнымъ крикомъ: «братъ мой! братъ мой!» дѣвочка бросилась къ нему, схватила за узду лошадей и подала ихъ назадъ.

Ѳаддея, стоявшая у окна, также бросилась и подняла ребенка, у котораго изо лба шла кровь. Собрался народъ, и должны были силою оттащить Эрнестину, которая судорожно вцѣпилась въ узду и не пускала.

На возгласъ мачихи: «Мое бѣдное дитя!» дѣвочка воскликнула: «нѣтъ, не твое а мое; онъ мой братъ. Тебѣ до него нѣтъ дѣла.»

Съ смертельной блѣдностью молодая посмотрѣла на падчерицу, которая уцѣпилась за ея платье и готова была разорвать его. Она прижала ее къ себѣ и притащила въ комнату.

Къ счастію, Магнусъ сорвалъ только кожу на лбу и разбилъ лѣвую бровь. Призванный врачъ успокоилъ, что рана совсѣмъ не опасна, и скоро онъ закрылъ глаза.

«Но что съ ребенкомъ, съ Эрнестиной?» спросила мачиха старую служанку.

— Да, это тоже его дочь, сестра Магнуса. Только ради Бога, не говорите, что я это выдала.»

«Она сама это сказала. О, Господи, что вы со мной сдѣлали!» Ѳаддея сжимала блѣдныя губы и собирала всю свою силу, чтобы не упасть въ обморокъ.

Послали за Штофельнбекомъ, но нигдѣ не могли найти его; а онъ никому не сказалъ, что уѣзжаетъ.

Чтобы лучше прикрыть ложь, и такъ какъ дѣдушка съ

бабушкой дѣйствительно любили внучку и не хотѣли ее уступить, то мачиха не должна была ее болѣе видѣть; они желали ее совсѣмъ взять вмѣсто дочери и отдѣлить ей часть имущества. Отцу тяжело было на это согласиться, но онъ не видѣлъ другаго исхода; притомъ они уже были у земскаго судьи, гдѣ должны были быть написаны условія усыновленія.

Когда послѣдній позвалъ двухъ писцевъ подписаться въ качествѣ свидѣтелей, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Вашъ Магнусъ попалъ подъ лошадей. Городской хирургъ уже у васъ и прислали за докторомъ.

Содержатель почты поспѣшилъ домой, и отецъ уже не могъ его остановить. Ужели же лишиться и другаго ребенка за то, что хочешь отказаться отъ одного? «Да, я затѣялъ дурное дѣло, и дай Господи, чтобы только я одинъ пострадалъ отъ этого, а не мои близкіе. Бѣдное дитя, ужели ты должно умереть!»

На улицѣ многіе кивали, чтобы онъ спѣшилъ, а у него колѣна подгибались, и онъ готовъ былъ руками отодвигать дома, чтобы сократить дорогу. Наконецъ вотъ онъ у двери. Передъ ней стоитъ толпа; онъ остановился на лѣстницѣ, не будучи въ силахъ вздохнуть и поднять ногу. Служанка воскликнула сверху:

— Пожалуйте-же; Магнусъ уже спрашивалъ васъ; опасности нѣтъ никакой.

Кое-какъ взойдя на лѣстницу и отворивши дверь, онъ вскрикнулъ: «жена, во имя Бога, что съ ребенкомъ?» Ѳаддея поднялась, повидимому, хотѣла что-то сказать; но упала безъ чувствъ прямо къ ногамъ Эрнестины, стоявшей возлѣ нея; внезапное ея паденіе увлекло и дѣвочку на полъ, но она быстро встала.

«Она все знаетъ, сама Эрнестина сказала,» проговорила служанка, и мужъ почувствовалъ всѣ муки ада: тамъ ребенокъ въ крови, а тутъ жена безъ слова и движенія, можетъ, мертвая. Волоса у него становились дыбомъ, и онъ закрылъ лице руками.

Хирургъ скоро привелъ въ чувство молодую женщину и съ помощью служанки уложилъ ее въ постель. Когда мужъ дотронулся до нея, она вздрогнула, какъ отъ громоваго удара и отклонилась съ сопротивленіемъ. Онъ вышелъ съ сыномъ въ другою комнату, а дочь цѣплялась за него.

Сколько ты живешь на свѣтѣ, и чтоже ты сдѣлалъ? шевелилось въ душе виновнаго, и успокоивши дѣтей, онъ снова пошелъ къ женѣ; она смотрѣла на него открытыми, сухими глазами. Онъ схватилъ ея руку, чему она не сопротивлялась и сказалъ: «Ѳаддея, ты вѣришь мнѣ и увидишь, что все снова пойдетъ хорошо; Богъ милостиво наказалъ меня; я заслужилъ худшаго. Будь же и ты добра; ты всегда была доброй.

— Ступай къ дѣтямъ, оставь меня теперь одну, проговорила она, пряча лице въ подушки и глубоко вздыхая.

«Да, усника-ка теперь.» И онъ вышелъ, тихонько притворяя дверь.

Ѳаддея быстро приподнялась и дико оглядывалась кругомъ: «Обманута и имъ!».... Бѣшенство овладѣло ею; но скоро она снова опустилась и могла заплакать. Тяжко боролось сердце молодой женщины.

Все устроено и улажено.

Между тѣмъ прибылъ Штофельнбекъ и все слышалъ. Сначала онъ такъ испугался, что долженъ былъ присѣсть; затѣмъ старался такъ уладить дѣло, что-бы все сошло съ рукъ. «Вотъ что, батюшка, бываетъ отъ подобныхъ затѣй; но я не упрекаю васъ, и дай Господи, что-бы мнѣ тоже не дѣлали заслуженныхъ упрековъ.»

Штофельнбекъ позвалъ батрака и послалъ его къ своей женѣ; затѣмъ сказалъ сыну:

«Теперь видишь-ли что будетъ: жены станутъ за одно и примутся насъ бранить; а это и отлично: Значитъ, дѣло очищается и скоро будетъ, какъ стекло. Ѳаддея будетъ плакать и жаловаться и все броситъ; ты ей не мѣшай, пусть дѣлаетъ, что хочетъ; пусть перебѣсится. Насердившись, можно спокойно спать и обѣдать, а завтра еще Богъ дастъ день. И что теперь кажется безвыходнымъ перемѣнится, когда зазвонять къ вечернѣ. Катя, дай-ка бутылочку красненькаго; мнѣ хочется выпить, да и ты выпей; добрый стаканъ вина дѣйствуетъ на тѣло, какъ припряженныя лошади при въѣздѣ на гору.»

Когда Штофельнбекша, какъ обыкновенно чистенько пріодѣтая, вошла въ комнату и нашла мущинъ за бутылкой, то съ удивленіемъ посмотрѣла на нихъ; однако, по неизмѣнной

привычкѣ, сказала только: «Господи благослови!» и обратясь къ дѣтямъ, прибавила:

«Не шали, Магнусъ; я слышала, что все слава Богу;—а ты, Эрнестиночка, не висни такъ ко мнѣ, теперь ты не у меня одной; слава Богу, все прошло.»

Выходя, она хотѣла оставить ребенка; но дѣвочка не пускала.

«Ну чтожъ, можетъ такъ и лучше; ступай со мной, но будь умницей.» И она направилась къ больной.

Чего бы не далъ только Штофельнбекъ, чтобы слышать, что тамъ происходило! Но то было невозможно.

Штофельнбешка сказала невѣсткѣ: «Ѳаддея, должно быть Господь избралъ тебя на что нибудь хорошее, когда послалъ такое испытаніе. Теперь всякій придетъ и скажетъ: «Я не виноватъ!» я не скажу этого, я виновата; я бы не должна была ни минуты допускать этого, и ты вѣрно замѣтила, что во мнѣ было что нибудь особенное. Я не могла поступить иначе. Господи, что мы за люди! я не была къ тебѣ такъ добра, какъ должна бы быть, потому что изъ за тебя совершалось неправое дѣло; а мы сами же его и сдѣлали. Прости меня, и не будь со мной такъ, какъ я съ тобой была, сердясь на тебя, невинную причину неправды. Будь добра съ ребенкомъ. Подойди, дай руку маменькѣ. Подойди-же ближе, Эрнестиночка.»

Ѳаддея обняла и поцѣловала дѣвочку, которая очевидно не охотно это дозволяла, и бабушка вывела ее изъ комнаты.

Затѣмъ сѣла безмолвно возлѣ молодой женщины, взяла ее за руку, а лѣвую положила на ея пылающій лобъ.

И какъ теперь въ первый разъ рука ея дотронулась до невѣстки, такъ слова въ первый разъ были такъ теплы и дружественны; въ первый разъ она сказала ей ты и открыла

ей свое сердце. Что-то необычайное должно было происходить въ душѣ Оадден, которая сказала, поднося къ губамъ руку тещи: «Благодарю Бога, что сегодня онъ снова мнѣ далъ мать. Я чувствую это, и теперь могу быть вдвойнѣ матерью. Зачѣмъ мнѣ не хотѣли всего сказать?»

Штофельнбекша начала говорить такъ искренно и жарко, не скрывая дурное, такъ ярко выставляя хорошее, что невѣстка замѣтила: «Да, мужъ былъ правъ; я всегда думала, что это преувеличенная любовь къ дѣтямъ, когда онъ ихъ считалъ какъ святыню. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? отказался отъ своего ребенка! Я никогда не повѣрила бы, что онъ можетъ быть такимъ фальшивымъ, можетъ такъ лгать! Гдѣ-же онъ теперь? Боже! я знаю, какъ ему теперь должно быть тяжело; онъ поступилъ несправедливо, а это самое худшее для хорошаго человѣка. А онъ хорошій человѣкъ, это правда. Онъ долженъ придти; я помогу ему перенести это; я сильна; я увѣрю его, что все кончилось; пойду къ нему сама.

— Такъ и должно было оказаться, что ты безмѣрно добра. Теперь, когда такъ дурно противъ тебя поступили, ты тотчасъ же думаешь о томъ, какъ ему тягостно, и спѣшишь помочь и хочешь облегчить; этого я никогда не забуду. Незабудетъ и тотъ, кто все помнитъ. Онъ тебя вознаградитъ здѣсь и тамъ!

Такъ восклицала старушка и отворивши дверь, позвала сына, самымъ счастливымъ голосомъ. Затѣмъ она вошла къ мужу, сѣла возлѣ, выпила вина и сказала:

«Во всю жизнь свою я не имѣла часа счастливѣе этого, и никогда не буду имѣть. Нѣтъ ничего прекраснѣе честной правдивой души, и сынъ твой счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

Старикъ не могъ понять, что это значило, и жена недала объясненія.

Между тѣмъ содержатель почтовыхъ лошадей стоялъ передъ женой, которая протянула ему руку и сказала: «Прости меня, это такъ меня тронуло, когда ты до меня дотронулся, я не могла совладать съ собой. Не плачь теперь ребенкомъ передъ женой, передъ свѣтомъ: Почему же ты мнѣ не довѣрилъ этого? или ты думаешь, что я не рада буду дѣлать доброе еще одному ребенку, и подумай что ты зародилъ въ ребенкѣ! Можетъ, это никогда не поправится, ты самъ увидишь; я не оставлю такъ, и Богъ да поможетъ мнѣ.»

Сынъ былъ удивленъ не менѣе отца и совсѣмъ смутился, слушая такія рѣчи. Онъ долженъ былъ разсказать, какъ все произошло, и она смѣялась, когда онъ всю вину взваливалъ на себя, выгараживая отца; она только спросила: «Скажи по чести, не изъ гордости ли стараешься ты показать, что не отецъ управлялъ въ этомъ тобою? не поэтому ли ты только его оправдываешь?»

— Ты точно духовникъ, отвѣтилъ онъ, и въ первый разъ вздохнулъ свободнѣе; можетъ это и такъ, хорошенько незнаю; во всякомъ случаѣ, если и онъ меня уговорилъ, самъ-ли я, все равно я виноватъ. Притомъ онъ мой отецъ, я моложе его, а ты моя жена, стало быть, все таки любишь меня, не правда-ли? Мнѣ легче это сойдетъ, и я прошу тебя. Прости меня отъ всей души. Легко прощать тѣхъ, кто въ сущности не виноватъ и добръ, но надо прощать и другихъ. Батюшка, подите также сюда, весело воскликнулъ сынъ.

— Нѣтъ, я сама могу выдти, и она уже была съ мужемъ въ другой комнатѣ. Тесть подалъ ей стаканъ, говоря: «Выпей-ка, невѣстушка.» Она взяла его, сказала: «за ваше здо-

ровье!» и прихлебнула. Штофельнбекъ улыбнулся съ торжествомъ и сказалъ сыну:

«Да, мы не совсѣмъ солгали; я передъ закономъ и свидѣтелями призналъ Эрнестину собственной дочерью, она наша, а не ваша.» Но тѣмъ не менѣе, съ вашей стороны, невѣстушка, очень хорошо было такъ отнестись къ дѣлу; другая бы за это глаза выцарапала. Теперь вы все знаете, а главное все таки остается по прежнему; дѣвочка наша и останется у насъ.

— Нѣтъ, она моя! это мое дитя! дитя должно быть съ отцомъ, съ братомъ, съ матерью! Такъ будетъ! и голосъ ея звучалъ строго. Объ этомъ больше не должно быть рѣчи. Съ этого часа она останется съ нами. Ты не должна бояться, Эрнестина; можешь ходить къ бабушкѣ, сколько хочешь. Но здѣсь твой домъ, и ты наша. Не правда-ли бабушка, вы соберете ея платья и сегодня же пришлете?

«Оставь же ее хоть на сегодня у насъ, или пока поправится Магнусъ.

— Нѣтъ, ни часа болѣе ребенокъ не будетъ лишенъ своего настоящаго крова. Прошу васъ, все должно быть прощено и забыто; но объ этомъ нечего больше и говорить.

— Она не имѣетъ права требовать дитя, и я не отдамъ его, сказалъ Штофельнбекъ, обращаясь частію къ женѣ, частію къ невѣсткѣ.

«Я не имѣю права?... но мой мужъ имѣетъ, а его права—мои.

— Позволь мнѣ помирить дѣло, вмѣшалась теща; оставь намъ еще Эрнестину на годъ, ровно черезъ годъ отъ сегодняшняго дня, коли будемъ живы, я сдамъ ее тебѣ съ рукъ на руки.

Сначала Ѳаддея какъ бы остолбенѣла; затѣмъ быстро по-

вернула голову и сказала: «я не могу такъ заблуждаться и вижу ясно, что черезъ это ребенокъ долженъ совершенно испортиться и погибнуть.

— Да онъ уже испорченъ, проговорилъ содержатель почтовыхъ лошадей, а отецъ его засмѣялся.

— Я хочу имѣть это дитя! сказала мачиха рѣшительно; послѣ вы можете опять взять ее, но она должна уйти отъ меня съ любовью.

Всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на Ѳаддею: она вся была проникнута рѣшимостью, внушавшей невольное уваженіе; тутъ блестящимъ образомъ проявились два ея могучія качества: скромность и самостоятельность.

Эрнестина осталась въ родительскомъ домѣ.

Ѳаддея приняла также на себя все сказать отцу. Штофельнбекъ убѣдительно просилъ ее сказать, что она прежде все знала, но она не хотѣла и слышать ни о какой лжи и нашла относительно этого большую поддержку въ отцѣ.

Долго не было никакого слуха о Гельдъ-Штумперѣ. Разъ весь домъ былъ въ величайшей радости, потому что заѣхалъ проѣздомъ изъ Швейцаріи братъ Ѳаддеинъ, и хотя онъ могъ пробыть только пока мѣняли лошадей, но все таки они свидѣлись и притомъ онъ обѣщался пробыть долѣе на возвратномъ пути.

«Не знаешь ли чего объ отцѣ? спросила она.

— Ничего, но съ нимъ что нибудь да дѣлается; онъ еще никогда не былъ такимъ дикимъ и суровымъ.

Ѳаддея вздрогнула, думая о томъ, какое страшное свиданіе предстоитъ съ отцомъ.

Въ тотъ-же день, какъ уѣхалъ Іосифъ, вся семья спокойно сидѣла вмѣстѣ, какъ вдругъ отворилась дверь и кто-

же вошелъ?—Турокъ, большая собака Штумера. Какъ она тутъ очутилась?

«Отецъ идетъ! Бога ради, тише!» воскликнула Ѳаддея. Взглянули въ окно, и дѣйствительно Штумеръ выходилъ изъ повозки, которую не слыхали. Онъ отдалъ приказаніе кучеру ѣхать въ Ламу и сказалъ, что самъ тотчасъ же будетъ. Когда онъ вошелъ, всѣ протянутыя къ нему руки опустились въ онѣмѣніи: такъ дикъ и грозенъ показался старикъ.

«Мнѣ нечего много разговаривать, началъ онъ. Я знаю, какъ вы обманули меня и дочь мою; и это честные люди! это добросердечные простяки! что еще скажете мнѣ? Ступай немедленно Ѳаддея; такъ какъ стоишь, въ чемъ есть; иди изъ этого дома. Ты не можешь оставаться съ людьми, которые такъ поступили. Я о себѣ и не говорю. Пойдемъ, ничего не бери съ собою; я потребую черезъ судъ то, что принадлежитъ тебѣ. Пойдемъ!»

— Отецъ, это мой мужъ! воскликнула молодая женщина, кладя руку на плечо Раймунда.

«И знаете-ли, какого имени вы заслужили, вы, честные люди? Сами его пріищите! Пойдемъ.»

— Нѣтъ, батюшка!

«Ты не хочешь?.... Или я долженъ проклясть тебя на всегда?

— Вы этого не сдѣлаете, батюшка?

«Если правда, что тутъ крылась ложь, если правда то, что мнѣ передали! воскликнулъ Штумеръ. Это настоящая дѣтская забава: одинъ тутъ, другой тамъ, и все, что натворила эта святая семья.

Никто еще рта не разѣвалъ, кромѣ Ѳаддеи и Штумпера. Наконецъ вступился Штофельнбекъ.

«Ты правъ, совершенно правъ, Штумеръ, я ему тогда же

сказалъ, что это такъ будетъ. Но что значимъ мы старики?.... Ничего, ровнешенько ничего! Оттого, что они лучше нашего читаютъ и пишутъ, мы уже ничего не значимъ. Теперь ты видишь, Раймундъ, что ты надѣлалъ.

Штумеръ съ неменьшимъ удивленіемъ, чѣмъ всѣ другіе, смотрѣлъ на Штофельнбека: онъ, главный двигатель всего, вдругъ все съ себя сваливаетъ; что можетъ это значить?

«Мнѣ съ тобой также нечего разговаривать, сказалъ Гельдъ-Штумеръ. Ѳаддея, спрашиваю тебя еще разъ: хочешь немедленно со мной идти? Нѣтъ? Хорошо же! я пойду одинъ, и вы обо мнѣ услышите.

— Я иду съ тобой, сказалъ Штофельнбекъ и уцѣпился за него. Обѣ женщины и сынъ съ удивленіемъ смотрѣли на него и видѣли изъ окна, какъ Штумеръ его отталкивалъ, и какъ онъ не отступалъ, и весьма основательно; вмѣсто Ламы они скоро направились къ дому Штофельнбека. По дорогѣ булочникъ твердилъ: «Ты правъ, можешь говорить, что

хочешь; только ступай со мной и не придерживайся же того, что ты узналъ по слухамъ, не желая знать ничего другаго.

— Да, я такъ и хочу и совсѣмъ не намѣренъ ничего выслушивать.

«Хорошо, еще добрый часъ передъ нами.

Такимъ образомъ Штофельнбеку удалось къ великому гнѣву его спутника дотащиться до дому, гдѣ они засѣли въ булочной канцеляріи.

Штумеръ былъ смущенъ прямымъ оправданіемъ противника; ненависть и гнѣвъ его были этимъ отчасти уже укрощены; но имъ двигала не одна свирѣпая вспышка, онъ вообще раскаявался, что отдалъ дочь, чувствуя себя одинокимъ и покинутымъ. Это былъ удобнѣйшій случай снова завоевать ее. Онъ хотѣлъ имѣть и приданое дочери и самую дочь; если она будетъ разведена, то уже не оставитъ его болѣе, не будетъ имѣть собственныхъ желаній и будетъ всю жизнь за нимъ ухаживать. Штофельнбекъ старался отвлечь его отъ этой мысли и доказывалъ, хотя не полную правду, но и не ложь, что теперь онъ не можетъ взять дочь одну.

Штумеръ далъ пинька своей собакѣ, при чемъ Штофельнбекъ кивнулъ и подумалъ: «вотъ и славно! въ тебя, собака, попалъ зарядъ. Теперь пойдетъ хорошо.» Затѣмъ проговорилъ кромно: «Сообрази, ты точно неловкій ѣздокъ, потерявшій поводья; хватаясь за нихъ, не замѣчаешь, что при этомъ подгоняешь разнузданную лошадь.»

Штофельнбекъ сидѣлъ верхомъ на стулѣ и изображалъ это съ большимъ искусствомъ. То было для смѣху, но Штумеръ еще не смѣялся.

«Однако я въ тебѣ ошибся, добавилъ булочникъ.

— Какъ такъ? процѣдилъ Штумеръ.

«Я думалъ, что ты покатишься со смѣху надъ прибавленіемъ семейства, которое получишь, или собственно не ты получишь; это до тебя совсѣмъ не касается.

Штумеръ закусилъ губы, откинулся на кресло и закрылъ глаза. Штофельнбекъ старался прибѣгнуть къ испытанному средству: уложить его на часъ въ постель; такимъ образомъ все спокойно бы уладилось и улеглось. Противникъ громко расхохотался на такое предложеніе, стало-быть это былъ новый шагъ къ побѣдѣ. Но онъ сталъ обороняться и вскричалъ: «Ступай къ чорту; что ты меня заставляешь смѣяться?.. мнѣ не смѣшно!... я.... да, да.... вотъ я тебя швырну объ полъ, если ты еще это сдѣлаешь.»

Но Штофельнбекъ принялся ему пѣть колыбельную пѣсенку, и такъ смѣшно, такъ изысканно, что взбѣшенный врагъ не могъ не разсмѣяться. Когда же онъ снова поднялъ кулаки и даже стулъ затрещалъ, булочникъ перешелъ въ другой тонъ и съ художественнымъ совершенствомъ принялся въ отборныхъ выраженіяхъ въ духѣ Штумера бранить Штофельнбека, безполезныхъ носильщиковъ, содержателя почтовыхъ лошадей, святошу покойнаго школьнаго учителя и такъ весь свѣтъ. Затѣмъ поклялся, что не можетъ взять дочь и снова поклялся, что все таки возметъ ее.

Штумеръ ударилъ кулакомъ по столу и закричалъ: «Что такое? развѣ я какой шутъ карнавала? я знаю, кто я, и ты меня не поймаешь своими шутками.

Штофельнбекъ почувствовалъ себя наконецъ безпомощнымъ: искусство его не дѣйствовало, и въ замѣшательствѣ онъ схватилъ женинъ чепецъ, лежавшій на лавкѣ. Держа его въ ру-

кахъ, онъ вдругъ какъ бы проникся женинымъ духомъ и сталъ излагать дѣло на ея манеръ:

«Взгляни! ты несчастливъ въ жизни! не въ обиду тебѣ, у тебя нѣтъ истиннаго друга, къ которому ты могъ бы прибѣгнуть за помощью; ты знаешься съ людьми, которые къ тебѣ равнодушны или льстятъ тебѣ, потому что ты имъ полезенъ. Въ какихъ отношеніяхъ ты находишься къ дѣтямъ, ты самъ знаешь. Ты теперь думаешь, что погибъ, и весь свѣтъ будетъ на тебя пальцами показывать, если ты уступишь, и воображаешь, что какъ глава и повелитель долженъ принять насильственныя мѣры. А знаешь-ли, кто отъ этого больше всего страдаетъ? Ты самъ! Ты одинокъ сердцемъ. Не уѣзжай, дай мнѣ высказаться,»—и ораторъ медленно намотывалъ ленточку чепца на указательный палецъ лѣвой руки. «Скажи по чести, стоитъ-ли презрѣнный свѣтъ того, чтобы ты отталкивалъ лучшее, что у тебя есть, лишь бы только люди сказали: «да, Штумеръ сильный человѣкъ, желѣзный человѣкъ.» И чѣмъ они тебѣ за это воздадутъ?.. Если же ты уступишь и покоришься, то подумай, что это будетъ напитокъ, который не достанешь ни въ одной гостинницѣ. Только попробуй его, и чѣмъ болѣе ты будешь пить, тѣмъ лучше будешь себя чувствовать. Предоставь завистливымъ діаволамъ смѣяться во всю глотку. Дай сюда руку, розними кулакъ, попробуй-ка.

Штофельнбекъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ, и слова его, по видимому, побѣждали упрямство Штумера. Но когда этотъ подалъ ему руку, то сжалъ ее такъ, что тотъ долженъ былъ вскрикнуть; но и противникъ былъ не менѣе силенъ и ловокъ, потому они такъ пожали другъ другу руки, точно хотѣли переломать всѣ кости. Наконецъ Штофельн-

бекъ благоразумно воскликнулъ: «Ты меня перехитрилъ! на что Штумеръ почти съ самодовольствомъ усмѣхнулся.

Пока оба они сидѣли такимъ образомъ, содержатель почты съ матерью и женой обсуживали странное поведеніе отца. Мать хорошо знала мужа, сказавши: «Онъ правильно поступилъ, потому что уменъ. Такъ было лучше свалить все на тебя: ты все таки остаешься зятемъ. И если одинъ изъ насъ остается свободнымъ и неповиннымъ, значитъ, все таки есть кому переговорить съ отцомъ Ѳаддеи и уладить дѣло, пока возможно.»

И дѣйствительно такъ было. Черезъ часъ оба старика появились, побывавши въ ратушѣ, гдѣ Штумеръ видѣлъ усыновительный актъ.

Ѳаддея хотѣла обнять отца, но онъ уклонился, говорилъ мало и сказалъ только: «Я не могу измѣнить этого.» Но тотчасъ же потребовалъ свою повозку и объявилъ, что уѣзжаетъ. Прощанье было безъ рукопожатій; но странно, онъ поѣхалъ не домой. Въ немъ произошелъ переворотъ, вызываемый только бурей. Будучи еще въ бѣшенствѣ, онъ не могъ защититься отъ внутренней мысли, что вотъ Ѳаддея непобѣдимой любовью завоевала таки себѣ чужое дитя, которое желали у ней отнять, и внутренній голосъ шепталъ: «зачѣмъ же ты то хочешь быть вотчимомъ для своего роднаго ребенка?» А когда Штофельнбекъ своимъ паясничествомъ подсказалъ почти громко эту мысль, онъ закусилъ губы почти до крови. И теперь онъ еще не рѣшилъ, куда ѣхать, а ѣхать домой показалось такъ грустно. Стоя въ повозкѣ и чувствуя, что куда ни ѣхать, все равно, потому что нигдѣ у него не было пристанища, онъ закричалъ кучеру: «Воротайся назадъ!» и откинулся въ повозку, какъ-бы совсѣмъ безъ собственной воли, движимый чужой силой. Онъ рѣшился со-

всѣмъ покончить ссору, не сознавая даже себѣ, тѣмъ болѣе другимъ, что миръ для него благотворенъ, что онъ ему необходимъ. Ему нравилась роль великодушія. Такимъ образомъ отправился онъ къ сыну и черезъ нѣсколько дней прибылъ съ нимъ на почту. Ѳаддея блаженствовала, но Штумеръ все твердилъ: «весь свѣтъ плутуетъ; зачѣмъ я то стану отравлять свою жизнь, стоя на одномъ? я единственный честный человѣкъ, котораго знаю.» Съ такой утѣшительной мыслію уѣхалъ онъ съ сыномъ обратно.

Замкнутость.

Бываютъ поступки, о которыхъ думаешь, что никто ихъ не узнаетъ, а между тѣмъ прислушиваешься и присматриваешься, какъ отнесутся къ нимъ другіе люди и конечно видишь, что ихъ перетолковываютъ и искажаютъ такъ, какъ ты и не думалъ.

Ѳаддея не уступала дѣвочку единственно изъ желанія исполнить свою обязанность; и однакоже повсюду толковали, что ею руководила въ этомъ случаѣ врожденная діавольщина, безпримѣрное властолюбіе и желаніе притѣснить, качества, перешедшія къ ней отъ отца. Ее будто брала зависть, что у дѣдушки дѣвочкѣ будетъ хорошо, и къ сожалѣнію надо признаться, что если нѣкоторые мущины и держали ея сторону, за то женщины всѣ были противъ.

Сама Ѳаддея вдругъ струсила; это часто бываетъ: въ воодушевленномъ самоотверженіи, въ пылу чувствъ рѣшишься на какую нибудь жертву, а затѣмъ и начнутся сомнѣнія въ возможности ее выполнить, неувѣренность въ своихъ силахъ и даже мысль, что самая жертва была не нужна и безполезна.

Во взглядѣ людей она видѣла что-то отчуждающее, и не думала, чтобы это изъ за Эрнестины, а приписывала своей недовѣрчивости къ людямъ; замѣчая же, что что-то стояло между ею и обществомъ, она объясняла это дурной славой отца, которая здѣсь вѣроятно распространена въ еще худшемъ видѣ. Особенно прискорбно ей было то, что даже Штофельнбекша, которая такъ тепло къ ней отнеслась, теперь стала какъ то сдержаннѣе.

Впрочемъ она скоро преодолѣла печаль и стала по прежнему спокойной. Она устранила всѣ сомнѣнія, принадлежа къ тѣмъ натурамъ, которыя должны вѣрить въ себя, думать, что чего жаждетъ ихъ душа и есть самое правильное и только нужно время, чтобы оно стало въ надлежащемъ свѣтѣ передъ другими.

Въ падчерицѣ она видѣла образецъ своей борьбы съ обществомъ. Она обращалась съ ней съ постояннымъ спокойствіемъ, удивлявшимъ ребенка. Впрочемъ такъ обращалась она и со всѣми. Она была не изъ тѣхъ, которые жаждутъ всеобщей любви, все улыбаются и воображаютъ, что всѣ заочно только и толкуютъ: «Вотъ неоцѣненная женщина! сколько ума, доброты и т. п. Чистосердечная скромность и вмѣстѣ самоувѣренность отличали ея характеръ. Къ тому-же она легко могла обойтись безъ общества, имѣя столь любящаго мужа и столь любимаго ребенка, который скоро съ своей стороны сердечно къ ней привязялся.

Маленькому Магнусу исполнилось уже четыре года, а онъ еще едва могъ говорить нѣсколько словъ, да и то такъ невнятно и неправильно, что только при большой привычкѣ

можно было понимать его. Отецъ часто спрашивалъ: «жена, что онъ говоритъ? что ему нужно?»

И она ясно могла объяснить его таробарскія рѣчи, при чемъ ребенокъ смотрѣлъ на нее блистающимъ, восторженнымъ взоромъ. Безъ преднамѣренія и желанія она такъ обращалась съ дѣтьми, что болѣе и болѣе привязывала къ себѣ мужа. Ежедневно она передавала ему факты, изъ которыхъ было видно, какъ смѣтливъ и добръ ребенокъ и что надо было только имъ внимательно и постоянно руководить.

Никакія пламенныя слова любви не могли бы такъ разгорячать отца, какъ эта преданность къ его дѣтямъ. Самый ребенокъ казался ему точно возрожденнымъ, точно прежде онъ никогда не бывалъ чисто умытъ и одѣтъ: въ прежнихъ будничныхъ платьяхъ онъ всегда казался по праздничному.

Радуясь внутренно на то, какъ жена ухаживала за Магнусомъ, и какъ этотъ нѣжно ее любилъ ему тѣмъ грустнѣе было видить ожесточенное упрямство дочери, которая строго исполняла всѣ приказанія, но и только. Никогда не проявлялось въ ней ничего самостоятельнаго, ни любви, ни ненависти, и отецъ почти сомнѣвался, доступно ли ей какое либо сердечное движеніе. Часто онъ готовъ былъ разразиться гнѣвомъ: онъ видѣлъ, какъ истинно материнская заботливость Ѳадден принималась съ жестокой миной и вынужденное «благодарю!» ребенка звучало, будто проклятіе.

Но жена умѣла его успоить, говоря: «вѣрь мнѣ, что я понемногу пріобрѣтаю ея любовь; но это не берется по принужденію. Нѣтъ ничего досаднѣе, какъ когда появляются въ домъ никогда не виданные прежде родственники и друзья

и вдругъ говорятъ ребенку: «я твой дяденька, твоя тетенька, твой двоюродный братъ и т. п. Смотри же, ты долженъ меня любить!» Ребенку знакома только жизнь по привычкѣ, изъ ласковаго обращенія съ нимъ. Я вижу что дочь не боится меня болѣе и радуюсь, что не поддалась убѣжденіямъ отдалить ее отъ насъ; она должна привыкнуть теперь, или это никогда уже не будетъ возможно.

Воспитаніе и любовь.

Наружная рана на лбу Магнуса легче излѣчивалась, нежели внутренняя въ сердцѣ его матери.

Можно назвать чудомъ, такъ это было непонятно, что Магнусъ со времени паденія былъ особенно бодрымъ и вдругъ само-собой исчезло его затрудненіе говорить, такъ что это было совсѣмъ иное дитя. Эрнестина же напротивъ сдѣлалась отчужденной и всегда имѣла видъ, точно ее только что прибили.

Вся семья приставала къ Ѳаддеѣ, чтобы она хоть на нѣсколько времени отдала бы дѣвочку къ бабушкѣ, но та оставалась при своемъ: если она теперь не побѣдитъ отвращеніе ребенка и незаставитъ его полюбить себя, то на вѣкъ потеряетъ его и въ немъ что то останется, изъ чего неизвѣстно что можетъ выйти. Только тещѣ втайнѣ призналась она, что готова дѣйствительно впослѣдствіи предоставить ее имъ; но уже привязавши ее къ себѣ и къ отцу.

Ѳаддея была доброй и умной матерью; она не была изъ такихъ, которыхъ встрѣчаемъ часто: нѣжна или бранчива, восхищена или сердита, то съ поцѣлуями, то съ бранью. Обращеніе ея было спокойно, ровно и серьезно; оно дѣйствуетъ медленно, но зато тѣмъ прочнѣе и при немъ малѣйшая нѣжность имѣетъ особенное значеніе. Когда она прово-

дила рукой по лбу маленькаго Магнуса, то это значило болѣе всѣхъ нѣжнѣйшихъ ласканій. Это особенно нравилось тещѣ, которая не могла ей нахвалиться, такъ что мужъ, видя ее въ жаркомъ разговорѣ съ какой нибудь сосѣдкой, часто говорилъ: «ужъ вѣрно проповѣдуетъ о Ѳаддеѣ; вотъ неистощимый-то предметъ!»

Штофельнбекъ же имѣлъ кое-что на сердцѣ противъ невѣстки. Содержаніе почты особенно его радовало не только вслѣдствіи общирной дѣятельности, но и вслѣдствіи полученія писемъ. Онъ весьма оживлялся при пріемкѣ пакетовъ и заглядывалъ во всѣ письма; но сынъ почти не терпѣлъ этого. Старикъ подозрѣвалъ, можетъ, не безъ основанія, что это было дѣло Ѳаддеи, когда тотъ рѣшительно говорилъ ему: «батюшка, это противно моимъ обязанностямъ, и я не могу допускать этого.»

Его особенно тяготило спокойствіе и сдержанность Ѳаддеи, хотя не отзывавшіяся гордостью; ничего не было ему противнѣе неизмѣнно ровнаго поведенія, стоившаго истиннаго уваженія, было-ли это слѣдствіе давнишней привычки, или гордости, сознававшей, что онъ никакъ не можетъ поступать также; у него подобная ревность тотчасъ же обращалась въ фамильярность. Онъ чувствовалъ себя хорошо и свободно только запросто, въ рубашкѣ и жаловался женѣ, что Ѳаддея, хотя не требуетъ, но будучи сама всегда строго одѣта, какъ бы вынуждаетъ появляться къ ней не иначе, какъ въ праздничномъ платьѣ. Онъ испробовалъ всѣ свои испытанныя шутки, чтобы поставить ее на свой ладъ, но это не удавалось и между тестемъ и невѣсткой было нѣкоторое отчужденіе: онъ оказывалъ ей всякое почтеніе, конечно потому, что она, будучи столь богата, все-таки такъ смиренно все пере-

носила; но вмѣстѣ давалъ замѣтить, что видитъ гордость и упорство въ ея настойчивости относительно Эрнестины.

Ѳаддеѣ тяжело было такое превратное пониманіе, но она рѣшилась идти своей дорогой не оглядываясь по сторонамъ, и такова именно сила правоты: не смотря на противодѣйствіе, энергично идти впередъ съ увѣренностію въ себѣ и въ томъ, что со временемъ и самое недовольство будетъ побѣждено; горе легко сносится, когда извнѣ одушевляетъ достойное призваніе, и ему то мачиха предалась вполнѣ. Она до сихъ поръ еще не показала дочери ни малѣйшей нѣжности, хотя постоянно заботливо за ней ухаживала. Она наблюдала также за ея уроками, особенно за писаньемъ. Пока отецъ радовался, что она такъ внятно, бойко и выразительно читаетъ, мать слѣдила за каллиграфіей, а извѣстно, какое важное вліяніе имѣетъ участіе родителей въ ученіи дѣтей. Не слѣдуетъ ли женщинамъ вообще обращать вниманіе на чистописаніе, такъ какъ это есть нѣчто видимое, осязаемое и вмѣстѣ общее съ красотой?

Теща, съ которой она счастливымъ образомъ сходилась во многомъ, не сбивала ее съ пути, а только иногда указывала на препятствіе. Разъ она указала ей: «знаешь-ли, когда Эрнестина дѣйствительно сдѣлается твоимъ ребенкомъ? Когда ты ее разъ хорошенько накажешь. Пока ты не сдѣлаешь этого, ты невольно чувствуешь, что она тебѣ чужая, что ты даже несмѣешь ее наказать и что она не можетъ тебя разсердить, какъ собственное дитя. Ты хочешь, чтобы ребенокъ чувствовалъ себя здѣсь вполнѣ дома; но обращаясь съ ней, какъ съ барышней, ничѣмъ ее не отягощая, ты этимъ самымъ отчуждаешь ее отъ себя. Господи, ты положительно первая мачиха, которой приходится это совѣтывать.»

— Можетъ быть, это правда; попробую, и будьте увѣрены, что при первомъ случаѣ накажу ее.

«Погоди-ка—ты еще недовольно въ этомъ свѣдуща, знаешь-ли ты, какая лучшая пощечина?

— Нѣтъ.

«Которую даютъ безъ предисловій и поученій, безъ угрозы. Такъ таки, бацъ да все тутъ! хорошій толчекъ и ни слова болѣе. Это отлично и наказывающему и наказанному, потому что не забывается; спроси мужа; я два раза ударила его по уху, не говоря ни слова, и онъ никогда не забылъ этого. »

Было бы совершенно противоестественно ребенку такъ долго ожесточаться противъ матери, если бы Эрнестина незамѣчала недовольство дѣдушки и если бы не поджигали къ тому посторонніе. Встрѣчая ее на улицѣ, они непремѣнно показывали къ ней сожалѣніе: то они черезъ чуръ тепло одѣта, то слишкомъ легко, при чемъ раздавались возгласы: Господи, тяжко безъ родной-то матери! Правда, что мачиха тебя запираетъ одну въ комнатѣ? Господи, бѣдный, заброшеный ребенокъ! каково сидѣть совсѣмъ одной. Досыта ли она тебя кормитъ-то? Ты скажи, я хоть тебѣ чего нибудь дамъ. Эхъ, могла-ли это думать твоя мать!»

Такимъ образомъ внутреннее упорство ребенка встрѣчало новую поддержку. Къ тому же Ѳаддея замѣтила въ ней многія дурныя черты, ускользавшія отъ бабушки съ дѣдушкой, и старалась ихъ исправить. Есть многіе люди, съ благодарностію слушающіе доброе наставленіе, и не знающіе какъ оцѣнить его. Но только твердое, правдивое сердце можетъ переламывать свои привычки, особенно когда думаешь, что поступилъ вполнѣ согласно съ внутреннимъ убѣжденіемъ, и что только другіе должны признать твою правду.

Разъ, когда Ѳаддея сидѣла въ тихомъ раздумьи, на нее

внезапно нашло какъ бы какое-то откровеніе; съ ребенкомъ надо быть добрымъ, ничего отъ него не требуя. Да, я на мужѣ вижу, что такое истинная родительская любовь; онъ отдаетъ имъ свой лучшій кусокъ. Развѣ это только отецъ можетъ, а я не могу? Могу же я быть лучше съ Магнусомъ. Ужели требовать отплачиванья? Можетъ быть, весьма можетъ быть, что можно быть истинной матерью, какова родная; на то мы и люди; можемъ все обдумывать, соображать. Маменька права, что этотъ ребенокъ мнѣ чужой.

Съ этихъ поръ Ѳаддея стала поручать Эрнестинѣ разныя домашнія работы, посылали туда и сюда, и много съ нее требовали.

Мужъ втихомолку качалъ на это головой; дѣвочка же была довольна, потому что для ребенка не можетъ быть ничего пріятнѣе, какъ выказать свою дѣятельность; это самодовольство заявить, что и онъ что нибудь можетъ, что нибудь значитъ, это сознаніе собственной важности, необходимости, весьма его одушевляетъ. Она была счастлива этимъ и весела, пока опять сострадательные глупцы не принялись ее жалѣть, что она въ черномъ тѣлѣ у мачихи, которая ее вѣрно въ тихомолку колотитъ; а ребенокъ такъ добръ, что непомнитъ на ней зла, такъ что отъ него почти слова недобьешься; но всякій и безъ того знаетъ, что значитъ эта боязнь, когда о чемъ нибудь спрашиваютъ!.. когда же дѣвочка разсказывала, что спитъ одна въ потьмахъ, что сама умывается и одѣвается, сострадательная кумушка даже руки закидывала на голову.

Такъ ее все болѣе отрывали отъ мачихи, всѣми силами старавшейся привязать. Послѣдняя уже часто сомнѣвалась въ успѣхѣ.

Содержатель почты былъ снова счастливъ, какъ въ юные

годы; слабые люди имѣютъ то преимущество передъ твердыми и сильными, что въ нихъ есть неистощимая способность молодѣть, потому что все ихъ волнуетъ, такъ что они живутъ жизнію постоянной молодости.

Хотя онъ конечно не исправился отъ слабости, но съ такой женой все таки казался болѣе мущиной. До тѣхъ поръ онъ жилъ только семейной жизнію, не усиливаясь пріобрѣсть всеобщую любовь и значеніе; теперь же, желая передъ ней выказаться самостоятельнѣе и рѣшительнѣе, онъ видимо сдѣлался тверже и на дѣлѣ. Онъ часто говорилъ о прошедшемъ, признаваясь, какъ тяжело ему тогда было, и какъ онъ теперь счастливъ, что все такъ ровно, хорошо идетъ.

«Я не разъ замѣтила, сказала она ему на это, что ты иногда совершенно противоположенъ со мной: я не могу ни работать, ни спать въ комнатѣ, если вокругъ меня не вездѣ чисто и не все на мѣстѣ; мнѣ просто это непріятно; тебѣ же это ничего не значитъ, и это имѣетъ свою хорошую сторону.

— Ты вполнѣ права и всегда все стараешься выставить въ хорошемъ свѣтѣ.

«По этому мы должны учиться другъ у друга; ты будешь аккуратнѣе, а я постараюсь удерживаться отъ своего щепетильнаго пристрастія къ порядку.

Мнѣ такъ весело глядѣть на почтальона, проворно запрягающаго лошадь; а между тѣмъ онъ дѣлаетъ это такъ спокойно, съ такими медленными движеніями; а вѣдь это лучше тревожной поспѣшности, и все готово въ свое время.».

Конечно счастіе ихъ было бы полнымъ, если бы ребенокъ исправился и все прошедшее сгладилось-бы.

Былъ конецъ Марта; уже наступали ясные весенніе дни, а тутъ вдругъ появился глубокій снѣгъ, и пришлось опять

быть по зимнему; но, такъ конечно должно было продолжаться не долго. Ѳаддея разсказывала дѣтямъ, что скворцы исчезли и неизвѣстно, гдѣ находятся; малютки слушали съ удивленіемъ.

Эрнестина сидѣла возлѣ матери и училась шить; на это мачиха клала не мало терпѣнія, потому что дѣвочка очень не любила этого занятія.

Мать пряла, Магнусъ игралъ подъ столомъ деревяшками. Она было вышла по хозяйству, и когда вернулась, то увидѣла весь ленъ растрепаннымъ, и все въ безпорядкѣ.

«Это ты сдѣлала, сказала она строго; поди-ка, Эрнестина, сюда, подойди ближе, взгляни, что ты надѣлала; видишь, сколько мнѣ труда стоитъ все поправить? Въ послѣдній разъ говорю тебѣ, ты будешь наказана, если еще когда дотронешься до самопрялки. Теперь садись и шей. подвинь сюда твою скамейку, чтобы я могла видѣть твое шитье;—Затѣмъ слышалось только легкое шуршанье самопрялки.

Ѳаддея нѣсколько времени не взглянула на ребенка, чтобы дать ему успокоиться.

Кто знаетъ, что происходитъ въ дѣтской душѣ? Рѣчи и ощущенія ребенка часто бываютъ чудны; они насъ иногда такъ поражаютъ, что мы бы имъ не повѣрили, если бы не слыхали сами.

Еще никогда мачиха такъ строго не говорила съ падчерицей, какъ сегодня, еще никогда взглядъ ея съ такой твердостью и проницательностью на нее не обращался, и въ душѣ ребенка могло быть особенное волненіе. Дѣвочка такъ близко къ ней прижалась, какъ еще никогда. Было-ли то

слѣдствіемъ боязни, или любви? Почувствовавши приближеніе, Ѳаддея быстро положила руку на голову падчерицы и сказала только: «Ободрись!»

Затѣмъ слышался лишь шумъ веретена, а два сердца дружно бились однимъ чувствомъ.

Весеннее солнце посылало черезъ окно свои теплые лучи, подъ которые Ѳаддея поставила черезъ окно свои цвѣты, привезенные изъ родительскаго дома. Какое-то особенное чувство довольства проникло въ грудь молодой женщины: Вотъ эти цвѣты выросли не здѣсь, давно не видѣли солнышка, но оно нашло ихъ и по старому приголубило..... Они возросли при свѣтѣ, а для человѣческаго сердца свѣтъ есть любовь.

Бѣдный ребенокъ, нѣжный возрастъ котораго лишенъ благотворныхъ лучей любви! Ѳаддея, подобно солнцу, должна была найти это дитя и убѣдить его въ своей любви.

Она обратилась къ ней, и глаза ея блистали свѣтлѣе солнечныхъ лучей. Дѣвочка почувствовала этотъ взглядъ, потому что вдругъ вздрогнула; но не отодвинулась, и не отвернулась: Однако упрямство ея все-таки не было побѣждено. Когда мать снова вышла и быстро вернулась, то застала ее опять за самопрялкой. Мигомъ она подошла и ударила ее по щекѣ, не говоря ни слова. Затѣмъ посадила снова на скамейку, дала ей въ руки работу, не дѣлая ни малѣйшаго замѣчанія. Колесо вертѣлось, нитки сучились, но быстрѣе всего этого смѣнялись мысли въ душѣ мачихи. Дѣло сдѣлано: она наказала дочь, которая теперь сидитъ возлѣ и всхлипываетъ.

Долго длилось молчаніе. Кто наблюдалъ дѣтей, тотъ конечно согласится, что даже лучшія натуры не повинуются

непосредственно и безъ сопротивленія: быстрый переломъ собственной воли чужою слишкомъ противорѣчитъ съ чувствомъ самостоятельности и самолюбія, присущимъ уже и ребенку. Запретите ему что нибудь трогать, онъ только съ сердцемъ и не вдругъ послушается, не разъ еще нарушитъ приказаніе, какъ бы желая показать, что если послѣ его и исполнилъ, то только по собственному желанію. Кромѣ того въ сердцѣ самого наказывающаго остается какое-то чувство недовольства на себя, и нѣтъ ничего хуже, какъ если подъ вліяніемъ этого чувства стараются умаслить ребенка, обѣщая ему что нибудь послѣ прощенія или даже давая теперь-же.

Ѳаддея дала падчерицѣ наплакаться вдоволь, и только когда та уже совершенно успокоилась, сказали ей: «Если ты будешь умницей, то будущей зимой я куплю тебѣ самой самопрялку и выучу прясть.»

— Да, и мама всегда исполняетъ, что обѣщала, воскликнулъ изъ подъ стола бойкій Магнусъ; мачиха счастливо улыбнулась на это довѣрчивое замѣчаніе; она держалась правила никогда не обѣщать дѣтямъ, что трудно выполнить.

Въ комнатѣ снова водворилась тишина. Ѳаддея чувствовала, какъ Эрнестина къ ней прижималась, цѣловала ея платье и наконецъ совсѣмъ припала на грудь. Она тихонько работала правой ногой, и дѣвочка скоро заснула на лѣвой сторонѣ, глубоко дыша.

Мачиха, смотря на нее, вспомнила старую пѣсенку:

Лоно матери мягче пуха птичьяго,
Грудь ея слаще меда сладкаго.

И взглядъ ея былъ все магнетичнѣе; дѣвочка открыла глаза и встрѣтилась съ этимъ взглядомъ; то былъ истинно материнскій взглядъ. Не беремся сказать, кто первый наклонился и воскликнулъ: «Дитя мое!» «Мама, мама!..»

Косой лучъ падалъ черезъ окно, ребенокъ и мачиха держали другъ друга въ объятіяхъ. Но Ѳаддея не предалась долго ласкамъ, любя превращать чувство въ дѣло.

Теща была права, говоря: «во всемъ, что она дѣлаетъ, видно добро: Но нельзя сказать: вотъ оно гдѣ! Добро ея точно масло, запеченное въ хлѣбѣ: оно повсюду, и нигдѣ его не видно.

Скоро она взяла ее на колѣни и стала учить прясть; когда пришелъ отецъ и съ удивленіемъ увидалъ ихъ такъ, дочка воскликнула звонкимъ голосомъ: «Папа, мама обѣщала будущей зимой купить мнѣ собственную самопрялку, а она всегда исполняетъ обѣщаніе.»

Мачиха дѣйствительно исполнила обѣщаніе: Эрнестина была ея ребенкомъ.

* * *

Гельдъ-Штумеръ давно умеръ. Штофельнбекъ не отзывался о немъ благосклонно, потому что онъ оставилъ такъ мало, что и говорить не стоило; къ тому-же въ послѣдніе годы онъ предался ханжеству, такъ что булочникъ говорилъ: «Да, да, лучшіе годы онъ употребилъ для себя, а худшіе отдалъ Богу.»

Но онъ не вымещалъ на невѣсткѣ за то, что былъ обманутъ ея отцомъ, а равно не сознавался, что и самъ его надулъ; онъ увѣрялъ, что Ѳаддея сравнивала всѣ неровности. Эрне-

стина сдѣлалась образцовой учительницей. Дѣдушка успѣлъ еще съ женой потанцовать на ея свадьбѣ, и много смѣялся тому, что учительство наслѣдственно въ его семьѣ. Ее звали также учительницей-красавицей; а теперь по ея дочерямъ видно, какъ она была хороша, хотя ни одна изъ нихъ не сравняется съ ней стройностію осанки, въ чемъ онѣ напоминаютъ малорослаго отца учителя.

Прекрасная учительница и теперь еще прекрасна съ своими сѣдыми локонами; какой-то особенный свѣтъ проникаетъ ея физіономію, когда она разсказываетъ своимъ славнымъ голосомъ, что къ сожалѣнію изъ ста мачихъ едва-ли найдется одна истинная мать, дающая ребенку необходимое—духовную материнскую пищу, заключающуюся въ любви.

А когда затѣмъ распространялась, какъ досталось ей это счастіе, какъ сначала была ожесточена, отринута и какъ потомъ прямо попала въ рай, а Ѳаддея оставалась все также, даже когда у ней пошли свои дѣти, слушатели чувствовали себя тоже счастливыми. Всякій духъ укрѣпляется разсказомъ о дѣяніяхъ сильной души!

Гууель и Похель.

(Ночной эскизъ).

Вся деревня смѣялась тогда этой исторіи, и теперь еще многіе смѣются. Никто не можетъ сказать, откуда произошли эти два имена, но онѣ были превосходны и нельзя себѣ вообразить, что бы двѣ старухи могли иначе назваться какъ Гууель и Похель.

Тамъ на концѣ деревни въ сторонѣ стоитъ маленькій домикъ. Даже ива, стоящая возлѣ, точно не на своемъ мѣстѣ; она какъ бы отворотилась отъ домика и готова бѣжать, да не можетъ; она какъ бы умоливаетъ у всѣхъ проходящихъ состраданіе, говоря: «Возмите меня, я здѣсь совсѣмъ въ загонѣ и вы не можете себѣ представить, что я вынуждена выслушивать, молча. Отъ другихъ деревьевъ хоть дѣти отрываютъ себѣ хлыстики, я же и на это негожусь, потому что съ этого мѣста никто не ждетъ ничего добраго. Только птички знаютъ, что я невинна, приходятъ ко мнѣ въ гости и поютъ мнѣ! Неужели мои двѣ госпожи въ самомъ дѣлѣ такъ злы?»

Да, то дѣйствительно было такъ, то знаетъ вся деревня, хотя деревце не можетъ сказать того.

Тамъ въ нижней коморкѣ съ однимъ окномъ, которое большею частію закрыто ставнями, живетъ Похель. Она обмывала

покойниковъ и рѣдко бывала дома, потому что въ такой большой деревнѣ, гдѣ 1300 душъ и которую давно пора бы переименовать въ мѣстечко, покойниковъ много.

Конечно ее не очень то долюбливали, да и самый ея видъ и фигура не располагали къ ней. Она была высока и костлява, смотрѣла всегда угрюмо; никто не слыхалъ отъ нея добраго слова, тѣмъ болѣе ея покойной мужъ, бывшій коробочникомъ. Извѣстно, что у хищныхъ птицъ самки сильнѣе и лютѣе. Такъ и Похель вѣчно сердилась на мужа, что онъ недостаточно твердъ и золъ, и поговаривали даже, что она была главной причиной его преждевременной смерти. Она кажется была только хороша съ единственнымъ своимъ сыномъ, хотя и этого никогда никто не видалъ; но съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался мясникомъ на сторонѣ, она всегда вспоминала о немъ съ большой нѣжностью.

Однако ее не мало досадозало что онъ оставилъ свое ремесло и сдѣлался въ приморскомъ городѣ Гаврѣ поваромъ: при этомъ деревенскіе не преминули подсмѣиваться, какія славныя кушанья Госъ приготовляетъ, а матушкѣ его ихъ даже никогда и не понюхать.

Особенно непріятно было то, что при такой должности сынъ никогда не могъ переселиться въ деревню, а Похель хотѣлось на старости лѣтъ (ей было шестьдесятъ; но она говорила о старыхъ годахъ, такъ, какъ бы ей до сихъ поръ еще куда далеко) видѣть его съ семьей въ деревнѣ, главное для того, чтобы взбѣсить этимъ Гууель.

Впрочемъ о Похель весьма мало бы знали, еслибъ надъ ней не стряслась злосчастная судьба: отъявленный ея врагъ Гууель шумѣла у ней надъ головой во всю деревню. Она жила въ верхнемъ этажѣ домика и не могла быть изгнана, потому что эта половина принадлежала собственно ей. Что

бы вообразить себѣ вмѣстѣ Гууель и Похель, представьте себѣ лошадь, впряженную въ телѣгу рядомъ съ коровой. Гууель была маленькая старушка съ лицемъ, состоящимъ изъ однихъ морщинъ и живыми, безпокойными какъ у ящерицы, глазами; она нѣкогда должна была быть очень хороша, потому что ее звали также и фарфоровой чертовкой и она тоже была степенной вдовой башмашника, и со времени смерти мужа жила тихо и скромно, занимаясь своимъ ремесломъ. Она дѣлала набивныя подушечки на голову для ношенія корзинъ, и умѣла красиво ихъ мастерить изъ лоскутковъ и украшать зубчатыми коронками и разными рубчиками. Всѣ знали, что ноша была легче, если кто запасался подушечками. У Гууель тоже былъ единственный ребенокъ, только дочка; но невѣрная дѣвочка бросила мать и уѣхала въ Америку искать счастія. Злые люди говорили, будто она это сдѣлала со стыда, не желая слыть дочерью Гууель, потому что Мартина статная дѣвушка съ нѣсколько изысканной важностью; но это конечно клевета: вѣдь и въ Америкѣ она все таки осталась дочерью Гууель.

Важность же заимствовала она отъ обоихъ родителей. Отецъ ея любилъ разсказывать, какъ когда-то проживалъ въ Парижѣ, и что только злосчастная судьба забросила его въ деревню. Сама Гууель тоже всегда была щеголевата и важна, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ также жила отчужденно; когда она встрѣчалась съ кѣмъ нибудь, то напоминала собой что-то сказочное изъ давнихъ временъ; она была блѣдна и проникнута чѣмъ-то загадочнымъ, таинственнымъ, какъ бы стараясь скрыть куръ, несшихъ золотыя яйца.

Когда ей намекали на ея вражду съ Похель, она презрительно пожимала плечами и недовольствуясь обычнымъ браннымъ именемъ, называли Похель не иначе какъ клячей.

Откуда произошла эта вражда? Это все равно что спро-

сить, откуда и когда появился прудъ въ деревнѣ?.. Темное преданіе гласитъ, что Гууель разъ осмѣлилась выразиться «мой домъ», тогда какъ по правамъ собственности она должна была сказать не иначе какъ «нашъ домъ». Вотъ начало вражды, а въ поводахъ не было недостатка. Гууель жила почти исключительно кофеемъ, тогда какъ Похель могла дѣйствительно жрать по лошадиному, и ей было все равно, что бы это ни было, лишь бы было въ большомъ количествѣ и твердое. Похель бранила Гууель малиной, утверждая, что она только о себѣ и заботилась, никогда не принимала участія ни въ горѣ, ни въ радости другихъ людей.

Конечно поселянамъ доставляло величайшее удовольствіе стравливать враговъ. Извѣстно, что ругательство составляетъ для иныхъ такое же лакомство, какъ сыръ послѣ ѣды.

Для старухъ былъ особенный праздникъ, когда получались письма; иногда писалъ Госъ, а иногда Мартына.

Какъ только одна изъ нихъ получила письмо, тотчасъ же отправлялась по всей деревнѣ и всѣхъ просила читать, тогда какъ ближайшая сосѣдка, особенно страстно желавшая узнать содержаніе письма своего врага, не должна была ничего изъ него слышать. Гууель была права: дочь ея писала лучше Госа, хотя она никогда не читала писемъ послѣдняго; каждая обыкновенно носилась съ письмомъ до тѣхъ поръ, пока другая увидитъ, что письмо есть и примется злить ея, зачѣмъ она изъ него ничего не знаетъ.

Однажды на масляницѣ вдругъ разнесся слухъ, будто Госъ въ Америкѣ и женится на Мартинѣ, и тогдѣ было истинное наслажденіе слышать, какъ онѣ принялись ругаться.

— Ну можете-ли вы думать будто мой сынъ женится на какой нибудь дочери башмачника! Да я сама поѣду въ Америку и разлучу ихъ.

— Ну можетъ-ли такая гордая принцесса, какъ моя дочка, заглядываться на поваренка.

Въ прощальное воскресенье старухи въ первый разъ черезъ много лѣтъ принялись ругаться глазъ на глазъ у колодца передъ всей честной публикой.

Вся деревня сбѣжалась послушать, какъ онѣ честили другъ друга... Да прежде чѣмъ я повѣрю, что мой сынъ женится на твоей дочери, кричала Похель, я повѣшу тебя на ивѣ передъ нашимъ домомъ! И голосъ ея раздавался какъ лай бульдога, тогда какъ писк Гуэль похожъ былъ на тявканье шавки; за то былъ неутомимѣе и могъ все еще звонить, когда у соперницы уже духъ перерывался.

Я бы ни за что не стала жить въ одномъ домѣ, подзадоривала Похель, на что Гуэль лукаво замѣчала: Кляча знаетъ, что не можетъ мнѣ ничего сдѣлать. Пусть только попробуетъ приступиться, и она не двинетъ ни рукой ни ногой. Публика невольно отшатнулась, потому что хотя въ вѣдьмъ уже и не вѣрила, однако всѣ знали, что Гуэль обладала нѣкоторыми колдовскими средствами, и теперь проболталась. Какъ она страшно смѣялась! и какъ бы она могла нести на головѣ такую тяжелую кадку, еслибъ это не былъ простой чепчикъ?

Похель также не могла не содрогнуться, но показала видъ, будто ей и горя мало, а ночью деревце слышало, какъ внизу раздавалось ворчанье и проклятія, а въ верху пѣли, и Похель слышала весьма явственно, какъ тамъ вертѣлось веретено, хотя у вѣдьмы никого не было; то навѣрно былъ духъ, который помогалъ ей прясть.

И послушайте только, какъ она смѣется. Ну развѣ смѣется кто нибудь одинъ?

Никогда! .

Похель разругала и сама то себя, что боится, и прокралась на лѣстницу, гдѣ посыпала гороху, чтобы Гууель шлепнулась, когда пойдетъ; затѣмъ поставила у кровати топоръ покойнаго мужа.

На слѣдующее утро ранехонько постучались въ дверь.

Обѣ женщины заразъ высунулись въ окошко и спросили служанку школьнаго учителя, стучавшуюся къ нимъ:

«Что тамъ такое?»

«Чего тебѣ надо?»

— Сама не знаю. Вамъ надо обѣимъ идти къ школьному учителю; вѣрно что-нибудь нужно.

«Я не пойду!»

«Ни я, ни за что!»

И опять все замолкло; въ верху и въ низу зажегся огонь, и обѣ прислушивались, что дѣлаетъ другая. Похель радовалась, что живетъ внизу. Если хитрая Гууель вздумаетъ пойти, то не можетъ сдѣлать этого безъ того, чтобъ она не видала, и тогда поплатится за мученіе, которому ее подвергла ночью.

Гууель съ своей стороны боялась, что Похель ускользнетъ незамѣтно. Она даже разъ стояла на лѣстницѣ, намѣреваясь прокричать соперницѣ: «Надо же быть разумнѣе; можетъ и было что основательное въ людскихъ толкахъ. Можетъ школьный учитель за этимъ и прислалъ за нами!» Но изъ гордости удержалась и спокойно пила свой кофе.

Похель улучшила минуту, когда сосѣдка ушла въ комнату и поскорѣе смела горохъ со ступенекъ: уже былъ день, а при дневномъ свѣтѣ паденіе становилось невозможнымъ.

Ладно! вскорѣ Гууель появилась на лѣстницѣ, тщательно пріодѣтая. Похель стояла спиною и, по видимому, не могла ее видѣть; но едва она исчезла, она поспѣшила за нею. Уже-

ли же дать фарфоровому діаволенку снова выказаться, будто она всегда рада жить мирно и готова идти по первому призыву! Съ растрепанными волосами, полураздѣтая Похель бѣжала за соперницей, которая не оглядывалась. Всю дорогу она въ душѣ бранилась, что гадюка не дала ей времени пріодѣться.

По приходѣ къ учителю, онѣ взглянули другъ на друга, и ящеричныя глаза Гууель свѣтились особеннымъ блескомъ, когда она увидала врага въ такомъ небрежномъ видѣ. Похель опять стала было браниться, но Гууель разумно замѣтила:

«Мнѣ нечего тебя ругать. Поглядись только въ зеркало, и ты увидишь, что это совсѣмъ лишнее. Господинъ учитель, позвольте ей поглядѣться; зеркало не замарается отъ этого.»

Учитель выслалъ всѣхъ изъ комнаты и объявилъ имъ, что съ этихъ поръ онѣ должны быть дружнѣе, потому что удивительное предсказаніе молвы сбылось—Госъ и Мартына повѣнчались въ Новомъ Орлеанѣ. При этомъ онъ показалъ письмо и пакетъ; письмо, написанное частію къ учителю, частію къ тещѣ, было прочтено имъ, именно Госъ писалъ къ Гууель, а Мартына къ Похель.

Старухи спокойно выслушали; Гууель при чтеніи покачала головой; Похель не могла отстать отъ нея и тоже покачала головой. Первая сказала: «это не хорошо съ вашей стороны и совсѣмъ къ вамъ не пристало, поддерживать такую затѣю: Навѣрно это масляничная шутка, разыгранная надъ нами, бѣдными вдовами.»

Учитель хотѣлъ было отвѣчать, но Похель съ своей стороны принялась кричать и ругаться и не дала ему выговорить слова. Тогда онъ раскрылъ пакетъ и показалъ обѣимъ портретъ въ золотой рамкѣ. Старухи разомъ онѣмѣли.

«Господи, мой Госъ!—Матерь Божія, Мартина! воскли к-

нули онѣ разомъ. «Прочь, дай мнѣ посмотрѣть! завопила Похель и такъ сильно толкнула соперницу, что та упала. Учитель поднялъ ее, отнялъ у Похель портретъ и подалъ ей. Гууель смотрѣла въ безмолвномъ удивленіи, и губы ея что-то шептали, но словъ нельзя было разобрать. Дѣти ихъ были сняты вмѣстѣ, держа другъ друга за правую руку, и почти на каждомъ пальцѣ у нихъ блистали кольца. Красива была Мартина въ голубомъ шелковомъ платьѣ, серьгахъ, золотой цѣпочкѣ и съ брошкой на шеѣ. И что ни говори, Госъ тоже молодецъ, хотя весьма растолстѣвшій, тоже съ золотой цѣпочкой у часовъ и золотой булавкой на груди. Тутъ уже не могло быть рѣчи о злой шуткѣ: дѣло на лице.

Гууель хотѣла было показать портретъ соперницѣ; однако передала его только учителю, который спросилъ: «Теперь видите ли, что надъ вами совсѣмъ не шутили? кто изъ васъ хочетъ взять съ собой портретъ?

«Кабы его можно было разорвать пополамъ, я взяла бы свою половину, сказала Похель; но Гууель порѣшила такъ: лучше оставьте его у себя, г-нъ учитель. Ахъ, еслибъ я только могла быть дома, и никого возлѣ меня не было, никого, кромѣ моей кошки!»

Она была права, изъявляя такое желаніе, потому что учительница сообщила, что тамъ передъ домомъ собралась вся деревня и шутила и смѣялась надъ этимъ забавнымъ приключеніемъ. Ожидали только появленія виновницъ веселья, и дѣйствительно едва онѣ вышли, какъ раздался неумолкаемый: «виватъ! и ура!» Гууель принялась плакать; Похель же такъ сильно ударила въ грудь перваго изъ дразнившихъ, что тотъ пошатнулся. Пока всѣ къ нему обратились со смѣхомъ, она направилась быстрыми шагами домой; всѣ высовывались изъ оконъ и спрашивали: «что случилось?» но она не отвѣчала

и шла поспѣшно; а собаки, также ей ненавистныя, преслѣдовали ее съ отчаяннымъ лаемъ; впрочемъ она не обращала на нихъ вниманія.

Въ домъ едва можно было войти, такъ былъ онъ полонъ дыма, и если до сихъ поръ ничто не довело ее до слезъ, то теперь дымъ долженъ былъ это сдѣлать. Она жаловалась на свое одиночество, что вотъ теперь голодна, какъ собака, и ругала Гууель, которая была такъ предусмотрительна, что отлично позавтракала до отхода къ учителю. «Да, она запаслива, эта Гууель!... и гдѣ теперь шляется?... точно провалилась.»

Дѣйствительно Гууель не вернулась домой во весь день, а вечеромъ снова послышался шумъ самопрялки въ ея комнатѣ, хотя никто не входилъ. Конечно, это долженъ былъ быть діаволъ, находящійся у ней въ услуженіи. Частію изъ страха, частію изъ любопытства, желая удостовѣриться въ истинѣ, Похель намѣревалась взойти на улицу и посмотрѣть, есть ли у сосѣдки огонь. Огонь дѣйствительно оказался. «И что это никто не умираетъ» жаловалась Похель! «хоть-бы мнѣ выдти изъ дома.»—А ночь была бурная, снѣгъ крутилъ и ива качала вѣтвями во всѣ стороны. Похель сидѣла въ комнатѣ и съ досады желала даже самой себѣ смерти. Хорошо Гууель, вотъ она теперь поѣдетъ къ дѣтямъ и заживетъ на славу. Но зачѣмъ она сегодня такъ часто двигаетъ стуломъ? Зачѣмъ безпрестанно отворяетъ и затворяетъ дверь?.. Тс.... такъ шумитъ она обыкновенно, ложась спать. Похель снова выходитъ на улицу. Такъ и есть! огонь погашенъ. Но возвратясь въ комнату, она слышитъ по прежнему самопрялку. Она тихонько крадется на верхъ: «почемъ знать, вдругъ портретъ у Гууель.... нѣтъ этого быть не можетъ.... Прислушивается къ двери и слышитъ какое-то бормотанье, но не го-

лосъ Гууель. Затѣмъ возвращается и ложится въ постель, однако не можетъ заснуть, потому что лѣстница трещитъ: «Что такое?.. возьму топоръ.... Вотъ идутъ....» Слышенъ шумъ у дверей, хватаются за замокъ. «Господи, спаси насъ, мирныхъ людей, а ты стунай къ чорту!» воскликнула старуха. Потомъ быстро подбѣжала къ двери и отворила ее. Передъ ней стояла Гууель.

«Чего тебѣ надо?» продолжала она, поднимая топоръ. «Попробуй-ка мнѣ что-нибудь сдѣлать!»

— Мнѣ ничего не надо; я только хотѣла спросить, не взяла-ли ты портретъ у учителя? Вѣдь тамъ и мое дитя, и онъ не принадлежитъ тебѣ одной.

— Что-жъ стоишь за дверью? кричитъ хозяйка, а сама все таки не зоветъ въ комнату, и гостья остается въ ожиданіи. Ей холодно, потому что она плохо одѣта; между тѣмъ въ теченіи десяти лѣтъ первый разъ переступаетъ она этотъ порогъ. «Гдѣ у тебя портретъ?» повторяетъ она.

— У меня нѣтъ ничего! кричитъ Похель, бросаясь въ постель. Тогда Гууель начинаетъ скокойно:

«По милости Божіей, у насъ есть теперь что нибудь общее....» Но Похель не поддается на это и только отвѣчаетъ: «Чего же тебѣ надо? гдѣ ты была цѣлый день? ужели ты въ самомъ дѣлѣ можешь исчезать подъ землю? ужели и ночью тебѣ никто не можетъ сдѣлать вреда?

Гууель благоразумно даетъ уклончивые отвѣты. И зачѣмъ ей въ самомъ дѣлѣ говорить, что она весь день сидѣла въ овчарнѣ и вязала? Ей лучше оставить соперницу въ страхѣ и тѣмъ предохранить себя. И такъ она говоритъ: «Ты знаешь исторію царя Соломона, владѣвшаго всею мудростью и знавшаго всякое волшебство?»

— Нѣтъ, это твои сказки, изъ нихъ ничего не знаю.

«Съ нами произошло нѣчто, напоминающее разсказъ о двухъ женщинахъ, пришедшихъ къ нему. Я знаю тебя, ты рада, чтобы дѣти наши лучше умерли, нежели сдѣлать это; а я хочу, чтобъ они жили, хоть ничего отъ нихъ не ожидаю.

— Не выставляйся такой доброй; ты во всю жизнь никому не сдѣлала добра; а про меня вся деревня скажетъ, что на меня всегда можно разсчитывать въ нуждѣ.

«Это правда.... что было такое я хотѣла сказать.... выслушай меня хорошенько... позволь мнѣ сѣсть на твою кровать; мнѣ такъ холодно.

Похель внутренно радовалась, что у врага стучали зубы, когда она продолжала: «ужъ и такъ довольно скверно, что мы при людяхъ разбранились и разругали нашихъ дѣтей.»

— Ты-же первая начала, кричитъ Похель.

«Такъ, такъ... но вѣдь ихъ ужъ теперь нельзя разлучить.... какъ ты думаешь.... ты видѣла, что они держатъ другъ друга за руки.... что ты на это скажешь?» и Гууель протянула руку соперницѣ; но Похель держала свою подъ одѣяломъ и только сказала: «Да, да, не хорошо ругаться; неизвѣстно, что можетъ случиться», на что первая замѣтила:

— Ты однако умнѣе, нежели я думала.

«Ахъ, ты завялая земляника! ну можешь-ли ты это говорить! гдѣ ты это сдавала свой докторскій экзаменъ? Можешь-ли ты меня хвалить? развѣ я нуждаюсь въ твоей похвалѣ? кто тебѣ далъ на это право?.... Вонъ изъ моей комнаты, и видѣть тебя не хочу.»

Гууель напрягала всѣ силы, чтобы ее успокоить и старалась изобразить, какъ дѣти ихъ, знавшіе о томъ, что сегодня матери получатъ письма, конечно празднуютъ этотъ день. Похель, отъ злости цѣлый день порядкомъ не поѣвшая, ска-

зала какъ бы нечаянно: «вотъ я встану и что нибудь приготовлю.»

«Да! воскликнула Гууель, мы тоже должны отпраздновать свадьбу дѣтей.

Похель сдѣлала кофе, и обѣ, стоя передъ очагомъ, принялись жаловаться, что совсѣмъ бы не слѣдовало вдвойнѣ жечь дрова и можно готовить на одномъ огнѣ. Кофе поспѣлъ, и онѣ принялись дружно пить. Гууель хвалила посуду и кофе, хотя про себя думала: «это только и годится клячѣ!» Но ради общаго мира она давилась кофеемъ. Наконецъ сказала: «довольно! отъ кофе дурно спится. Погоди, я тебѣ принесу что-то хорошее. Она вышла, принесла смѣясь большую бутылку вишневой настойки и налила Похель; но та не ходѣла пить.

— Нѣтъ, тещенька, ты должна выпить.... Наконецъ съ пренебреженіемъ Похель быстро пьетъ одинъ глотокъ и тотчасъ-же весь его выплевываетъ, боясь, что Гууель ее отравитъ. Сама же Гууель пьетъ съ большой охотой; это придаетъ храбрости соперницѣ, которая рада поживиться на чужой счетъ; такъ принялись онѣ пить за здоровье другъ друга, принялись смѣяться, пѣть и плясать по комнатѣ. Похель скоро зашаталась и принуждена была сѣсть на стулъ; но Гууель не перестаетъ и пляшетъ одна очень мило, подпѣвая и держась за скобку обѣими руками.

Ива совсѣмъ одурѣла отъ кое-чего, слышаннаго ею въ это время и искренно стала сожалѣть, что такъ сурово отвернулась отъ домика: если бы она выросла на другой сторонѣ, то теперь ни слова бы отъ нея не ускользнуло.

Съ словами: «Завтра, если будемъ здоровы, напьемся кофею вмѣстѣ!» Гууель ушла къ себѣ, а Похель съ дрожью улеглась въ постель.

Въ комнатѣ бѣгали огоньки и женщина съ мущиной въ золотыхъ цѣпочкахъ вертѣлись кругомъ.

Похель сдѣлалось страшно; навѣрно фарфоровая кукла отравила ее и она вдругъ принялась кричать:

«Помогите, помогите! я отравлена! фарфоровый чертенокъ убилъ меня!» Она вскакиваетъ съ постели, хватаетъ мѣлъ и пишетъ на столѣ: «Если завтра меня найдутъ мертвой, то должны казнить Гууель; она меня отравила.»

А тамъ у ивы стоитъ толпа народа, вѣтеръ свищетъ, снѣгъ мететъ, а на ивѣ виситъ тѣло....

На утро Похель проснулась и взглянула въ окно:

«Что такое?... это дѣйствительно повѣшенный, а она еще жива!... она громко кричитъ, и является Гууель. Угрозой Похель воспользовались и сыграли надъ ними шутку: чучелу, одѣтую совершенно какъ Гууель, повѣсили на дерево.

«Ты видишь, какъ это далеко зашло, сказала Гууель; а что это такое написано на столѣ?

Похель быстро стерла слова и протянула правую руку, виновницу смертнаго приговора, своему врагу.

Затѣмъ она вышла и сняла куклу съ дерева. Гууель намѣревалась ей помочь, но она отклонила это.

«Нѣтъ, люди не должны знать, что мы помирились, а то страданія наши не прекратятся.»

Гууель снова хотѣла похвалить ее за умъ, но удержалась.

Онѣ заперлись и въ первый разъ стали вмѣстѣ пить утренній кофе, который уже приготовила Гууель, потому что она лучше умѣла.

Рѣшено было, что Гууель возьметъ портретъ, а также и письмо. Учитель не хотѣлъ было отдавать безъ согласія противной стороны; но согласился на просьбы жены, которая боялась, чтобы вѣдьма не сдѣлала имъ чего худаго.

За обѣдомъ Гууель прочла письмо. Дѣти убѣдительно просили матерей пріѣхать къ нимъ. Госъ открылъ большую кухмистерскую, и матери должны были помогать на кухнѣ и за всѣмъ присматривать, потому что на чужихъ людей тамъ нельзя было положиться. Онъ хотѣлъ прислать денегъ, если недостанетъ выручки съ дома и вещей.

Многое еще нужно было преодолѣть, и прежде всего рѣшили передъ народомъ поддерживать прежнюю вражду; въ противномъ случаѣ имъ невынести бы насмѣшекъ.

И такъ передъ людьми онѣ по прежнему ссорились; но въ домѣ все было мирно, что особенно поддерживалось тѣмъ, что Похель говорила Гууель: «ты въ самомъ дѣлѣ умнѣе меня.»

Стали продавать вещи. Гууель объявила, что ѣдетъ одна, а Похель, что остается. Въ тайнѣ же послѣдняя приготовила себѣ паспортъ. При продажѣ съ аукціона всѣ лучшія вещи Похель были отнесены ночью въ комнату Гууель и пошли за ея собственность.

Оставалось самое трудное: какъ выѣхать изъ деревни безъ преслѣдованія насмѣшками и всеобщимъ поруганіемъ?

То было въ ночь на 1-е Мая. Гууель пришла съ узелкомъ подъ мышкой въ нижнюю комнату и сказала: «У меня есть что-то хорошее!»

— Ну? ужъ не вино-ли опять?

«Нѣтъ. Деньги и паспорта съ нами; вся деревня теперь спитъ, свяжи свои вещи и пойдемъ, завтра они будутъ таращить глаза, не понимая что случилось. Подумай только,

что будетъ, если одна изъ насъ, или мы обѣ вмѣстѣ пойдемъ! Я слышала, что въ деревнѣ заготовлены музыканты; насъ намѣрены провожать съ музыкой. Взгляни, мѣсяцъ отлично свѣтитъ, все такъ тихо, нѣтъ ни души. Давай, я тебѣ помогу!»

«Я могу и сама; помогать не нужно, мнѣ никогда ни кто не помогалъ. Но какъ-же быть съ остающимися вещами и съ нашимъ домомъ?

— Я изъ города пошлю учителю письмо, чтобы онъ все продалъ. Посмотри, я ужъ ему написала.

Зеленыя вѣтки ивы тихонько колыхались отъ весенняго вѣтерка, когда старухи уходили изъ дома. Онѣ шли лугами подъ гору и не говорили ни слова. Только оставя деревню за собою, вздохнули онѣ свободнѣе; на башнѣ пробило двѣнадцать, и Похель сказала: «Дай мнѣ свой узелъ, я могу и его понести.»

— Нѣтъ, ты отдай мнѣ свой, возразила вѣжливо Гууель; ужели ты думаешь, что я дамъ старше себя нести свой узелъ? Давай сюда.

Однако ни одна не брала узла у другой: Гууель думала про себя: «навѣрно она будетъ настолько вѣжлива, что попроситъ въ другой разъ; а Похель въ свою очередь ждала того-же: «по моему мнѣнію, Гууель можетъ и покланяться; какъ только еще скажетъ слово, тотчасъ-же все на нее навалю.»

Ни одна не сказала болѣе ни слова, пока не исчезли обѣ въ лѣсу.

Сначала въ деревнѣ удивились, что обѣ вѣдьмы изчезли

заразъ; затѣмъ порѣшили, что ихъ чортъ спровадилъ въ адъ. Теперь онѣ благодушествуютъ въ кухмистерской въ Нью-Орлеанѣ и варятъ и жарятъ, но сами едва-ли сдѣлались оттого помягче. Только относительно дѣтей онѣ еще показываютъ свою доброту. Похель должна справляться съ прислугой, и кто къ нимъ нанимается, можетъ съ полной справедливостью сказать, что поступилъ въ адскую кухню.

Жена присяжнаго.

(Разсказъ).

«Хотѣлось бы мнѣ только знать, зачѣмъ ты вѣчно роешься въ твоихъ актахъ. Я лучше желала бы, чтобы ты не умѣлъ ни читать, ни писать.»

— Кто не умѣетъ читать и писать, тотъ въ нѣкоторой степени нѣмъ и слѣпъ.

«Я думаю только, что если бы ты не умѣлъ читать и писать, то общество не наваливало бы на тебя столько дѣлъ. Въ будущемъ мѣсяцѣ будетъ два года, какъ мы обвѣнчаны, и ты одинъ изъ самыхъ молодыхъ въ деревнѣ; они приняли тебя на службу и все на тебя взваливаютъ. Лучше бы это сдѣлали прежде твоей свадьбы. Ты слишкомъ добръ и играешь роль всеобщаго слуги.»

— Развѣ я черезъ это оставляю что нибудь въ упущеніи? развѣ мое поле и мой скотъ не въ наилучшемъ состояніи?

«Я не то хочу сказать. Именно по этому самому, что ты все содержишь въ наилучшемъ состояніи, ты долженъ имѣть и отдыхъ и не писать еще по вечерамъ для другихъ.»

— Афра, но тебя все-таки должно радовать, что я занимаю почетную должность, и Богъ благословитъ насъ за то, что я теперь опекунъ трехъ сиротъ.

«Конечно, все это хорошо, но этого слишкомъ много.

Отецъ мой сто разъ говорилъ: кто беретъ на себя чужія дѣла, тотъ наконецъ утомится и если разъ не поможетъ, то точно и никогда не помогалъ; по этому лучше совсѣмъ отстраняться. Каждый пусть заботится о себѣ и этого весьма достаточно.»

— Отецъ твой живетъ тамъ на верху, на своемъ дворѣ, въ сторонѣ ото всѣхъ сосѣдей, потому можетъ такъ держать себя и такъ разсуждать; а я живу середи деревни и въ кругу людей; и какимъ же образомъ могло бы держаться общество, еслибы каждый отстранялъ себя ото всего, что до него касается?

«Все общество, да общество! я во всю жизнь не знала, что это, что-то такое, о чемъ толкуютъ ежедневно; я тутъ ничего не понимаю; но понимаю очень хорошо, что мужъ по вечерамъ долженъ говорить съ женой, а не сидѣть и вѣчно писать и переписывать какія-то дѣла.»

— Я скоро кончу; тогда станемъ болтать.

Разговоръ этотъ происходилъ въ одинъ осенній вечеръ въ большой крестьянской свѣтлицѣ въ горной деревенькѣ Вилледингенѣ. Вечера были уже на столько длинны, что можно было прясть.

Афра была красивая, гордая женщина; а гордость, что ни говорите, все-таки добродѣтель; она заставляетъ вѣрить въ себя, сознавать свое достоинство и не пятнать себя ничѣмъ безчестнымъ. Гордость становится порокомъ только тогда, когда вредитъ другимъ. Эта же женщина никому не вредила и каждому отдавала должную справедливость; но мимо этого она мало заботилась о постороннихъ людяхъ. Она принадлежала къ честной, хорошей крестьянской семьѣ, которая жила дружно и прилежно, не нуждаясь въ людской помощи; но и жила она исключительно сама для себя. Тамъ въ де-

ревенькѣ все совершалось по большимъ башеннымъ часамъ, у нихъ-же на дворѣ на фронтонѣ дома были свои часы, и когда кто нибудь изъ пришедшихъ замѣчалъ, что они впередъ или отстаютъ, то ихъ все таки не переводили.

Какое имъ дѣло, какъ живутъ другіе люди! Развѣ только одинъ календарь имѣлъ здѣсь значеніе: нельзя же было измѣнять воскресенье и праздники, равно какъ рыночные дни; въ этомъ случаѣ волей-неволей приходилось придерживаться общепринятаго порядка.

Выйдя за Мартына Шпроссера, Афра принесла съ собой изъ родительскаго дома нѣкоторую дозу свойственнаго ему

упрямства и отчужденія. Она и теперь жила одна, вдали отъ общества и съ честію занимала свое мѣсто.

У Мартына было порядочное состояніе, которымъ онъ умѣлъ превосходно управлять, потому что имѣлъ случай побывать въ свѣтѣ, что принесло ему немалую пользу. Онъ прослужилъ полный срокъ въ кавалеріи; не мало было чести также и въ томъ, что получилъ въ жены дѣвушку изъ такого дома. Супруги удивительно подошли одинъ къ другому. Когда они теперь сидѣли при лампѣ, то молодость, дѣятельность и довольство придавали ихъ лицамъ какое-то особенное выраженіе. Въ деревнѣ утверждали, что Мартынъ былъ красивѣйшій мущина, да и Афра была бы тѣмъ же, если бы не держала себя такъ гордо.

Послѣ описаннаго нами разговора наступила довольно длинная пауза. Мужъ сидѣлъ за столомъ, рылся въ бумагахъ, сравнивалъ и высчитывалъ; при этомъ онъ часто посматривалъ на жену, которая быстро дергала ленъ и такъ прилежно сучила, что можно было замѣтить, какъ и внутри ея тоже что-то рвется и крутится. Глаза ея были опущены и не отрывались отъ работы. Мартынъ уже нѣсколько разъ открывалъ ротъ, намѣреваясь сказать что-то, но не сказалъ. Наконецъ, собравшись съ силами, онъ произнесъ:

— Хорошо, что засѣданія присяжныхъ отложены до поздней осени.»

Онъ надѣялся, что она скажетъ что нибудь, но она молчала; только обрывала нитки и мотала на веретено. Она нагнулась, поправила работу, при чемъ мужъ воспользовался случаемъ подслужиться и сталъ держать надъ столомъ лампу, чтобы посвѣтить ей. Онъ тоже пробовалъ обрывать нити, но не умѣлъ дѣлать этого такъ ловко и скоро. Затѣмъ снова

принялся за бумаги, придерживая строки пальцемъ и глядя на жену. Она не оглядывалась.

«Ротенбахскій бочаръ на этотъ разъ также будетъ передъ судомъ присяжныхъ,» сказалъ онъ; Афра оставалась нѣмой. «Изъ нашего края многіе призваны свидѣтелями,» добавилъ онъ послѣ краткой паузы. Она сжала губы, но не спросила, кто призванъ. Даже изъ нашей деревни будетъ одинъ присяжный.

— Надѣюсь, не ты? спросила она наконецъ. Прялка остановилась, и прекрасные глаза ея блистали.

— Да, я, отвѣтилъ онъ.

«Вотъ какъ!» были ея единственные слова. И колесо быстро завертѣлось, ленъ дергался, какъ еще никогда. Губы ея сжались, и она снова опустила глаза на грудь. Она боролась, глотая слезы, но слезы просились наружу, какъ и сердитыя слова, и ей пришлось придерживать ротъ рукой. Она ничего не скажетъ болѣе, ни одного слова. Мартынъ снова спросилъ: зачѣмъ ты ничего не скажешь.

— Мнѣ тутъ нечего говорить. Ты хочешь идти?

«Я долженъ; это долгъ чести. Я выбранъ окружнымъ съѣздомъ.

— Теперь ты видишь, какъ справедливъ мой отецъ. Если всему отдаваться, то послѣ тебя ужъ и не спросятъ, а прямо будуть заставлять дѣлать то и другое. Послушайся лучше меня, заплати штрафъ и останься дома. Теперь тебѣ совсѣмъ нельзя отлучаться, потому что у насъ здѣсь молотильщики; надо рубить капусту, покончить съ картофелемъ; да мало-ли дѣла.

«Пока меня вызовутъ, половину дѣлъ покончимъ, а другая останется въ надлежащемъ порядкѣ; при томъ недѣли то двѣ ты съумѣешь и сама поддержать все какъ слѣдуетъ.

— Двѣ недѣли? воскликнула она съ ужасомъ. Это было невообразимо, потому что онъ во всю жизнь и двухъ разъ не отлучался изъ дома по ночамъ; она не вѣрила, что можно была такъ легко отнестись къ этому. И ты все это время останешься въ городѣ и не стоскуешься по женѣ и ребенкѣ?»

«Тосковать конечно буду, но постараюсь преодолѣть это. Вѣдь ты умна и добра, выслушай-же меня хорошенько. Видишь, съ помощью Божіей у насъ есть кое-что, имѣемъ достаточный доходъ, о пропитаніи нечего заботиться, можемъ даже ежегодно оставлять про запасъ. За все это надо отплатить Богу, или онъ отниметъ силою.

— Я это знаю и поступаю сообразно съ этимъ. Я исполняю свои обязанности, помогаю бѣднымъ, какъ и слѣдуетъ и привыкла къ этому съ дѣтства; болѣе этого Богъ не требуетъ.

«Неправда, требуется больше. Я долженъ бы быть солдатомъ, и законъ правъ, обязывая каждаго быть солдатомъ. Что касается всѣхъ, въ томъ каждый долженъ принимать участіе. Я теперь плачу подати.»

— Да, и насъ притомъ достаточно почитаютъ.

«Не болѣе, чѣмъ стоимъ. Но дѣло еще не кончается платежемъ податей и поступленіемъ въ солдаты. При правильномъ и надлежащемъ ходѣ вещей, каждый гражданинъ долженъ содѣйствовать государственному порядку и говорить правду, когда это отъ него требуется. Пока каждый добровольно и весело этого не дѣлаетъ, потуда мы не имѣемъ права жаловаться на высокомѣріе чиновниковъ и на то, что гражданство не въ почетѣ.

— Напрасно ты столько толкуешь; вѣдь я все равно не понимаю; я понимаю только то, что ты хочешь уйти, и я не могу этому воспротивиться. Зачѣмъ не выбранъ бурго-

мистръ, или маслобой, или еще кто нибудь, кто и богаче и старше тебя? Въ лице конечно они будутъ тебя выхвалять, а за стѣной будутъ смѣяться, что ты такъ простодушенъ и совершенно изъ ничего позволяешь себя отвлекать отъ дома, хозяйства и разлучать съ семьей.

Такъ говорила она и, отставивши къ сторонѣ самопрялку, вышла изъ комнаты.

Мартынъ еще нѣсколько времени читалъ бумаги, но въ глазахъ его мутилось, или, можетъ, свѣча не горѣла такъ свѣтло. Онъ принужденъ былъ перестать и пошелъ къ женѣ, которая стояла съ служанкой въ кухнѣ у очага.

— Я сейчасъ вернусь въ комнату, сказала она, взглянувши ему въ лице: она не желала объясненія при прислугѣ.

Онъ ушелъ назадъ, но она заставила себя ждать и это разсердило его. Онъ былъ убѣжденъ, что думалъ и поступалъ правильно; но въ семьѣ тестя правильнымъ считалось только то, что у нихъ было признано такимъ. Наконецъ жена пришла и спросила: «чтоже ты намѣренъ мнѣ сказать?»

— Больше нечего говорить.

«Если мнѣ хочется удержать тебя возлѣ себя, то это происходитъ только отъ ревности и любви. Я хочу, чтобъ ты былъ моимъ и не могу уступать тебя ни обществу, ни суду, ни кому бы тамъ ни было.» Такъ говорила она, но говорила только въ сердцѣ, и хотя слова были на языкѣ, но не вылились. Въ ней сидѣлъ діаволъ упрямства и внушалъ ей, что ревность не слѣдуетъ выказывать, а тѣмъ болѣе сильную любовь. Только на перекоръ или изъ досады прозвучали слѣдующія слова:

«Ты при солдатскомъ своемъ состояніи не привыкъ такъ къ дому, какъ я. Ступай, я болѣе не говорю ни слова.

Такъ оно и было. Шли дни и недѣли, а объ отъѣздѣ

Мартына не было рѣчи. Но жена исподволь подготовляла ему платье и бѣлье: въ городѣ должны были видѣть, кто онъ такой и какова его жена; потому гордясь собою, она не менѣе того гордилась и мужемъ, и еще разъ повторяя признаетъ справедливую гордость другихъ и усвоиваетъ себѣ ихъ лучшія качества.

Вечеромъ передъ отъѣздомъ въ нѣсколько минутъ все было подъ руками. Жена все ему пересчитала и кромѣ того дала записку, чтобы все было цѣло.

«Вотъ и хорошо, что и ты умѣешь писать,» замѣтилъ онъ.

— Да, для дома, возразила жена.

Въ этотъ вечеръ нельзя было много говорить, потому что почти всѣ совѣтники и другіе почтенные обыватели собрались въ домѣ Шпроссера. Нѣкоторые предлагали его женѣ свою помощь въ случаѣ надобности; другіе напротивъ говорили только о судѣ и о томъ, какъ тяжело изрекать приговоры жизни и смерти надъ своими ближними. Легко сказать: того то повѣсить, того посадить въ тюрьму; а когда дѣло дойдетъ до развязки, такъ сердце то содрогается. Бургомистръ, бывшій разъ присяжнымъ, могъ многое сказать объ этомъ. А часы, когда оставляютъ одного взаперти для обсужденія приговора, просто ужасны. Онъ разсказывалъ, какъ обыкновенно никто не говоритъ первымъ, и какъ бываешь радъ, когда и другіе пришли къ одному съ тобой заключенію. Всѣ смѣялись, когда онъ разсказывалъ о лавочникѣ, который прямо говорилъ: «Если бы я только могъ объ этомъ переговорить съ женой, я тотчасъ бы зналъ, что отвѣчать.»

Но гораздо изобильнѣе и подробнѣе были разсказы о смертоубійствахъ. Подобно какъ въ прежнія времена по вечерамъ наводили ужасъ разсказами о вѣдьмахъ и привидѣніяхъ, такъ теперь находили какое-то странное наслажденіе въ разска-

захъ о самыхъ страшныхъ, неописанныхъ убійствахъ. Маслобой имѣлъ большой запасъ въ этомъ отношеніи. Ему нравилось, что самъ онъ проходитъ по свѣту невредимо, и мельница его также благополучно вертится. Съ большой наглядностью описывалъ онъ разрубленные черепа, отнятыя руки и заткнутые рты, и многіе, зная еще болѣе ужасное, усердно помогали ему въ этомъ, такъ что Афра наконецъ воскликнула: «Ради самаго Бога, не говорите столько обо всѣхъ этихъ ужасахъ; я ночью глазъ не закрою. Слушая васъ, можно подумать, что на свѣтѣ нѣтъ никого, кромѣ убійцъ и разбойниковъ.»

Разстались поздно ночью. Мартынъ сообщилъ женѣ, что еще остается заготовить и вручилъ ей приходо-расходную книгу, потому что онъ принадлежалъ къ аккуратнымъ хозяевамъ, знающимъ, что работать еще недостаточно и обзоръ необходимъ, споспѣшествуя труду и давая человѣку основательную увѣренность на счетъ его состоянія.

Спали мало, потому что въ три часа надо было уже выѣхать, чтобы лошади могли возвратиться въ тотъ же день и работать на полѣ. Нельзя было упускать дня, потому что все поле должно было быть вспахано. Была прекрасная осень; ночью почти постоянно шелъ дождь, а поутрамъ было ясное солнце.

Когда сбирался нашъ путникъ, небо было еще покрыто звѣздами. «Да лежи ты спокойно,» сказалъ онъ женѣ. «Смотри за всѣмъ хорошенько и не забывай меня.» Она подала ему руку, а когда онъ садился въ повозку, вдругъ появилась и сказала: «Ты забылъ свои мѣховыя перчатки; уже холодно и къ твоему пріѣзду можетъ даже выпасть снѣгъ.»

Онъ понялъ, что она этимъ появленіемъ хотѣла оказать

ему ласку; но ему желалось слышать еще что нибудь хорошее, и онъ проговорилъ:

«Мнѣ больно будетъ на сердцѣ, если ты на прощанье не скажешь мнѣ ничего хорошаго. Я разъ читалъ въ одной книгѣ: доброе слово, сказанное на дорогу, все равно что хорошій домашній хлѣбъ изъ ящика.

— Я ничего нечитала и не книжная женщина.

«Но вѣдь ты видишь, что я не могу отдѣлаться отъ суда присяжныхъ и хорошо дѣлаю, что не стараюсь отдѣлаться?»

— Ну и слава Богу, что ты такъ думаешь.

«Долго разговаривать нечего. Прощай и да хранитъ тебя Богъ!»

— Прощай, и тебя да хранитъ Богъ!»

«Поцѣлуй за меня наше дитя, когда оно проснется; я не хотѣлъ его будить,» прибавилъ онъ, когда лошади уже тронули.

Повозка изчезла. Молодая женщина возвратилась, опять раздѣлась и легла, но не могла уснуть. Цѣпная собака немилосердно лаяла, точно въ домъ закрался воръ; и дѣйствительно, воръ закрался и укралъ-то, что нельзя было спрятать подъ замками и запорами.

Афра изъ окна закричала на собаку, которая узнала строгій голосъ хозяйки и спряталась въ свою конуру. Молодая женщина вдругъ почувствовала себя такой одинокой, точно она была одна одинешенька на свѣтѣ. Она наклонилась надъ ребенкомъ и поцѣловала его, но не по порученію мужа, а сама за себя и еще разъ поцѣловала, уже какъ бы мужа, а не ребенка. Если бы Мартынъ зналъ объ этомъ поцѣлуѣ, имъ обоимъ было бы гораздо легче.

Отъѣзжающій обыкновенно оставляетъ остающагося въ безпокойствѣ, тѣмъ болѣе, когда разставанье произошло при несогласіи. Ей вдругъ стало такъ страшно, точно она никогда болѣе не увидитъ мужа и навѣкъ съ нимъ разсталась. Когда она закрыла глаза, мрачные, ужасные образы предстали передъ нею. Она съ трудомъ приподнялась: «это пустяки.» Но что-то другое закралось ей въ душу и стало досадно, хотя на этотъ разъ уже на себя. Благородная гордость говорила, что стыдно двумъ близкимъ людямъ безчестить другъ друга ссорой; но другая напротивъ шептала, что ея дѣло заботиться о томъ, чтобы не впасть въ нужду, такъ какъ поведеніе мужа прямо ведетъ къ тому и, можетъ даже придется впослѣдствіи просить милости у людей.

Афра встала и разбудила старую родственницу, приведен-

ную ею изъ родительскаго дома. Ей нужно было имѣть кого нибудь возлѣ себя, чтобы разсѣяться. Такъ прошло время до самаго утра. «Сегодня хорошо будетъ ѣхать,» сказала она, видя какъ изъ за лѣсистыхъ горъ подымалось блестящее солнце.

Затѣмъ она съ удвоенной энергіей принялась хозяйничать, каждому назначая работу и показывая тѣмъ, что глава есть въ домѣ. Пусть мужъ по возвращеніи увидитъ, какъ она умѣетъ всѣмъ распоряжаться, и тогда будетъ болѣе съ ней соглашаться и оставитъ въ сторонѣ всѣ эти общественныя дѣла и судъ и все, что до ихъ быта совсѣмъ не касается, а ведетъ только къ нищетѣ.—Вотъ идетъ живой тому примѣръ: человѣкъ, имѣвшій много лѣса, согнутый теперь надъ большой палкой и теперь изъ всего своего достоянія не имѣющій ничего кромѣ этой палки.

Еще никогда старичка не принимали такъ хорошо въ домѣ Мартына и не надѣляли такъ щедро, какъ въ этотъ день. Онъ усердно ѣлъ супъ и въ сотый разъ разсказывалъ свою исторію, вынимая при этомъ изъ стараго бумажника какую то ветхую, потертую бумагу и кладя ее передъ собою на столъ въ доказательство того, что это офиціально достовѣрно. Вотъ послѣдняя запись, какъ у него продавали домъ и лѣсъ и поле, а вотъ и вычисленіе, что осталось отъ домашняго скарба при продажѣ съ аукціона, и въ заключеніе отпускное свидѣтельство изъ смирительнаго дома.

А почему съ нимъ все это приключилось? Вѣдь онъ былъ когда-то богатымъ бургомистромъ. Но таковы злые люди! чтобы сгубить его, они его выбрали бургомистромъ, и онъ поэтому много возмечталъ о себѣ. О письмѣ и читаньи онъ не имѣлъ понятія, и разные плуты и кровопійцы ввергли его въ несчастіе. Бургомистръ при вносѣ за закладъ недвижимаго имѣ-

нія подписался за него и отвѣчалъ собственнымъ состояніемъ, а все оказалось ложь и обманъ; его выгнали изъ дома и въ теченіи трехъ лѣтъ взыскивали съ него деньги. А теперь онъ нищій и радъ радехонекъ, когда Афра даетъ ему сушу, картофелю и муки, да вдобавокъ сала на дорогу. Афра кормила и утѣшала его, взглядывая при этомъ на небо и благодаря Бога, что съ ними еще не случилось ничего подобнаго. До этого и не дойдетъ! Хорошо что Мартынъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ занимается чиновническими дѣлами и что у него есть жена, которая можетъ отклонить его отъ этого. Если онъ теперь и присяжный, то это въ первый и послѣдній разъ.

Такимъ образомъ весь день Афра хозяйничала съ большой ревностью. Вечеромъ она принялась за счетную книгу и не могла не радоваться аккуратностью Мартына. Сначала она попробовала на отдѣльной бумагѣ, стараясь потрафить подъ его почеркъ; ей хотѣлось, чтобы онъ не замѣтилъ, гдѣ начала писать она, но этого не удалось, и она вскричала громко: «Совсѣмъ иначе! и черезъ нѣсколько лѣтъ, когда мы состарѣемся, все будетъ видно, гдѣ начала я.» Со школьнымъ тщаніемъ записала она въ книгу дневныя занятія и ихъ приходъ. Сидя одиноко она часто посматривала на мѣсто Мартына возлѣ стола, какъ бы желая увѣриться, не тамъ-ли онъ.

Далеко уже за полночь она все еще пряла, какъ бы отъ этой работы зависѣло ея дневное пропитаніе; но ей непремѣнно хотѣлось дождаться, пока вернется работникъ съ лошадьми. Наконецъ сонъ ее одолѣлъ; въ прошедшую ночь она и то недоспала, да сегодня работала за двоихъ. «Да и навѣрно онъ не дастъ работнику никакихъ особыхъ порученій и ужъ конечно не дастъ ему замѣтить, что мы разстались не совсѣмъ мирно, успокоивала она себя. Она пошла въ

свою одинокую спальню и скоро заснула; но стукъ повозки разбудилъ ее. Она явственно различала движеніе и шумъ, слышала шаги лошадей, направлявшихся усталымъ шагомъ къ конюшню, слышала, какъ двигали повозку въ сарай и какъ лаяла собака, также вернувшаяся съ дороги.

Она хотѣла было встать и спросить слугу, не наказывалъ ли чего мужъ. «Нѣтъ, это не годится; надо быть терпѣливой», рѣшила она, уткнувшись въ свои подушки.

II.

Работнику дѣйствительно надо было кое-что сообщить хозяйкѣ, но только не особенное.

Мартынъ не подозрѣвалъ, что жена въ поцѣлуѣ ребенка желала цѣловать его, и напротивъ ѣхалъ по полямъ съ большой тяжестью на душѣ. Все ему было такъ чуждо, точно то были не его поля и луга, не своя родная улица. Чувства его были такъ тупы, точно еще съ просонья; міръ всячески заявлялъ о себѣ, но ему былъ недоступенъ.

Такъ ѣхалъ онъ часа два. Ему повстрѣчалась тяжело нагруженная хлѣбомъ телѣга; то была лошадь и упряжь тестя. Онъ остановился, сталъ разговаривать съ работникомъ, распрашивая о родныхъ; вдругъ изъ за мѣшковъ и рогожъ послышался голосъ самаго тестя:

«А, это ты? куда такъ рано?»

— Въ Рейхштадтъ, на судъ.

«Вотъ какъ? ужъ не тяжба ли у тебя? съ кѣмъ же?»

— Тяжбы нѣтъ, но я назначенъ присяжнымъ.

«Такъ! для этого надо много лишняго времени и лишнихъ денегъ. Я слыхалъ, что присяжнымъ не платятъ, и они должны продовольствоваться на собственномъ иждивеніи.»

— Чтожъ, я могу, благодареніе Богу, возразилъ Мартынъ коротко, сдерживая гнѣвъ.

«Ну, ступай! закричалъ тесть работнику. Да хранитъ тебя Богъ!»

— И васъ также! И повозки разъѣхались.

«Есть люди, живущіе особнякомъ, не имѣя сношеній съ міромъ, честно и неутомимо трудящіеся для себя, не заботясь о томъ, что человѣкъ созданъ также и для другихъ. Жена моя того же мнѣнія.»

Такъ размышлялъ Мартынъ. Но дорога скоро его развеселила и навела на другія мысли; въ этомъ отношеніи путешествующій гораздо счастливѣе остающагося: послѣднему всѣ окружающіе предметы напоминаютъ отсутствующаго, тогда какъ путешественникъ развлекается новыми и забываетъ покинутыхъ друзей.

Мартынъ былъ первымъ присяжнымъ изъ иногородныхъ. Онъ тотчасъ же хотѣлъ явиться къ предсѣдателю; но тотъ поѣхалъ на охоту, такъ что онъ совсѣмъ некстати прибылъ такъ рано. Онъ даже стыдился, что такъ случилось, хотя совсѣмъ не было лишнимъ имѣть передъ собою день, чтобы собраться съ духомъ и приготовиться. Онъ бранилъ себя, что выѣхалъ такъ рано изъ дома; останься онъ дольше, то былъ бы теперь спокойнѣе духомъ. Работнику еще были даны различныя указанія на счетъ полевыхъ работъ; во всемъ остальномъ велѣно слушаться приказаній хозяйки. Какъ могъ бы онъ отлично провести дома тѣ часы, которые здѣсь некуда было дѣвать!

За то на другой день онъ чувствовалъ себя бодрымъ и дѣятельнымъ, тогда какъ другіе присяжные съѣхались только ночью, или даже передъ самымъ началомъ засѣданія и отдыхали на мягкихъ стульяхъ въ судѣ.

Когда началось засѣданіе, Мартынъ совершенно забылъ, что у него гдѣ-то есть свой домъ, жена и ребенокъ. Первая присяга, данная по совѣсти, безъ ненависти и боязни, когда вмѣстѣ съ Мартыномъ поднялись руки всѣхъ сотоварищей, была для него торжественной минутой. Онъ такъ былъ поглощенъ дѣломъ, что часто, помогая президенту, предлагалъ вопросы подсудимымъ и свидѣтелямъ.

«Присяжныхъ выбираютъ для надзора,» говорили слушатели. «Онъ хочетъ выказать себя,» замѣчали велемудрые пересудчики, не понимая, что можно безкорыстно проникнуться подобнымъ рвеніемъ и объясняя его только корыстными видами, стремленіемъ къ отличію и т. п.

Первое засѣданіе прошло въ чтеніи обвинительнаго акта и выслушиваніи свидѣтелей. Дѣло было просто и легко разрѣшалось, хотя подсудимый упорно не сознавался. Присяжные крестьяне заказали себѣ обѣдъ въ складчину; Мартынъ за столомъ почти ничего не говорилъ; только разъ замѣтилъ сосѣду: «какъ это хорошо, что мы всѣ вмѣстѣ ѣдимъ, говоримъ, а затѣмъ можемъ разойтись куда угодно. Каково теперь тому, кому завтра остается еще разъ предстать передъ судомъ, чтобы затѣмъ можетъ на всю жизнь поселиться въ тюрьмѣ!»

— Ты готовъ бы оправдать вора?

«Нѣтъ, должна быть отдана строгая справедливость. Я могу жалѣть преступника и все-таки непоколебимо его наказать.»

— Ты на многое способенъ заразъ, усмѣхнулся сосѣдъ.

Съ каждымъ днемъ участіе присяжныхъ возрастало, и даже тѣ, которые вначалѣ жаловались, что вотъ ихъ произвольно оторвали отъ семьи, а вознагражденія за то никакого не дадутъ, теперь были воодушевлены большимъ рвеніемъ. Уже извѣстно: стоитъ только заставить людей дѣлать сообща что-

нибудь полезное и доброе, и они будутъ безкорыстнѣе и лучше. Люди, заботящіеся постоянно только о сохраненіи и сбереженіи своей собственности, чувствовали теперь что лучшимъ назначеніемъ гражданина есть чинить правду и по мѣрѣ силъ поддерживать государственный порядокъ.

Изъ прежнихъ знакомыхъ онъ встрѣтилъ здѣсь только одного, своего бывшаго вахмистра, который теперь, былъ инспекторомъ при большомъ желѣзномъ заводѣ. По своему званію онъ конечно принадлежалъ уже къ чиновникамъ, и обѣдалъ съ чиновниками, но все-таки дружески обошелся съ Мартыномъ; онъ только старался избѣжать прямаго обращенія, справедливо чувствуя, что если скажетъ «ты», то и Мартынъ отвѣтитъ тѣмъ же. За то Мартынъ пріобрѣлъ себѣ новаго товарища, съ которымъ хотя не былъ на полѣ битвы, за то засѣдалъ въ судѣ, творя судъ и правду. То былъ лѣсникъ изъ отдаленной деревни, скупый на слова и бѣдный по одеждѣ. Каждый разъ, возвращаясь изъ засѣданія въ гостинницу, онъ немедленно раздѣвался съ головы до ногъ, при чемъ Мартынъ также замѣчалъ: «И мнѣ странно и непривычно ходить постоянно въ этомъ праздничномъ платьѣ.»

«Наймемъ вмѣстѣ комнату, намъ будетъ дешевле стоить,» сказалъ разъ лѣсникъ.

Такъ и было сдѣлано. Мартынъ, еще бывши солдатомъ, привыкъ жить вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь; товарищъ его главное старался о сбереженіи своихъ пожитковъ; онъ въ дѣйствительности, казалось, кромѣ этого не зналъ ничего дорогаго на свѣтѣ. Онъ былъ скупъ, почти скряга, но ни за какія деньги не далъ бы подкупить себя въ качествѣ присяжнаго, и заслужилъ любовь Мартына, на сколько это было возможно. Разсуждая съ нимъ разъ о торговлѣ, послѣдній сказалъ: «Кто

разъ былъ присяжнымъ, тотъ долженъ придерживаться того, чтобы данное имъ слово было также вѣрно, какъ клятва.»

На второй недѣли рѣшали скучное дѣло надъ цѣлой шайкой плутовъ, которую обвиняли даже въ убійствахъ. При всей преданности дѣлу нѣкоторые присяжные все-таки были рады, когда ихъ уволили, а другіе съ пріятностію и благодарностью улыбались, когда подсудимый и защитникъ объявляли ихъ враждебными; они уѣзжали на нѣсколько дней домой, чтобы потомъ появиться снова съ свѣжими силами. Мартыну также хотѣлось бы на нѣсколько дней отправиться домой. Онъ сказалъ это одному присяжному, который далъ ему совѣтъ попросить защитника, чтобы онъ его отклонилъ. Мартынъ счелъ незаконнымъ злоупотреблять такъ правомъ отклоненія, и потому долженъ былъ остаться. Но когда многіе изъ сотоварищей уѣзжали, онъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, какъ отчужденный. Осеннее солнце просвѣчивало такъ ярко изъ оконъ, и какъ теперь весело и свѣжо въ полѣ, какъ пріятно дома! Кабы онъ могъ быть тамъ! А потомъ, помирившись въ сердцѣ, опять вернуться; то было бы чудесно. Противорѣчіе жены, о которомъ онъ совсѣмъ было забылъ, вдругъ возстало съ новой силой.

При послѣдующихъ засѣданіяхъ Мартыну отовсюду слышался шумъ и гвалтъ, который къ сожалѣнію прокуроръ не могъ укротить, потому что онъ происходилъ внутри души Мартына.

Онъ всѣми силами принуждалъ себя думать только о происходившемъ; но непрестанно ему слышалось упорное сопротивленіе жены, вызывавшее его на противорѣчіе и ссору, такъ что порою онъ не сознавалъ, гдѣ находится.

Его бросило въ жаръ, когда онъ вспомнилъ, что скоро долженъ будетъ рѣшать жизнь и смерть человѣка, почти не

зная, въ чемъ онъ собственно виновать. Сердце присяжнаго безпокойно билось и въ головѣ стучало.

Но онъ зналъ свою обязанность и въ данную минуту съумѣлъ обратить свои мысли на данный сюжетъ, при чемъ напалъ на странное, но испытанное средство: когда онъ прислонялся къ стулу и ловко усаживался, мысли его безпокойно обращались къ дому, какъ бы по колдовству; когда же выпрямлялся и серьезно глядѣлъ на окружающихъ, то все другое изчезало, и онъ становился членомъ общаго дѣла.

Засѣданіе приходило къ концу. Мартынъ ясно читалъ каждое слово повѣреннаго и защитниковъ, равно какъ предсѣдателя. Присяжные удалились. Мартынъ, заявившій уже всѣмъ свое дѣятельное участіе, былъ избранъ главнымъ.

Онъ умѣлъ дать направленіе длиннымъ переговорамъ присяжныхъ и произнести рѣшеніе твердымъ голосомъ.

Но теперь было худо. Онъ выказалъ себя такимъ отважнымъ, что защитникъ и подсудимый до тѣхъ поръ все отклоняли другихъ присяжныхъ, пока осталось всего двѣнадцать человѣкъ. Товарищи смѣялись, что онъ себѣ же повредилъ своимъ рвеніемъ; но присяжный предсѣдатель, человѣкъ съ здравымъ, тонкимъ умомъ, нѣсколько разъ выходилъ изъ стола и садился за крестьянскимъ столомъ возлѣ Мартына. Инспекторъ также подошелъ къ нему, позволилъ назвать себя «ты» и разсказалъ, что когда Мартынъ былъ еще солдатомъ, то отличался своей храбростью и рвеніемъ.

«Ты не съ большой охотой вернешься домой, сказалъ ему лѣсникъ, и послѣ большаго спора, насладившись его замѣшательствомъ, объяснилъ, что вѣдь дома не всякій день пьешь вино за обѣдомъ и некому насъ тахъ хвалить.

III.

Дома же у жены все шло совсѣмъ иначе; ей было досадно, что онъ ничего не поручилъ работнику; онъ могъ бы въ намекѣ, непонятномъ послѣднему, высказать, что кланяется ей отъ всего сердца и стремится къ ней и что увѣренъ, какъ хорошо будетъ она хозяйничать безъ него. Но суровый трудъ не даетъ времени на мудрствованія и разсужденія. Недѣля прошла незамѣтно.

«Что мужъ не писалъ къ тебѣ? спросилъ ее маслобой, когда она въ воскресенье возвращалась изъ церкви.

— Нѣтъ.

И Афра шла поспѣшно, точно за ней гнались собаки: она спѣшила въ свою комнату, чтобы вдоволь наплакаться. Ей было стыдно, что мужъ не хотѣлъ привѣтить ее хоть словомъ. «А вѣдь онъ можетъ писать, да еще какъ хорошо! для другихъ онъ всегда на это готовъ. Такъ онъ совсѣмъ пропадетъ. Но я постараюсь, чтобы былъ конецъ этимъ почетнымъ дѣламъ, ведущимъ только къ разоренію.

Проходила и вторая недѣля, и снова не было ни слова, ни звука. Она узнала, что одинъ изъ присяжныхъ другой деревни воротился на шесть дней и хвастался, что выпросился у защитника. «Развѣ не могъ того же сдѣлать Мартынъ? Онъ вѣрно опять за всѣхъ пишетъ и считаетъ. Такъ всегда бываетъ, когда мущина отбивается отъ дома. Изъ засѣданія идутъ въ гостинницу и возвращаются домой только вечеромъ; а ужъ эти присяжные суды! Легко-ли, цѣлыя недѣли нѣтъ дома! нѣтъ, такъ не можетъ продолжаться.»

Естественно и простительно было бы, если бы Афра жа-

ловалась теткѣ; но она говорила все это только самой себѣ: чувство чести останавливало ее и не смотря на всю свою досаду, она даже мысленно не оскорбляла мужа. То было также слѣдствіе благородной гордости, которая оставляетъ унизительныя слова для низкихъ людей.

Прислуга не понимала хозяйку: то была она сердита, то вдругъ добра, то угощали ихъ точно въ праздникъ, а то все по прежнему было экономно, и ничѣмъ нельзя было угодить. Съ ребенкомъ она тоже странно обращалась и ласкала его безъ мѣры.

Въ это воскресенье она уже не пошла въ церковь, не желая снова натолкнуться на разспросы и стыдясь, что ровно ничего не знаетъ о мужѣ. Она сидѣла одиноко съ хозяйственными книгами, но не читала и ничего не вносила туда, а смотрѣла безцѣльно вдаль; въ лицѣ ея выражалось сильное недовольство, которое какъ-бы искало предмета, чтобы излиться. Вдругъ она вздрогнула. Ребенокъ, сидѣвшій въ колыбелкѣ, произнесъ внятно: «папа!» Это было его первое слово, которое онъ повторилъ, когда мать повернулась къ нему, и сильная женщина вздрогнула: ребенокъ въ одномъ словѣ выразилъ всѣ ея мысли, она наклонилась къ нему и произнесла, рыдая: «бѣдное дитя! ты въ первый разъ называешь отца, и онъ тебя не слышитъ; его нѣтъ дома, онъ не хочетъ здѣсь быть.» Послышались мужскіе шаги. Вдругъ это Мартынъ! то долженъ быть онъ! ребенокъ почувствовалъ его приближеніе.

Она не можетъ обернуться, а ужъ знакомый голосъ говоритъ:

«Афра, о чемъ ты плачешь?»

— Ахъ, батюшка, это вы? добро пожаловать. Дитя мое сейчасъ въ первый разъ сказало слово «отецъ.»

Радуйся, что ты также еще можешь говорить «отецъ.» Я тебѣ помогу.

— Мнѣ? въ чемъ?

«И ты еще спрашиваешь? Слыханное-ли это дѣло, что твой мужъ бросаетъ хозяйство и разыгрываетъ роль совѣтника и чиновника?

У старика накопилось много ѣдкихъ словъ на счетъ зятя, онъ объявилъ, что намѣренъ постараться о томъ, чтобы Афра не истаяла со стыда и печали, какъ жена аптекаря.

Какъ удивился отецъ, когда она стала хвалить мужа, приписывая ему всѣ наилучшія качества! Она показала его книги, доказывая, въ какомъ отличномъ порядкѣ онъ держитъ домъ и что при этомъ ничего такъ не любитъ, какъ помогать своимъ собратамъ; какой онъ отецъ вдовамъ и сиротамъ! Она говорила все съ большимъ жаромъ и чѣмъ болѣе дѣлалъ отецъ упрековъ, тѣмъ изобрѣтательнѣе разсыпалась она въ похвалахъ. Она высоко его ставила, называя себя вполнѣ счастливой, потому что онъ и ею руководилъ въ добрыхъ дѣлахъ; словомъ онъ лучшій человѣкъ въ мірѣ и лучшаго быть не можетъ.

«Слава Богу, заключила она, что мужъ ничего не слыхалъ изъ сказаннаго вами. Батюшка, вы можете утѣшиться, что счастливѣе меня нѣтъ женщины, и кабы теперь былъ здѣсь Мартынъ, я такъ бы и упала къ нему на грудь, такъ бы и зацѣловала его.

— Вотъ письмо! прервалъ вошедшій вѣстовой.

«Оно отъ мужа! воскликнула Афра въ сильной радости, стараясь достать изъ кармана денегъ для посланнаго, но тамъ все были большія монеты, а она при всей радости была достаточно экономна, чтобы сказать ему: «приди завтра, тогда я тебѣ дамъ что нибудь.»

Распечатавши письмо, она прочла:

Добрая моя жена!

Ты вполнѣ добра, хотя не всегда хочешь показать это. Ты не виновата, что мои труды постороннимъ и обществу не понутру тебѣ: ты выросла въ уединенномъ домѣ, гдѣ живутъ своей отдѣльной жизнію, и для женщины это даже хорошо думать прежде всего о домѣ и семьѣ. Останься такъ, какъ есть. Но ты умна и сама поймешь, что я также правъ. Говорить лучше, нежели писать, и я сегодня такъ усталъ, точно молотилъ цѣлую недѣлю къ ряду. Цѣлую недѣлю мы возились съ шайкой воровъ и убійцъ. Послѣ я все тебѣ разскажу. Мнѣ такъ хочется видѣть тебя и нашего малютку; это не малая жертва разлучиться такъ съ домомъ и съ любимыми лицами. Впрочемъ отчасти это и хорошо. Послѣ обо всемъ потолкуемъ, скажу только одно: послѣ завтра все кончено, и я немедленно уѣзжаю; точно ужъ годъ, какъ мы разстались. И такъ въ двѣнадцать часовъ пришли мнѣ нашу повозку въ гостинницу «Дикій человѣкъ.» Пусть работникъ привезетъ съ собой три шефеля овса, я ихъ продамъ, да кромѣ того пусть особенно запасется овсомъ для корма. Я заранѣе предвижу, въ какомъ у тебя все порядкѣ. Остается еще перетерпѣть здѣсь два дни. Они меня четыре раза выбирали главнымъ, но у меня есть должность почетнѣе—твоего мужа.

Мартынъ.

— Ну, вотъ видишь! воскликнула она. Вотъ такъ сердце! Вотъ такъ человѣкъ! Ступайте и вы за нимъ, батюшка.

— У меня пѣтъ лишняго времени.

Отецъ спокойно пообѣдалъ и снова отправился во свояси.

Послѣ обѣда Афра пошла въ церковь. Но таково бываетъ

на свѣтѣ! какъ только скверно, всѣ къ тебѣ съ распросами; а когда хорошо, никто и не думаетъ освѣдомляться. Никто на этотъ разъ не спросилъ, получила-ли она письмо; а между тѣмъ на ея лицѣ можно было прочесть, что за чудное то было письмо. Она немного постояла возлѣ дома маслобоя, разговаривая съ служанкой; разговоръ шелъ такъ громко, что хозяинъ могъ бы услыхать и отозваться, но онъ не показался, и Афра пошла домой, думая про себя: «Такъ и лучше, я все равно не могла бы показать это письмо, такъ много въ немъ любви, и кромѣ того никто не долженъ подозрѣвать, что между нами было маленькое несогласіе.» Она нѣжила и цѣловала ребенка; за тѣмъ приготовила большой листъ бумаги, усѣлась комфортабельно, чтобы написать огромное письмо и послать его съ работникомъ; пусть и онъ знаетъ, что у ней на сердце. Но дѣло недвигалось; самое начало не давалось, потому что: «Милый, добрый, вѣрный, возлюбленный и т. п. всѣ эти воззванія были бы хороши, когда бы можно было помѣстить ихъ вмѣстѣ... Затѣмъ надо было признаться въ своихъ дурныхъ мысляхъ и какъ онѣ превратились въ хорошія, но.,... онъ правъ; все это лучше высказать словами, нежели написать. Она отложила письмо до завтра.

На другое утро работнику велѣно было приготовить повозку и захватить овса.

«Кто поѣдетъ за нимъ?» спросилъ слуга, и странно! этотъ простый вопросъ навѣялъ на ея душу совсѣмъ новую мысль. Она отвернулась и отвѣтила: «ты ужъ только готовь, а тогда видно будетъ, кто поѣдетъ.»

Теперь уже она не стала писать; какое-то непонятное безпокойство овладѣло ею, и гордый взглядъ говорилъ: «да, такъ будетъ; это еще прежде испробовано.»

Ночью она сама пошла въ конюшню посмотрѣть, довольно-ли насыпали лошадямъ овса.

«Наѣдайтесь вволю,» сказала она имъ, «вы должны мчаться, какъ на крыльяхъ, мы ѣдемъ за нимъ.»

Она рано легла, но не могла заснуть. Когда пробило три часа, она встала и велѣла запрягать.

«Кто же ѣдетъ?» спросилъ слуга.

— Увидишь.

Когда все было готово, появилась Афра, одѣтая по праздничному и довольно укутанная; она еще разъ просила тетку хорошенько смотрѣть за ребенкомъ; за тѣмъ, обратясь къ работнику, спросила возжи.

— Развѣ вы поѣдете одни?

«Да. Только немного проведи лошадей по улицѣ, а тамъ все пойдетъ хорошо. Воткни сюда кнутъ, мнѣ его не надо.»

Повозка покатила звѣздной ночью; а Афра, оставшись одна, остановилась, приподнялась и провозгласила Божьему міру: «я возвращаю мужа домой.» Лошади какъ бы чувствовали, что ими управляетъ добрый, счастливый духъ. Они шли ровной рысью по ровной дорогѣ; почти не нужно было двигать поводьями.

Афра была не изъ трусливыхъ натуръ, но когда дорога пошла лѣсомъ, сердце у ней невольно дрогнуло. Сторона безопасная; цѣлые года не слышно было ни о какихъ разбойникахъ; но въ ея воображеніи пробудились разныя исторіи убійствъ и разбоевъ, слышанныя на этихъ недѣляхъ. Можетъ случиться, что вдругъ встрѣтятся двое мущинъ; ты не можешь защититься, и они тебя зароютъ въ этомъ пустынномъ лѣсу.... а тамъ мужъ и ребенокъ,—и никто не узнаетъ, что съ тобой сталось—лошади не могутъ говорить.... Кустарники, молодыя сосны, каменья, колоды, пригорки, все высовы-

валось и пугало. Часто оказывалось что страхъ былъ напрасенъ; но онъ былъ непреодолимъ. Впрочемъ, при дѣйствительной опасности Афра вѣроятно оказалась бы храброй. Вотъ раздается ударъ кнута. Слава Богу! все-таки есть живая душа. Отъ радости и боязни она чуть не наѣхала на встрѣтившуюся повозку; къ счастію умныя лошади сами ловко уклонились и только попали задними колесами на каменья; она чуть не упала, но крѣпко удержалась и даже не вскрикнула. Повозка снова свободно застучала по улицѣ. Теперь худшее миновало, дорога поѣдетъ все мимо избъ, потому что здѣсь деревеньки раскинуты не вдалекѣ другъ отъ друга.

Пока длилась ночь, она была весела; но съ наступленіемъ утра ей стало неловко передъ людьми: такъ на улицѣ по деревнямъ одной женщинѣ нехорошо ѣхать; она не привыкла, чтобы надъ ней подсмѣивались, хотя здѣсь ее и не знали. Къ счастію она увидала на пригоркѣ одинокаго старичка съ пустымъ мѣшкомъ за плечами и большой палкой въ рукахъ. Она еще издали рѣшила взять его съ собой, а давно, давно Гипотекеръ не пришолся кому-либо такъ кстати, какъ теперь Афрѣ. Онъ охотно сѣлъ съ нею и разсказалъ, что отправляется къ роднымъ въ послѣднюю деревню отъ Крейсштадта, чтобы запастись у нихъ чѣмъ-нибудь на зиму. Она обошлась съ нимъ, какъ съ ближайшимъ родственникомъ.

IV.

Еще не было полудня, когда молодая женщина прибыла въ Крейсштадтъ. Въ гостинницѣ она очень обрадовалась, что была встрѣчена хозяйкой, потому что передъ женщиной ей не такъ было стыдно. На вопросъ о мужѣ ей сказали, что онъ еще въ засѣданіи. Она направилась туда же, гдѣ ее про-

пустили на галлерею къ слушателямъ. Когда она входила, президентъ говорилъ: «за семъ я объявляю засѣданіе закрытымъ. Господа присяжные! еще одно слово къ вамъ.» Присяжные поднялись съ шумомъ; Афра увидала мужа въ первомъ ряду; но онъ не оглядывался; щеки его покраснѣли, блестящіе глаза обращены были на президента, который про-

должалъ: «Вы выполнили вашу трудную обязаность съ вѣрностью и ревностной преданностью, ваша собственная совѣсть воздастъ вамъ благодарностью, но я благодарю васъ отъ имени государства, отъ имени справедливости. Только то государство достойно свободы и правды, граждане котораго съ благороднымъ рвеніемъ исполняютъ свой долгъ; вы всѣ его исполнили; благодарю, по справедливости благодарю! но особенно

долженъ я поблагодарить нашего мужественнаго, честнаго Мартына Шпроссера.»

Шопотъ сочувствія послышался между слушателями; она невольно встала и на этотъ разъ встрѣтила взглядъ мужа. Онъ, казалось, не вѣрилъ глазамъ, потому что протеръ ихъ и еще разъ взглянулъ украдкой, но не подалъ виду, что узнаетъ; затѣмъ снова обратился къ президенту, закончившему словами: «Счастливо государство, счастливо то общество, въ которомъ есть храбрые, преданные граждане. Гражданская добродѣтель есть почетнѣйшее украшеніе и самая твердая подпора въ жизни. Да царствуетъ она навсегда въ нашей драгоцѣнной отчизнѣ!»

Всѣ поднялись, и Афра отъ тѣсноты и давки очутилась на улицѣ, сама не зная, какъ. «Кабы мой отецъ былъ здѣсь тоже!» подумала она.

— Ты здѣсь, Афра? ты ли это дѣйствительно? послышался за ней голосъ. То былъ ея отецъ.

«Вы также были на верху?» спросила она.

— Да, и это мнѣ по истинѣ оказалось полезно; ты меня въ то воскресенье отчасти исправила. Я хотѣлъ самъ посмотрѣть какъ трудится твой мужъ и не раскаяваюсь, что убилъ на это день. Да гдѣ же онъ?

— Я еще его не видала.

«Для присяжныхъ есть другой выходъ, онъ навѣрно уже въ гостинницѣ.»

Отецъ и дочь пошли вмѣстѣ, и онъ дорогой все подсмѣивался надъ ихъ любовью. Она смотрѣла въ землю, боясь, что цѣлый свѣтъ видитъ ея замѣшательство.

Въ гостинницѣ была большая тѣснота, но Мартына не оказалось. Наконецъ хозяйка подошла къ Афрѣ и сказала: «Вашъ

мужъ вотъ здѣсь, въ моей комнатѣ; я сказала ему, чтобы онъ подождалъ васъ. У васъ было съ нимъ что нибудь? онъ такъ испугался, когда я сказала, что вы пріѣхали совсѣмъ одни.»

— Боже сохрани! сказала она; вся кровь прилила ей къ сердцу и въ эту минуту она поплатилась за жестокость, съ которой обошлась съ мужемъ при отъѣздѣ!

Она направилась въ комнату. Мужа тамъ не было. Она была какъ потерянная. Что же это такое? подшутила что-ли надъ ней хозяйка? отецъ незамѣтно исчезъ. Что же ей теперь дѣлать посреди этихъ чужихъ людей? А сердце ея было такъ переполнено. Она протягивала руку, но никто не бралъ ее....

Слуга отца сказалъ ей, что онъ въ конюшнѣ. «И мужъ вашъ тамъ же,» добавилъ онъ.

Она пошла въ конюшню, слышала, какъ они говорили о лошадяхъ. Отецъ обѣщалъ ему лучшую упряжь въ обмѣнъ и слова его «такой человѣкъ, какъ ты, долженъ имѣть лучшее,» звучали похвалой. Она протянула руку мужу, который медленно подалъ свою.

«Какъ ты здѣсь очутилась? развѣ съ тобой нѣтъ работника?» спросилъ онъ.

— Я пріѣхала одна.

«Такъ?»

То было все, что онъ сказалъ, и у Афры выступили на глазахъ слезы.

Отецъ же звалъ обѣдать. Она удержалась и не сказала болѣе ни слова. За столомъ она то краснѣла, то блѣднѣла, потому что со всѣхъ сторонъ хвалили, что она и отецъ пріѣхали за Мартыномъ; сейчасъ видно честныхъ людей; когда другіе жалуются, что въ должности присяжнаго только те-

ряешь время и деньги, вотъ все-таки есть люди, цѣнящіе честь. Афра отдавала назадъ нетронутыми всѣ подаваемыя ей блюда; расточаемыми похвалами она также не могла наслаждаться. Отецъ ея принималъ ихъ какъ должное и сказалъ откровенно: «благодареніе Богу, что можешь посвящать рабочіе дни и свой достатокъ общественному благу. Афра съ удивленіемъ на него посмотрѣла; но онъ, казалось, говорилъ такъ искренно и съ такой твердостью, что это должно было вылиться прямо изъ души. Онъ чокнулся съ дочерью, говоря: «за здоровье твоего выборнаго!»

Но ни Мартынъ, ни Афра не были при празднествѣ.

Призидентъ, бывшій также за столомъ, всталъ, поднялъ стаканъ и сказалъ: «Радуюсь, что могу раздѣлить похвалу, принадлежащую вамъ. Только тотъ можетъ съ свободнымъ, чистымъ сердцемъ отдаваться государственнымъ обязанностямъ, кто имѣетъ жену, сочувствующую его дѣятельности, которая можетъ хорошо поддерживать хозяйство, пока нѣтъ мужа. Это былъ истинный походъ, предпринятый нами противъ насилія и преступленія. Это удаленіе отъ обыденныхъ занятій, эта жизнь для отчизны показала нѣкоторымъ, что по мимо семейныхъ обязанностей существуютъ обязанности гражданскія; многіе пріобрѣли себѣ друзей, о существованіи которыхъ не подозрѣвали. Слава тому, кто дѣйствуетъ для общественнаго блага, еще болѣе слава тому, кто имѣетъ возлѣ себя сердце, раздѣляющее съ нимъ его стремленія. Мы имѣемъ счастіе видѣть между нами представительницу гражданскихъ добродѣтелей въ женщинахъ. За здоровье прекрасной жены Мартына Шпроссера и всѣхъ женщинъ, съ любовью встрѣчающихъ своихъ мужей при ихъ возвращеніи съ должностнаго поста! Да здраствуетъ Г-жа Шпроссеръ и всѣ ей подобныя!»

Афра думала, что надъ ней обрушится потолокъ, когда раздалось это громогласное «да здравствуетъ!» Мартынъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее; никогда еще она не была такъ хороша. Крестьяне чокались съ ней и выражали сожалѣніе, что ихъ жены также не могли придти; но они обѣщались разсказать имъ про нее. Инспекторъ, также чокавшійся съ ней, предложилъ Мартыну ѣхать съ нимъ въ ближайшій городъ, гдѣ ему надо справить кой-какія дѣла. Афра кивнула, чтобы онъ отказался, и онъ сказалъ, что долженъ тотчасъ же отправиться домой.

Президентъ также подошелъ къ Афрѣ, отецъ который уступилъ ему свой стулъ. Онъ обѣщалъ побывать у нихъ, спросилъ есть-ли дѣти, при чемъ Афра имѣла счастіе разсказать Мартыну, что вчера ихъ малютка въ первый разъ одинъ дошелъ отъ стола до печки, что онъ сказалъ въ первый разъ слово «папа», она не передала, стыдясь, той мысли, которая ей тогда пришла въ голову.

Когда буря утихла, Афра опять стала упрашивать скорѣй ѣхать.

— Что же, ты опять хочешь править? спросилъ тихо Мартынъ.

«Какъ можешь ты это думать? я очень рада, что возжи будутъ въ твоихъ крѣпкихъ рукахъ, а то у меня и такъ все сердце замирало.»

Когда онъ сѣлъ съ женой въ повозку, всѣ выглядывали изъ оконъ и желали имъ счастливаго пути. Товарищъ-же лѣсникъ стоялъ возлѣ и говорилъ: у тебя славныя, гордыя лошадки. Когда тебѣ нужна будетъ новая упряжь, вспомни меня; я тебѣ дамъ по настоящей цѣнѣ, честное слово присяжнаго.»

Мартынъ еще разъ подалъ ему руку, весело кивнулъ про-

вожавшимъ, махнулъ кнутомъ и помчался. Они ѣхали довольно долго, не говоря ни слова. Афра все смотрѣла внизъ.

Наконецъ онъ воткнулъ кнутъ и началъ: «Ну, теперь признайся, зачѣмъ ты это сдѣлала? зачѣмъ ты поѣхала одна? Съ тобой могло бы стучиться несчастіе, а кромѣ того надъ тобой смѣялись бы.»

«Я сдѣлала это изъ любви къ тебѣ.»

— Изъ любви ко мнѣ? Ты проводила меня опечаленнаго, и я все надѣялся получить отъ тебя письмо, пока наконецъ самъ рѣшился написать. Это чистый грѣхъ и стыдъ, что два человѣка, какъ мы, могущіе быть совершенно счастливы, имѣютъ минуты размолвокъ.»

— Да, это правда. Поэтому я и пріѣхала одна, что бы никто не видалъ нашего свидянія, и я не могла дождаться минуты, чтобы упасть къ тебѣ на грудь и сказать: «Да, ты правъ, а я глупа.» Сегодня, когда я все это слышала, мнѣ кажется, точно ты снова конфирмованъ.

«Конфирмованъ?»

— Да, человѣкъ, имѣющій почетную должность и честно ее исполняющій, можетъ считаться конфирмованнымъ. Мнѣ такъ кажется.

«Это славная мысль. Но знаешь-ли, чего бы мнѣ лучше всего хотѣлось?»

— Чего?

«Кабы я не былъ избранъ и меня бы не хвалили. Я боюсь, что тебя обратило только тщеславіе.»

Афра возразила, что онъ не долженъ такъ думать; но онъ продолжалъ:

«Я желалъ бы и въ судѣ, какъ на войнѣ, быть простымъ солдатомъ, безъ всякихъ отличій. Если каждый хорошо исполняетъ свое дѣло, тогда все идетъ хорошо. Видишь-ли, Афра,

вотъ я сегодня отличился, меня хвалили, но можетъ случиться, что не только никто не похвалитъ, но даже будутъ порицать. Какъ это тогда отзовется на тебѣ?»

— Въ моихъ глазахъ и тогда ты будешь стоять высоко. Ты хочешь только добра и правды, и во всю жизнь не услышишь отъ меня противорѣчія съ этой стороны. Теперь ты добръ, и все хорошо; нечего объ этомъ и говорить больше.

Мартынъ пріостановилъ лошадей, оглядѣлся во всѣ стороны и обнялъ жену.

— Со дня нашей свадьбы я еще не былъ такъ счастливъ, какъ теперь.

И хотя въ это время пошелъ снѣгъ, имъ казалась свѣтлая, чудная весна.

Доѣхавши до городка, Афра сказала: «Я рада, что здѣсь можно остановиться и покормить лошадей. Признаюсь тебѣ, что я страшно голодна. За обѣдомъ я не могла ни крошки ѣсть, такъ было мнѣ тяжело.»

И вотъ Мартынъ съ женой сидѣли, ѣли, пили и смѣялись, точно это было въ первый разъ и точно кромѣ нихъ никого на свѣтѣ не было. А между тѣмъ кругомъ было довольно шумно, полъ трясся, и раздавалась музыка. Наконецъ къ нимъ въ комнату вошелъ старый почтмейстеръ и высказалъ радость, что они попали на свадьбу къ его дочери. «Не хотите-ли потанцовать, или посмотрѣть на танцы?»

«Мой мужъ былъ присяжнымъ,» сказала Афра.

— Слышалъ, и вдобавокъ главнымъ. Когда мы на будущемъ сеймѣ будемъ избирать депутата, я предложу васъ, Шпроссеръ.

«Очень благодаренъ. Черезъ десять лѣтъ можемъ поговорить объ этомъ; теперь я еще очень молодъ. Вы правы, я еще хочу танцовать. Хочешь ты со мной танцовать, Афра?»

— Пойдемъ.... И они пошли и танцовали такъ усердно, что даже другіе пріостановились, чтобы посмотрѣть на нихъ.

«Точно я съ роду не танцовала, такъ это пріятно,» сказала Афра.

— Однако довольно на этотъ разъ. Мнѣ очень хочется домой, поскорѣй посмотрѣть на нашего мальчугана.

То была счастливая поѣздка, и въ ушахъ блаженной парочки точно все еще раздавалась музыка. Но лучшая музыка была, когда Мартынъ услыхалъ отъ своего ребенка первое слово: «папа.»

На послѣднихъ выборахъ Мартынъ тоже былъ, и жена совѣтовала ему принять выборъ; но его не выбрали, и онъ можетъ оставаться въ надеждѣ будущихъ благъ. Долго ли придется ему ожидать?

Дерево передъ моимъ окномъ.

Комната моя находится въ высокомъ городскомъ домѣ наровнѣ съ верхушкой дерева, стоящаго передъ моимъ окномъ. Вотъ уже скоро семь лѣтъ, какъ это дерево мой вѣрный товарищъ. Какъ часто взглядъ мой съ наслажденіемъ останавливался на немъ! Въ предлагаемомъ отрывкѣ я въ разныя времена набрасывалъ то, что мнѣ въ немъ видѣлось, что я надъ нимъ передумалъ, изучилъ, о чемъ мечталъ порою. Къ этому многое надо бы прибавить; но можетъ быть и этимъ немногимъ я пролью новый свѣтъ въ сердца и насажу желанный плодъ.

* *
*

Первый взглядъ по пробужденіи это, можно сказать, ежедневное жизненное чудо, и расмышленіе надъ этимъ чудомъ есть въ одно и тоже время молитва и поученіе. Платонъ говоритъ, что начало всякой науки есть удивленіе, изумленіе. Наука есть тоже молитва: посредствомъ ея воспринятое и совершенное безсознательно воспринимается и совершается вторично уже сознательно.

Созерцаніе міра есть наилучшее достояніе человѣка, и отъ него ничто не измѣняется: дерево вѣчно остается деревомъ, сколько бы глазъ на него ни смотрѣлъ.

* *
*

Дерево!... Я нахожу, что это есть мирное, спокойное познаваніе свѣта, когда мы при первомъ пробужденіи обращаемъ вниманіе на спокойную, крѣпкую жизнь. Душа воодушевляется постояннымъ, жизненнымъ и неизмѣннымъ въ общемъ вращеніи: въ вѣчномъ ли ощущеніи духа мы находимъ это постоянное, или просто въ физическомъ ощущеніи. Въ древніе времена, да даже и теперь люди должны были отвлеченное выражать картиной, или знаками, потому что вымышленное не могли возобновить: чтобы перейти снова въ ощущеніе, оно должно было быть передъ глазами. Равно и природа, окружающая насъ извнѣ, сама по себѣ не можетъ приковать насъ и возбуждать, не можетъ навязывать намъ опредѣленныхъ ощущеній и всегда дѣлать ихъ пріятными: надо, чтобы душа сама къ нимъ обратилась, и тогда только они существуютъ для нея.

Растительная жизнь не имѣетъ въ себѣ звуковъ, за исключеніемъ звука при раскрытіи нѣкоторыхъ сѣменныхъ коробочекъ. Шумъ вѣтра въ листьяхъ деревьевъ когда-то считался Божьимъ призывомъ. При этомъ нѣмая природа какъ бы пріобрѣтаетъ голосъ.

* *
*

Солнечные часы не бьютъ. Мы должны слѣдить за ихъ ходомъ и только посмотрѣвши на нихъ, можемъ знать, который часъ.

* *
*

Все въ природѣ имѣетъ свое назначеніе и только одинъ человѣкъ пользуется произвольнымъ выборомъ своей дѣятельности. Все въ мірѣ обусловлено закономъ необходимости, у человѣка же долгомъ; потому во всѣхъ откровеніяхъ нахо-

димъ: «ты долженъ!» отсюда вытекаетъ потребность освобожденія, стремленіе и желаніе человѣка свободно узнать свое назначеніе и слѣдовать ему. Это выражаютъ слова Шиллера:

Ты ищешь законовъ величья, добра!
Вѣдь имъ тебя учатъ цвѣты, дерева:
Старайся быть тѣмъ произвольно, разумно,
Чѣмъ вѣчно бываютъ невольно они.

* *
*

Первобытное человѣчество видѣло въ деревьяхъ проявленіе божества, частію считая ихъ мѣстопребываніемъ боговъ, частію воплощая въ нихъ самое ихъ существо. Религіозныя исторіи начинаются богопочитаніемъ нѣкоторыхъ деревьевъ и почитаніе это такъ глубоко вкоренилось, что его трудно было уничтожить. Какъ часто въ библіи говорится противъ поклоненія деревьямъ, и первые проповѣдники христіанства должны были посѣкать священныя деревья.

Созерцаніе деревьевъ возбуждаетъ въ насъ ощущеніе величія, заключеннаго въ самомъ себѣ. Гора величественнѣе, но она не есть жизнь, замкнутая исключительно въ самой себѣ. Извѣстное въ Священной исторіи откровеніе на горѣ Синаѣ есть уже шагъ впередъ, потому что въ ней проявляется идея божества въ свободномъ величіи.

Дерево даетъ первую идею о высокомъ. Человѣкъ является передъ деревомъ маленькимъ; въ то время какъ животное для поддержанія своего существованія должно уничтожать другихъ, дерево есть олицетвореніе мира: его питаетъ солнце, дождь и воздухъ, и самое питаніе это совершается невидимо. И такъ въ растеніи вмѣстѣ съ идеей о величіи заключается идея красоты. Это ощущеніе красоты не возбуждается въ такой степени животнымъ, тѣмъ менѣе камнемъ. Дерево изобра-

жаетъ троякое значеніе времени: настоящее, прошедшее и будущее. Существованіе его, продолжительность и уничтоженіе, во всемъ этомъ проявляется единство въ разнообразіи; это всесторонняя жизнь, заключенная въ одномъ, и то, что знаніе передаетъ и объясняетъ наукой, сначала было не болѣе, какъ простымъ ощущеніемъ.

Но первобытныя времена человѣчества нельзя сравнивать съ ощущеніями дѣтства: мимо дерева ребенокъ проходитъ безъ всякаго вниманія, животныхъ же напротивъ любитъ и боится. Ихъ скорѣе можно сравнить съ ощущеніями взрослаго человѣка, трудомъ и борьбой завоевывающаго свое существованіе.

* *
*

Какъ гармоничны и пропорціональны вѣтви дерева! Прелесть его происходитъ особенно отъ соединенія твердости съ нѣжностью, необычайной тонкости въ частяхъ и величія въ общемъ.

Вѣтви моей ясени не имѣютъ надломленныхъ сгибовъ какъ у дуба, движеніе же ихъ скорѣе волнистое, стремящееся вверхъ.

Дубъ по своему строенію самое крѣпкое изъ нашихъ деревьевъ; онъ какъ бы старается преодолѣть принудительные законы и образуетъ всевозможныя формы, тогда какъ другія деревья, какъ напр. ясень, сохраняютъ строго прямыя линіи. Всѣ, производимыя нами формы, не взяты ли изъ природы? Внутреннее обращеніе соковъ и внѣшнее вліяніе атмосферы образуетъ извѣстную форму дерева или листа, и гармоническое образованіе дерева одинаково съ образованіемъ травы или листа. Большое, обширное только болѣе бросается въ глаза, а въ сущности ничѣмъ не отличается отъ маленькаго; преобладаніе массы кажется намъ только значительнѣе. Если

мы перейдемъ къ внутренней жизни, то тысячи маленькихъ существованій дѣйствуютъ за одно.

Привѣтъ тебѣ, вершина дерева! Нечего тебя подстригать; ты сама закруглишься. Возвышайся свободно; міръ неможетъ передѣлать тебя по своему.

И наоборотъ: божественное свойство природы веществъ заключается не въ томъ, чѣмъ одинъ предметъ отличается отъ другаго, а въ томъ, что они имѣютъ общаго между собою.

* *
*

Про вѣроломнаго человѣка можно сказать, что въ душѣ его не цвѣтетъ дерево. Сегодня онъ кажется столь близкимъ, а завтра какъ бы готовъ спросить: «какъ васъ зовутъ?» Да, есть люди, чувства которыхъ похожи на быстро увядающую траву. На чувства существуютъ свои времена и разная погода, но прочныя изъ нихъ можно сравнить съ деревомъ въ саду: когда оно и безъ листьевъ, все-таки его хорошо знаешь.

* *
*

Во многихъ лиственныхъ деревьяхъ стволъ идетъ не до самой верхушки, потому послѣдняя бываетъ широкой. Такъ напр. дубъ, липа.

Стволъ ясени раздѣляется на двѣ главныя вѣтви, изъ которыхъ образуется верхушка; стройная ель и черная ольха имѣютъ пирамидальныя верхушки, потому что стволъ ихъ цѣльный.

* *
*

Дерево мое стоитъ въ саду сосѣда и не принадлежитъ мнѣ; но наслажденіе мое отъ того не менѣе. Относительно вѣчнаго нѣтъ подраздѣленій моего и твоего и для радости не требуется отчета, откуда она.

Впрочемъ я желалъ бы назвать это дерево своимъ. Что-это, жадность? — Не думаю. Есть что-то особенно пріятное въ понятіи о собственности, въ возможности сохранить дорогое намъ: чужая воля можетъ завтра же положить конецъ моему наслажденію, срубивши дерево.

Весьма разумный обычай при рожденіи ребенка, сажать въ честь его дерево. Хорошо, кабы онъ существовалъ повсюду! У каждаго свое дерево. Тебѣ, одному тебѣ принадлежитъ эта жизнь, прозябающая въ землѣ; съ тобой вмѣстѣ она переживаетъ дни и ночи, всѣ времена года и всякую погоду. Черезъ это ты какъ бы живешь таинственной жизнію природы, не совсѣмъ отрѣшаешься отъ нея.

* *
*

Дерево мое удивительно разросшаяся ясень. Множество людей считаютъ себя любителями природы, не заботясь познакомиться съ жизнію хотя одного дерева. Возможно ли это? Въ библіи говорится, что Богъ привелъ къ Адаму всѣхъ животныхъ, чтобы онъ далъ имъ имена; растенія же не названы. Человѣкъ знакомится со всѣмъ сначала по впечатлѣніямъ и сравненіямъ животной жизни. Уже при дальнѣйшемъ образованіи, когда началось земледѣліе, растительное царство получаетъ различныя названія. Дикари и праздные люди гостинныхъ, вѣчно ищущіе новыхъ наслажденій, не купленныхъ никакимъ трудомъ, знаютъ мало растеній. Наука воскресила мертвые языки, латинскій и греческій, для пониманія нѣмой природы и такимъ образомъ создала міровыя имена тому, на что у насъ недостало словъ.

Какое непостижимое чудо образованіе языка! Додумайтесь, откуда и почему получила свое имя ясень, такъ что при одномъ этомъ звукѣ передъ нами возникаетъ видимая жизнь?

Сѣверяне производятъ слово ясень онъ скандинавскаго *askr*, какъ названъ первый человѣкъ. Но это только отодвигаетъ вопросъ, ни мало его не объясняя.

«Сначала было дѣло,» говоритъ разсуждающій Фаустъ, и конечно при каждомъ изслѣдованіи стараго мы въ заключеніе всегда останавливаемся передъ необъяснимымъ фактомъ; мы можемъ распознать и объяснить его законы, но не самое начало. Знаемъ, какъ образуется растительная клѣточка, но не знаемъ, отчего; знаемъ законы тяготѣнія, объясняемъ всѣ явленія, происходящія отъ него, но самую сущность не знаемъ. Словомъ, мы довольствуемся ограниченнымъ знаніемъ.

Если строгій разумъ осуждаетъ, что нейдемъ далѣе, то вѣра напротивъ упрекаетъ, что зашли уже слишкомъ далеко.

* *
*

Черезъ безлиственное дерево небо хорошо видно, но оно даже почти лучше и свѣтлѣе черезъ листья: тѣнь еще рѣзче отдѣляетъ его свѣтлую синь.

Безъ листьевъ и зелени еще отчетливѣе видна прочная красота дерева, тонкость его строенія и гармоничность состава.

* *
*

Отчего воронъ всегда садится на самую верхушку? Вѣтеръ воетъ, птица качается вмѣстѣ съ вѣткой, оглядывается кругомъ, долбитъ клювомъ и кричитъ, при чемъ все тѣло ея колеблется; когда она отлетитъ, вѣтка еще долго послѣ того качается. Кто знаетъ, какъ должно это частое сидѣнье дѣйствовать на образованіе верхушки. Какъ часто незначительныя причины имѣли большое вліяніе на развитіе дерева! Укушеніе насѣкомаго, кладущаго яйцо въ почку верхушки ели, можетъ сдѣлать ее кривой.

Воронъ не любитъ привольнаго качанья въ воздухѣ, а всегда имѣетъ какую нибудь опредѣленную цѣль.

* *
*

Плохое дерево изображаетъ жизнь человѣка и народовъ: пока зима, неизвѣстно, будетъ-ли оно живо, дастъ-ли еще листья, цвѣты и плоды; только весной это можно видѣть.

Снѣгъ долго лежитъ на вѣткахъ и землѣ.

«Бѣлый гусь долго просидитъ на яйцахъ!» сказалъ разъ крестьянинъ о залежавшемся снѣгѣ.

* *
*

(Конецъ февраля). Прилетѣли скворцы и садятся не одинъ возлѣ другаго, одни на нижнихъ, другіе на верхнихъ вѣткахъ. Когда они успѣли прилетѣть? Правда ли, какъ говоритъ народное повѣрье, что они появляются внезапно ночью, и не видна ли и въ этомъ скрытая жизнь природы? Начинается въ деревѣ новая жизнь, но не тотчасъ замѣтная: весна еще не наступила, происходитъ сильная борьба, часто застой, а иногда даже шагъ назадъ, но все-таки дѣло двигается.

Скворцы прилетѣли! Каково должно быть въ томъ домѣ, въ томъ сердцѣ, гдѣ ничто не пробуждается, все принимается равнодушно!

Кто можетъ слушать пѣніе птицъ и любоваться зеленью деревьевъ, тотъ еще не совсѣмъ несчастливъ.

Природа ожидаетъ, пока уши и глаза человѣка сами къ ней обратятся, и тогда только становится для него доступной; т. е. она живетъ сама для себя и существуетъ для насъ только на столько, на сколько мы можемъ ее воспринимать.

Для кого она имѣетъ и зимой свою цѣну и прелесть, только тому она истинно близка: отправляющіеся же по дачамъ горожане являются уже къ ея накрытому столу.

Отчего ни одна птица не вьетъ гнѣздъ на ясени? Вѣроятно потому, что она поздно покрывается листьями, такъ что при высиживаньи яицъ гнѣзда были бы беззащитны отъ враговъ.

Вотъ оно стоитъ, это дерево, я ничего для него не могу, и оно только на столько мое, на сколько я его знаю. Эта потребность, любовь къ деревьямъ, желаніе какъ нибудь заявить ее, вѣроятно было причиной у первобытныхъ народовъ, что они при поклоненіи украшали ихъ, приносили къ нимъ дорогія вещи. Такъ первые алтари ставились подъ деревьями; священное дерево обыкновенно окружали стѣною, изъ чего впослѣдствіи образовались храмы.

* *
*

Безмолвна жизнь дерева! но развѣ оно не говоритъ также? Мнѣ кажется, самое его появленіе не есть ли опредѣленное, понятное слово. Ужели языкъ посредствомъ звуковъ и словъ есть единственный, только потому что мы такъ говоримъ. Подобно какъ первобытное поклоненіе природѣ сообщало высокій смыслъ нѣмымъ ея явленіямъ, такъ искусство, истекшее изъ одного источника съ религіей, воспроизведеніемъ природы придаетъ ей новое выраженіе. Свѣдущія, наблюдательныя очи художника умѣютъ говорить посредствовъ камня и дерева.

И тамъ, гдѣ не достаетъ слова для того, что мы желаемъ сохранить на всѣ времена, мы схватываемъ видимыми знаками, выражаемъ образами. Природа есть міровый языкъ, и подходящая къ ней безсловесная музыка переноситъ человѣка ко времена Вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ.

* *
*

Ужели только мы смотримъ на природу, а она на насъ не смотритъ?.. Эта мысль породила лѣсныхъ нимфъ, русалокъ и горныхъ духовъ... Воскресное отдохновеніе! а непрерывная жизнь въ природѣ постоянно работаетъ; да, работаетъ природа, насъ окружающая и та, изъ которой мы состоимъ. Покой есть блаженное состояніе безъ дѣйствія на внѣшность. Какъ будничная работа, такъ и праздничный покой есть опредѣленіе воли, отличающее собственно человѣческую жизнь, т. е. сбереженіе и возстановленіе собственныхъ силъ, какъ жизнь растенія, или животнаго; онъ употребляетъ свою силу для возобновленія жизни вокругъ себя. И на оборотъ онъ сосредоточивается единственно на своей жизни и размышляетъ о ней. Покой съ открытыми глазами есть праздникъ, когда замкнутое въ себѣ существованіе созерцаетъ себя во всей полнотѣ.

Въ библіи говорится, что Богъ, какъ существо, не принадлежащее къ міру, почилъ въ седьмый день творенія; созданный же имъ міръ не покоится. Стало быть воскресный покой возноситъ насъ до уподобленія божеству.

* *
*

Ясень цвѣтетъ прежде, чѣмъ покроется листьями; изъ боковыхъ почекъ молодыхъ листьевъ выходятъ темнокоричневые обнаженные пучки цвѣтовъ на тонкихъ стебляхъ, большею частію наклоненныхъ книзу.

Обыкновенное выраженіе обозначаетъ только блестящую форму собственно цвѣтомъ. Естествоиспытатели не признаютъ этого различія.

* *
*

Четырехъ-угольная лиственная почка заключена еще въ черную войлочную кожицу.

Каждогодніе новые побѣги есть дерево на деревѣ и все оно зеленѣетъ только черезъ побѣги, которые должны принести цвѣты и плоды, а на слѣдующій годъ ужъ превращаются въ стволъ.

Лиственная почка на верхушкѣ послѣдняго года есть въ маломъ размѣрѣ образецъ всего дерева. Каждогоднимъ побѣгамъ соотвѣтствуетъ корень, обозначающійся въ фигурѣ ствола и въ верхушкѣ. Этотъ круглый выгибъ почки, вверху снова замыкающейся и заостренной, соотвѣтствуетъ куполообразной формѣ верхушки.

Между двумя темными кожицами лиственной почки выступаетъ темнозеленая, свѣтлая и крѣпкая, четырехъ-угольная почка въ видѣ орѣха и выростаетъ еще панцыреобразная зимняя кожища.

* *
*

Весенняя непогода и солнечный дождь! Какъ блестятъ отъ него вѣтви радужными каплями, какъ жадно сосетъ тогда дерево! И едва только перестанетъ дождь, какъ появляется зяблица и трещитъ такъ звонко и весело, точно промочивши свое горлышко; и дѣйствительно это такъ: и человѣкъ и птица легче и свободнѣе поютъ послѣ дождя, нежели при сухомъ воздухѣ. Атмосфера, наполненная влажностью, не только лучше распространяетъ звукъ, но и самый голосъ становится отъ нея развязнѣе и свободнѣе.

* *
*

Въ безлунную ночь снизу дерево кажется плотнымъ только въ стволѣ, вѣтви же имѣютъ видъ облака, а сверху закутаннымъ въ плащъ великаномъ.

* *
*

Дерево также имѣетъ свои особенно оживленные часы: наука разъясняетъ, что жизнь растеній сильнѣе при развитіи свѣта, преимущественно въ послѣ-полуденные часы до солнечнаго заката.

* *
*

И вдругъ опять снѣгъ!

Еще Апрѣль прещедрою рукой
Пастушью шапку снѣгомъ обсыпаетъ.

Вотъ и вѣтви покрыты снѣгомъ, и цѣлый день носятся хлопья, и все такъ тихо; только еще порою раздается тихая пѣснь зяблицы. По всей природѣ какъ бы дрожь пробѣгаетъ, и даже человѣку не тепло въ его снова натопленной комнатѣ.

Тѣло и душа какъ бы чувствуютъ милліонные стоны исчезающихъ цвѣтовъ и распуганныхъ птицъ. Кто умѣетъ радоваться жизнію природы, тотъ долженъ и страдать съ нею. Но деревья растутъ не въ небѣ и потому не уничтожаются такъ легко. Жизнь природы остра и ѣдка; это борьба, требующая суроваго терпѣнія.

Ничего нѣтъ опаснѣе и бестолковѣе возникающей изъ сочувствія природѣ возвышенной чувствительности.

Изъ комнаты всякая непогода кажется гораздо суровѣе, нежели она бываетъ на самомъ дѣлѣ для того, кто стоитъ на воздухѣ и работаетъ.

Ничто въ мірѣ не совершается вполнѣ равномѣрно, по одной прямой линіи, ккк въ природѣ, такъ и въ исторіи. Откуда ни на есть явятся препятствіе и вражда. Еще ни одна весна и лѣто не проходили безъ колебанія, безъ боязни, что зачавшаяся жизнь пропадетъ и все-таки ежегодно поспѣваютъ плоды и питаютъ человѣка и животныхъ. Здоровая сила довольно крѣпка и устойчива, чтобы отъ всего спасаться.

Если и пропадаютъ милліоны цвѣтовъ, едва разцвѣтшихъ, то развитіе силъ природы все-таки чрезмѣрно. Такъ и въ человѣческой жизни не многое исполняется на дѣлѣ изъ того, къ чему мы стремимся и чего желаемъ. Надо вѣрить въ несокрушимую силу и съ этой вѣрой настойчиво исполнять задуманное.

* *
*

Дерево, требующее много лѣтъ для своего развитія, имѣетъ затвердѣлыя кельи, превратившіяся въ дерево и состоящія изъ концентрированныхъ колечекъ. Ихъ можно назвать воспоминаніями дерева, которыя не образуются болѣе, а составляютъ его сущность. Эти кельи, подобно дому, защищаютъ живое дерево и подобно теплой комнатѣ согрѣваютъ его, проводя кверху теплоту изъ земли.

* *
*

Естествознаніе нынѣшняго времени ясно и точно излагаетъ жизнь дерева. Кельи, уничтожающіяся отъ его утолщенія, чтобы дать мѣсто новымъ, могутъ сгнить и разсыпаться, дерево можетъ сдѣлаться пустымъ, сердцевина можетъ завять, а слои продолжаютъ жить. Это потому что въ ширинѣ самый старый древесный слой лежитъ внутри, (сердцевина ростетъ въ первые года его жизни), самый поздній извнѣ; въ лыкѣ же это совсѣмъ наоборотъ: старый слой лежитъ ближе къ корѣ, и при этой двойственной жизни дерево постоянно живетъ и умираетъ, и чѣмъ оно старѣе, тѣмъ мягче древесные круги, потому что вещество постоянно тратится на большее разширеніе.

* *
*

Дерево питается только жидкостью, стало быть соотвѣтствуетъ младенчеству человѣка и животныхъ.

* *
*

Наука доказываетъ, что сокъ изъ корней не непосредственно течетъ по всему дереву, но всосанное постоянно переливается изъ кельи въ келью.

* *
*

И снова послѣ холодовъ первымъ вѣстникомъ радости является зябликъ. Высоко надъ деревьями паритъ аистъ и бьетъ крыльями въ воздухѣ; внизу же цвѣтетъ терновникъ; все это признаки, что больше мороза не будетъ.

* *
*

Почки распустились. Темная зимняя кожица покрывается новыми листьями. Опередившіе листья свернулись, и между нѣкоторыми, еще не готовыми, лежитъ нѣчто похожее на мохъ, что къ сердцевинѣ становится все толще; во внутреннемъ листкѣ образовалась только жилка, все остальное пушистый мохъ. До сердцевины все уже готово, равно какъ вѣтка, но я насчитываю только девять, одинадцать и двѣнадцать листиковъ.

Вотъ стоитъ молодая ясень, вѣтви которой уже покрылись свѣтлой зеленью, тогда какъ у старой едва появляются почки.

* *
*

Ребенокъ ломаетъ сложную игрушку, желая узнать ея внутреннія пружины. Наука тоже не можетъ поступать иначе: чтобы прослѣдить жизнь, она умерщвляетъ предметъ. Но это не болѣе какъ утрированная чувствительность, когда ви-

дятъ въ этомъ уничтоженіи что-то горестное. Отдѣлившись отъ природы, легко сдѣлаться слабымъ.

Летаютъ ласточки! Теперь сердце можетъ легко и беззаботно биться, а мыслямъ привольно парить въ воздухѣ. Весна дѣйствительно настала.

*
* *

Бузина цвѣтетъ; это уже плодъ весенней расточительности, ея цѣльный хоръ, послѣ котораго хотя и являются отдѣльные, лучшіе голоса, какъ напр. роза и т. п., но полная прелесть все-таки съ нимъ. Бузина сродни ясени. Дѣйствительно, если ее разсматривать какъ дерево, то въ цѣломъ она подобна ей.

Кто знаетъ, какая родня у моей ясени! Бузина съ своими кистями ячееобразныхъ цвѣтовъ, бирючина съ безчисленными золотыми звѣздочками, маслина и ясень въ южныхъ странахъ, гдѣ она выпаряетъ бѣлый, сахаристый сокъ, все это ея благословенная родня!

* *
*

Въ прошедшій годъ ясень покрылась зеленью на нижнихъ вѣткахъ гораздо раньше, нежели на верхушкѣ; сегодня же, такъ какъ былъ теплый Апрѣль, а затѣмъ дожди, то верхъ покрылся прежде, а внизу только слегка восточная сторона.

* *
*

Голубое небо и зеленая земля зовутъ къ себѣ. Въ наше время можно жаловаться на бѣдность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но относительно наслажденій природы едва-ли которое богаче.

Дома строятся на открытыхъ мѣстахъ, увеселительныя зданія тоже. Работающій въ мастерской дышетъ больше и чаще

свѣжимъ воздухомъ, чѣмъ гдѣ либо. Вотъ шумитъ дорожный поѣздъ, и локомотивъ заглушаетъ пѣніе жаворонка и зяблицы, но не надолго: скоро исчезаетъ нелѣпое опасеніе, будто желѣзныя дороги уничтожаютъ всю красоту и пріятность природы. Всякое время, и всякое учрежденіе имѣетъ свою особенность, и наше сердце снова бьется ото всего. Если исчезаетъ какое нибудь обыкновеніе, съ нимъ все-таки не исчезаетъ самая жизнь. Существованіе сколькихъ тысячъ людей улучшается и освѣжается желѣзными дорогами! Онѣ быстро переносятъ въ новую атмосферу, и безчисленныя толпы посѣтятъ мѣста, гдѣ бы имъ никогда не бывать. Потребность наслажденія природой идетъ рука объ руку съ спокойнымъ стремленіемъ естествознанія.

* * *

Какъ веселы бывали майскіе праздники въ старыя времена! Въ нихъ выражались остатки общей жизни съ природой, и каждый календарь, показывающій откровеніе духа и откровеніе природы, запечатлѣнъ былъ праздниками въ дѣстки-первобытной формѣ. Теперь нѣтъ ничего подобнаго, и возобновлять старое было бы смѣшно и непрочно.

Наше время оттого кажется такимъ унылымъ, что теперь исчезли всякія празднества. Мы едва отваживаемся прицѣпить къ шляпѣ въ лѣсу зеленую вѣточку, и какъ только приближаемся къ городу, тотчасъ ее снимаемъ. Повидимому, теперь совсѣмъ исчезаетъ обычай дѣлить другъ съ другомъ радости; ихъ празднуютъ келейно.

* * *

А березки въ комнатѣ въ Троицынъ день! вѣдь это уцѣлѣвшій остатокъ прежняго! И какой чудный ароматъ распространяетъ срубленная березка!

* * *

Мы уже болѣе не можемъ придти въ единство съ природой; шагъ, сдѣланный развитіемъ человѣчества, не можетъ свернуть назадъ. Съ того времени, какъ духъ признанъ самостоятельнымъ, у людей два календаря: одинъ, показывающій посредствомъ зеленыхъ и увядающихъ листьевъ, и другой, внесенный въ исторію.

Если исторія человѣчества есть часть натуральной исторіи, то она вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ свободное и особенное движеніе: природа вокругъ насъ одинакова и только постоянно возобновляется; человѣкъ тоже остается одинаковымъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и тоже возрождается; но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ подверженъ развитію, образованію новыхъ силъ, такъ что здѣсь проявляется новое творчество.

* * *

(Начало Іюня.) Ясень достигла полнаго развитія; верхній остроконечный листъ одинаковой величины съ нижнимъ, и уже образовалась почка для слѣдующаго года. Сквозь дерево не видно больше неба. Какъ я ни старался прослѣдить постепенное развитіе листьевъ, оно, по видимому, совершается вдругъ, въ одну ночь.

Я вдыхаю ароматъ цвѣтовъ, и какъ кратко человѣческое дыханіе!

Филистеры думаютъ, что запахъ дерева менѣе пріятенъ, когда знаешь, что это кислородъ, отдѣляемый имъ подъ вліяніемъ свѣта. Хотя это объясненіе дѣйствительно отзывается аптекой, но можно-ли повѣрить, что оно уничтожаетъ всякую поэзію?

* * *

Ни одинъ наиболѣе одаренный художникъ не могъ изобрѣсть дерева, устроеннаго иначе, нежели въ дѣйствительности, и если бы онъ искусственно привилъ свойства одного дерева другому, онъ ничего бы не изобрѣлъ новаго. Воображеніе человѣка не свободно, образуя формы и виды; если оно желаетъ создать живущее, то связано данными жизненными условіями. Все, что мы думаемъ воспроизвести собственной фантазіей, есть только сочетаніе и свободное воспроизведеніе того, что мы восприняли въ впечатлѣніяхъ извнѣ, хотя иногда весьма слабо.

Чтобы впечатлѣнія были въ насъ живы, мы должны видѣть предметъ собственными глазами и схватывать его особенности. Только полное развитіе можетъ передавать эти образы естественныхъ явленій, какъ мы видимъ то въ Гомерѣ: творческая сила поэта мощными словами изображаетъ намъ природу и учитъ ее понимать.

* * *

Гроза сломила одинъ сукъ; но на деревѣ растутъ новые сучья и вѣтви, а раны заживляютъ, какъ вѣтка, посаженная въ землю, могла бы расти одна, такъ и дерево растетъ безъ нея; оно не повреждается въ цѣломъ потерею одной части.

* * *

Плодовыя деревья никогда не бываютъ такъ высоки, какъ лѣсныя.

Такъ во всѣхъ членахъ дерева происходитъ движеніе: корни всасываютъ пищу изъ земли, листья сильнѣе дышатъ, въ фруктовомъ деревѣ все переработанное идетъ на плодъ, а дерево мало беретъ себѣ, что еще явственнѣе видно на ржи: колосъ зрѣетъ, а стебель засыхаетъ. У моей ясени одинъ

только маленькій языкообразный плодъ; другія же деревья, какъ н. пр. букъ, дубъ и сосна еще эгоистичнѣе: они приносятъ плодъ одинъ разъ въ теченіи 5—10 лѣтъ.

* *
*

У сѣверныхъ народовъ, не имѣвшихъ въ первобытныя времена плодовыхъ деревьевъ, послѣднія никогда не обоготворялись. Люди любятъ преклоняться передъ тѣми, кто имъ ничего не даетъ, въ нихъ не нуждается и гордо держитъ себя.

Равно ни одно изъ нашихъ хвойныхъ деревьевъ не считалось священнымъ. Лиственныя деревья величественнѣе и ближе человѣку; они не растутъ, подобно хвойнымъ, на вершинахъ горъ, а на холмахъ и долинахъ, не остаются одинаковыми, а измѣняются, и шумъ и шелестъ ихъ листьевъ гораздо пріятнѣе. Поклоненіе деревьямъ у сѣверныхъ народовъ исчезаетъ съ разведеніемъ послѣднихъ.

* *
*

Изъ сучьевъ дѣлаютъ рукоятки топоровъ; въ древности твердая и вязкая ясень употреблялась преимущественно на рукоятки копій, въ средніе вѣка на пики и луки.

Мое дерево имѣетъ 98 фут: вышины. Вышину и отдаленность предметовъ мы измѣряемъ линіями, что дѣлается еще по древнимъ правиламъ. Такимъ же образомъ люди, одаренные внутренней силой, умѣютъ различать отдаленныя отношенія. Какъ часто спрашиваютъ поэта: «почему вы знаете то и то? Существуетъ также искусство для смѣренія душевныхъ состояній, не доступныхъ тѣсному ощущенію. Къ сожалѣнію, искусство это не отличается такой математической точностью и осязаемостью, какъ измѣреніе вещественнаго матеріала.

* *
*

Теперь лѣтомъ поютъ немногія птицы, почти только зябликъ, да по утрамъ и вечерамъ черный дроздъ, долго засиживаясь на верхушкѣ дерева. А то большею частію совсѣмъ тихо. Да, только пока все цвѣтетъ, слышны повсюду шумъ и пѣніе. Особенно усладительна теперь тѣнь, какъ неосязаемый источникъ прохлады.

* *
*

И повсюду спокойная сдержанность. Дубъ и букъ пустили новые побѣги, какъ бы возобновилась весна; но природа полна жизни, и эта полнота только видоизмѣняется.

* *
*

Не раздѣлить-ли людей на двѣ группы: одни, которые готовы лежать подъ деревомъ и не желать ничего болѣе, какъ, по выраженію поэта, жить съ природой и заключать ее въ себѣ, и другіе, которые отъ излишняго развитія, или отъ недоразвитія не могутъ этого?

* *
*

(Середина Іюля). Вотъ и гроза! это было легкое колебаніе листьевъ, шумъ и шепотъ. Отдѣлилось темное, почти черное облако, появился вѣтеръ и наслалъ дождь, уже не каплями, а потокомъ. Вѣтеръ срывалъ верхушки деревъ и вѣтви, такъ что образовались пустыя пространства; сучья гнулись и трещали, и шумъ этотъ спорилъ съ шумомъ вѣтра. Возможно-ли при такой грозѣ думать о чемъ либо другомъ?.. На моемъ столѣ темно, и вотъ съ дерева слетѣлъ листъ и совсѣмъ мокрый шлепнулся на карнизъ. Мысль моя какъ бы вынудила дерево дать какой нибудь отвѣтъ, но для этого гроза должна была его прежде встряхнуть. Такъ и нѣкоторые

люди должны быть тронуты грозою, чтобы отъ нихъ чего нибудь добиться.

Теперь я держу передъ солнцемъ посланный мнѣ бурей листъ; онъ девятилиственный, и два листка съ лѣвой стороны нѣсколько разорваны.

Неподвижно стоитъ теперь дерево, какъ бы отдыхая; буря должно быть растянула ему всѣ суставы, но за то насытила и укрѣпила его.

* * *

Въ сосѣдствѣ она согнула деревья, а нѣкоторыя и сломала. Когда дерево лежитъ такъ корнями кверху, то не кажется загадочнымъ, какимъ образомъ оно упало, а удивительно скорѣе то, какъ могло оно такъ долго стоять: вѣдь его держитъ не болѣе, какъ тонкій слой земли.

Такъ бываетъ съ нѣкоторыми высокомѣрными героями: при ихъ паденіи съ трудомъ понимаешь возможность ихъ бывшаго величія.

* * *

Древнія говорили: ни дня безъ строчки ученья! Нынѣшнее время прибавляетъ: день, въ который ты ничего не вынесъ изъ жизни природы, ничего не воспринялъ и не изслѣдовалъ, потерянный день въ жизни.

* * *

(Середина Августа). По утрамъ цѣлые часы сидитъ на листьяхъ бѣлая бабочка. Дерево до девяти часовъ въ тѣни отъ нашего дома. Все такъ свѣтло и спокойно, что на немъ видна тѣнь отъ каминнаго дыма. Бабочка блеститъ на солнце и, кажется, скоро готова сложить крылья и подвергнуться превращенію.

* * *

Иногда по утрамъ одинъ какой нибудь листъ вдругъ начнетъ колыхаться во всѣ стороны, какъ палецъ искуснаго музыканта, тогда какъ всѣ другіе совершенно неподвижны; каждый листъ стоитъ въ такомъ воздушномъ теченіи, что можетъ приходить въ движеніе совершенно отдѣльно.

* * *

Теперь дерево по цѣлымъ днямъ стоитъ неподвижно, и когда листья утромъ шевелятся, то это большею частью въ нижнихъ вѣтвяхъ, верхушка же спокойна. Шумъ ихъ похожъ на шелестъ сухаго сѣна.

* * *

Рано утромъ и вечеромъ вокругъ дерева летаютъ молодыя ласточки и громко чирикаютъ; теперь здѣсь долженъ быть для нихъ кормъ. Ласточки часто кажутся гуляющими въ воздухѣ; но прогулка есть только изобрѣтеніе человѣка; животныя же всегда имѣютъ цѣль—питанье.

* * *

(Лунная ночь въ Августѣ.) Вся земля теперь кажется постоянно бодрствующей; на всемъ лежитъ тонкій, волнистый сумракъ; такъ и сердце человѣческое въ безотчетной тоскѣ можетъ воспринять въ себя всю эту жизнь, отстранить сонное забвеніе и воскликнуть: «ты существуешь, живешь, живетъ и міръ вокругъ тебя и въ тебѣ.» Нѣтъ ни звука, только порою слышенъ у дерева тихій шелестъ, точно оно содрагается отъ полноты блаженства.

* * *

(Конецъ Августа.) Первый утренній туманъ! Приходитъ конецъ лѣта.

Туманъ разсѣялся, и вотъ пошелъ дождь. Зелень листьевъ превращается въ желтизну, а у клена они даже завяли. Къ тому же вѣтеръ! Сколько времени листья такъ борятся, пока не умрутъ!

* * *

Осень вступаетъ во всѣ свои права. Полнота жизни начинаетъ падать. Гдѣ перестаетъ возобновленіе, тамъ начинается упадокъ. Испареніе воды, главная работа листьевъ, прекращается; почка листа уже поспѣла и помогаетъ разрушенію. Съ ольхи падаютъ зеленые листья, а съ дуба желтые. Птицы, испытавшія лѣтомъ такую же полноту существованія, должны подвергнуться тоже измѣненію и линяютъ.

* * *

Какъ часто осенью нападаетъ унынie, точно разстался съ любимыми лицами: точно ты ихъ не вполнѣ удовлетворилъ, точно не настолько ими насладился, какъ могъ, и теперь, при разлукѣ выступаетъ наружу то, что всегда таилось внутри, но не находило исхода. Весною ты столько надѣялся, затѣвалъ и предполагалъ, потомъ многое забылъ, небрежно откладывалъ, а теперь уже поздно. При осени твоей жизни будетъ тоже. Брось тяготящее раскаяніе, ободрись и дѣйствуй снова. Взгляни,—какъ падшій листъ не приростетъ болѣе къ своему мѣсту, такъ и къ тебѣ не вернутся прошедшіе дни; но появятся новые листья и новые дни до тѣхъ поръ, пока дана намъ жизнь въ удѣлъ.

* * *

Благо тому, у кого комнатная жизнь не отбила охотничьихъ наклонностей. Тамъ, подъ бьющимъ въ лице вѣтромъ и дождемъ, укрѣпляется духъ. Вотъ этотъ шумный вѣтеръ бу-

шуетъ промежъ деревьевъ и лишаетъ ихъ украшенія. Эта самая буря, теребящая и срывающая теперь листья, вспрыскиваетъ въ свое время жаждущую почку.

* *
*

Весна и осень, восходъ и закатъ доступнѣе наблюденію, нежели лѣто и полуденные часы, потому что измѣненія ихъ яснѣе выражаются во внѣшности.

* *
*

(Начало Октября.) Утромъ послѣ тумана подъ тѣнью дерева трава покрыта росой, а промежъ деревьевъ сухо. Это ночная тѣнь отъ мѣсяца, вошедшаго послѣ полуночи.

* *
*

(Конецъ Октября.) Цѣлые года я наблюдалъ паденіе листьевъ съ дерева, и всегда оно различно. Если бури бываютъ раньше и чаще, то обнажается верхушка, тогда какъ нижнія вѣтви почти всѣ остаются съ листьями. Главное же обнаженіе совершается большею частію спокойно, и большею частію по утрамъ. Роса наполовину высохла, туманъ исчезъ, и листья начинаютъ тихонько опадать; а потомъ вдругъ этотъ процессъ прекращается, при чемъ кажется страннымъ, почему одинъ листъ упалъ и другой рядомъ съ нимъ уцѣлѣлъ.

При солнцѣ дерево не такъ сразу обнажается, какъ отъ бури. И тотъ же самый лучъ, который прежде зародилъ жизнь, теперь навлекаетъ смерть; онъ возбуждаетъ, подгоняетъ, и когда нѣтъ рощенія, то это самое развитіе жизни влечетъ за собою смерть.

Паденіе листьевъ совершается гораздо скорѣе, нежели ихъ рощеніе. Впрочемъ это кажется вѣроятно потому, что первое бываетъ видимо; смерть есть моментальный актъ; на самомъ

же дѣлѣ то и другое должно происходить въ равный промежутокъ времени.

* *
*

Туманъ и мракъ, плохой день. У кого не бываетъ по временамъ на душѣ такъ тупо и пусто, что ему становится невѣроятнымъ, что бы онъ когда либо былъ полонъ жизни и будетъ опять? Взгляните на дерево, вотъ оно голо, а когда настанетъ время, снова заживетъ полной жизнію. Такъ и отъ души нельзя требовать всегда свѣтлаго настроенія; надо только вѣрить, что оно вернется, пока еще не все отцвѣло.

* *
*

Настала и зима. Подойдите къ замерзшему окну: выдти на холодъ составляетъ все-таки свою пріятность.

* *
*

У первобытныхъ сѣверныхъ народовъ ясень была міровымъ деревомъ, соединявшимъ въ себѣ три свѣта: Небо, землю и адъ.

Изъ этого дерева и его корней исходило три источника жизни, подобно какъ по библіи изъ Эдема, гдѣ тоже стояли два дерева, вытекало четыре главныхъ рѣки (1 книга Моис. 2, 10).

* *
*

По библіи человѣкъ созданъ изъ земли; по сѣвернымъ же преданіямъ первый мужъ изъ ясени (ask), а первая жена изъ ольхи (embla). Греческія преданія также часто упоминаютъ о превращеніи людей изъ деревьевъ и въ деревья. О происхожденіи человѣка изъ дерева даже упоминается въ библіи, гдѣ сказано: «Не говори дереву: ты мой отецъ!»

Умственные и физическіе призраки первобытныхъ временъ полны вмѣстѣ значенія и загадочности.

* *
*

Затѣмъ отношеніе человѣка къ дереву можетъ быть взято масштабомъ образованія. Въ военной инструкціи въ 5-й книгѣ Моисея 20, выражающей всю жестокость завоевательной войны, деревья поставлены подъ законную защиту народовъ. Повидимому, темный 19-й стихъ говоритъ: «Развѣ дерево на полѣ человѣкъ, что ты его хочешь осаждать?»

Гражданскіе законы наложили особый штрафъ за поврежденіе деревьевъ. Въ наше время опустошеніе лѣсовъ признано погрѣшностью противъ здороваго состава атмосферы: лѣса защищаютъ источники.

* *
*

Лѣсные законы, какъ они ни кажутся стѣснительны для свободной личности, имѣютъ свое естественное и необходимое основаніе.

Ты не долженъ срубать дерево, потому что оно твое; оно гораздо болѣе принадлежитъ общей землѣ, въ которой живешь и ты и другіе. Изъ этихъ законовъ становится вполнѣ яснымъ, что можетъ распоряжаться только общая воля, законъ, а не личный произволъ. Ты выставилъ свою собственность; ее никто не отнимаетъ, но пусть она служитъ для общаго блага.

* *
*

Была ночь подъ новый годъ. Ударило двѣнадцать часовъ, и всѣ колокола загудѣли. Я выглянулъ въ окно, и звуки, наполнявшіе воздухъ, проникали въ душу. Сколько тысячъ слышатъ вмѣстѣ съ тобою тѣже звуки, сколько стоятъ бодр-

ствующими, возбужденными, потому что прихлынули волны новаго года. Я слышу голоса, желающіе другъ другу счастія. Въ такую минуту никто не чуждъ, всякій, дышащій съ тобой, близокъ, товарищъ твой по жизни. Кабы только чаще было это объединеніе, это отстраненіе всякихъ стѣсненій, кабы мы чаще слышали эти звуки на міровой стрѣлкѣ, призывающіе къ жизни!

Мѣсяцъ свѣтло стоитъ въ небѣ, а дерево какъ бы спокойно спитъ.

Дерево есть образъ жизни человѣчества; каждый побѣгъ будетъ самъ по себѣ деревомъ, но онъ не ростетъ изъ себя, не стоитъ прямо на землѣ, а на деревѣ, будучи членомъ великако цѣлаго. Такъ и историческій человѣкъ не стоитъ непосредственно на почвѣ прежней жизни; онъ дерево на деревѣ.

Но старое, созданное отъ вѣка, повторяется: новое возвышаетъ существованіе.

Поэтому «деревья не растутъ въ небѣ,» говоритъ пословица, и въ ней заключается не одна мудрость опытности, а также твердое воззрѣніе на природу. Наука еще до сихъ поръ оспариваетъ вопросъ, внутренней или внѣшней смертію умираетъ дерево, т. е. происходитъ-ли эта смерть отъ внутреннихъ условій или только отъ внѣшнихъ. Утверждающіе первое, объясняютъ ее тѣмъ, что величина его мѣшаетъ достигать питательнымъ сокамъ къ самой верхушкѣ. Во всякомъ случаѣ жизнь, какъ и смерть дерева до сихъ поръ еще загадка.

У человѣчества жизнь идетъ за жизнію: годъ, отдѣльная жизнь человѣка, похожа на клѣточку организма, принадлежащую къ одному цѣлому и зависящую отъ него.

Твои глаза закроются, а земля все по прежнему будетъ

зеленѣть и люди по прежнему жить и дѣйствовать, но тс!... колоколъ замолкъ, новый годъ наступилъ.

Кто бы могъ вести свою жизнь такъ мѣрно, точно, твердо и безъ колебаній, подобныхъ природѣ?....

Какъ каждый побѣгъ изображаетъ цѣлое дерево, такъ каждый человѣкъ долженъ бы собою изображать жизнь всего человѣчества. Снова повторимъ воззваніе поэта:

Ты ищешь законовъ величья, добра!
Вѣдь имъ тебя учатъ цвѣты, дерева:
Старайся быть тѣмъ произвольно, разумно,
Чѣмъ вѣчно бываютъ невольно они.

Поступленіе въ школу.

(Изъ записокъ нѣмецкаго бюргера.)

Подобно какъ въ государствѣ не годится, чтобы одни чиновники знали и рѣшали общественныя дѣла, такъ должно было бы быть и въ школѣ: родители должны бы вносить въ нее свою опытность и желанія гораздо болѣе, нежели это дѣлается теперь. Тогда только могло бы осуществиться необходимое взаимнодѣйствіе между школьнымъ и домашнимъ развитіемъ.

Я намѣренъ сдѣлать маленькую попытку въ этомъ отношеніи и начну сначала.

По совѣту нашего друга, директора гимназіи, я до сихъ поръ еще не отдалъ своего старшаго сына въ школу, хотя съ Пасхи ему исполнилось уже шесть лѣтъ. Я далъ ему лѣто побѣгать на свободѣ и, говоря по правдѣ, радъ бы и еще отложить это дѣло; потому что какъ только ребенокъ начинаетъ ходить въ школу, онъ сдѣлается не вполнѣ нашъ. Жена же все жаловалась, что не знаетъ, чѣмъ занять его. Такъ осенью и порѣшилъ я вести его въ школу. По моему, всегда слѣдуетъ отдавать въ школу осенью: природа тогда не манитъ къ себѣ, и ребенку не такъ стѣснительно въ душной комнатѣ.

За нѣсколько дней маленькій Ричардъ ни о чемъ не мечталъ и не говорилъ, какъ только о школѣ; поступить туда казалось ему большой честью и вмѣстѣ праздникомъ.

Мы, взрослые, какъ бы вѣрно ни проникали въ душу ребенка, все-таки не можемъ ее понимать вполнѣ. Мы умѣемъ все ясно представлять себѣ, а главное качество дитяти то, что онъ смутно думаетъ о вещахъ, радуется и печалится ими какъ бы сквозь туманъ. Мнѣ нѣтъ ничего противнѣе, какъ когда дѣтямъ стараются все разъяснять раньше времени. Да пусть ихъ сами испытаютъ, пусть раскусятъ дѣйствительность! это гораздо лучше.

Школа, куда я отдалъ сына, была заведеніе частное. Въ назначенный день пошелъ я съ нимъ въ комнату директора. Здѣсь было уже собрано много мущинъ и женщинъ съ дѣтьми.

Царилъ какой-то духъ единодушія, ни въ чемъ однако же не выразившійся: каждый стоялъ, или сидѣлъ отдѣльно съ своимъ ребенкомъ, и слышался только тихій шепотъ. Наконецъ пришелъ директоръ. Мы всѣ ему поклонились. Если бы наши художники не любили такъ старые костюмы и давно всѣмъ извѣстныя событія, то могли бы выбрать прекраснымъ сюжетомъ опредѣленіе родителями своихъ дѣтей въ храмъ науки. Право, это вышла бы славная картина!

Дѣтей подводили одного за другимъ къ директору, который спрашивалъ у нихъ фамилію, день рожденія и вѣроисповѣданіе и записывалъ отвѣты въ большую книгу.

Большая часть родителей, по крайней мѣрѣ въ городѣ, охотно отдаютъ дѣтей на жертву ученью.

Церемонія разгорячила Ричарда, такъ что онъ попросилъ на дворѣ напиться изъ колодца. И вотъ онъ въ первый разъ напился изъ этого ведра, привязаннаго къ цѣпочкѣ.

Это первое представленіе очевидно не произвело впечатлѣнія на ребенка; можетъ быть, и не могло быть иначе.

Съ этого дня Ричардъ по цѣлымъ днямъ носился съ своей

аспидной доской и своей азбукой; я долженъ былъ ему также купить сумку, потому что онъ хотѣлъ быть вполнѣ школьникомъ. Въ день начала ученья онъ поднялся ранехонько и далеко до опредѣленнаго часа приставалъ, чтобы я шелъ съ нимъ въ школу. Наконецъ время наступило; «Ну бабушка, теперь отправляемся въ путь,» сказалъ онъ моей матушкѣ, проживавшей тогда у насъ.

Она кивнула ему, помогла надѣть на спину его ранецъ и сказала своимъ спокойнымъ, разумнымъ тономъ, которымъ такъ умѣла все освящать: «Дитя мое, съ этихъ поръ всегда будетъ тяжелая ноша. Дай только Господи, чтобы ты всю жизнь всѣ ноши могъ носить съ такой радостью и легкостью, какъ эту.»

Жена провожала насъ и долго смотрѣла вслѣдъ. Она не сказала ни слова; только разъ провела рукой по лицу сына, но чтобы скорѣе скрыть это, поправила ему брыжжи.

Я долженъ сказать, что не принадлежу къ мягкосердечнымъ. Жизнь сдѣлала меня жесткимъ. Но у меня странно было на душѣ, когда я такъ велъ сына за руку. Рука эта такъ тепла и мягка, дитя такъ покорно, хотя и обладаетъ значительной дозой упрямства; и эту руку, эту принадлежащую мнѣ жизнь отдаю я въ чужія руки. Съ этой минуты ребенокъ уже не мой исключительно.

Ричардъ какъ бы чуялъ, что я думаю, потому что нѣсколько разъ пожалъ мнѣ руку; но я показалъ видъ, что не замѣчаю этого.

«Твой отецъ также велъ тебя въ школу въ первый разъ?» спросилъ онъ. Я къ сожалѣнію не могъ подтвердить этого. Какъ ни заботился отецъ, чтобы мы учились и были прилежны, но такъ далеко не простиралось его участіе; онъ,

подобно многимъ отцамъ, пропустилъ этотъ прекрасный праздникъ, одно изъ трогательнѣйшихъ событій въ жизни.

И сегодня еще директоръ сказалъ мнѣ, что немногіе отцы приводятъ своихъ дѣтей; они большею частію поручаютъ это сыну сосѣда, или это дѣлаетъ мать, растравляя сердце ребенка жалобами и опасеніями; а иная, желая придать болѣе важности, отличится еще хуже, говоря: «теперь дѣло-то пойдетъ лучше: тамъ присмирѣешь; съ тобой не такъ будутъ справляться, какъ я.» Имѣя въ виду то, какое глубокое впечатлѣніе это оставляетъ въ дѣтской душѣ, каждый отецъ долженъ бы устранвать родъ праздника, передавая дѣтей изъ родительской власти въ вѣдѣніе наставниковъ.

Мы подошли къ саду, изъ за забора котораго висѣли вѣтви плакучей ивы. «Дерево шевелитъ листьями,» сказалъ Ричардъ когда то, глядя на него внимательно. У стѣны стоялъ павлинъ; то была та самая птица, которую онъ, увидѣвши въ первый разъ какъ она опустила свой тонкій хвостъ, сказалъ: «птица-рыба!» павлинъ ему показался заразъ рыбой и птицей.

Я совсѣмъ не изъ тѣхъ, которые берегутъ на память выпавшіе зубы своихъ дѣтей, и тѣмъ болѣе не изъ тѣхъ, кто любитъ съ наслажденіемъ по сту разъ повторять ихъ выраженія. Но въ этотъ разъ я припоминалъ ихъ; потому что теперь кончено съ собственными взглядами; теперь ребенку привьется чужое знаніе и чужія воззрѣнія. Ученье надѣваетъ на насъ, такъ сказать, очки: хотя въ нихъ видно яснѣе и подробнѣе, но все-таки это не одинъ собственный глазъ. Вскорѣ вся душа переполняется новоприобрѣтеннымъ и не знаешь болѣе, что думаешь и знаешь собственнымъ своимъ умомъ; врожденная природа вся заваливается чуждымъ.

Главная задача жизни состоитъ въ томъ, чтобы запастись свѣдѣніями, пріобрѣтенными предшествовавшими поколѣніями,

послѣ того снова видѣть, думать и чувствовать сообразно собственной природѣ и не считать своими привитыя, переданныя и заученныя воззрѣнія. Только того можно назвать свободнымъ человѣкомъ, кто превратится снова самъ въ себя.

Мы встрѣчались со многими дѣтьми, шедшими также въ школу. Они съ удивленіемъ смотрѣли на новичка, который съ своей стороны дивился на нихъ.

Директоръ дружески принялъ насъ, протянулъ Ричарду руку и показалъ, гдѣ повѣсить его сумку вмѣстѣ съ другими, причемъ однако благосклонно объяснилъ, что ему еще не нужно таскать ее.

Это очевидно огорчило малютку, какъ бы унизивши его нѣкоторымъ образомъ: онъ стало быть не былъ еще настоящимъ школьникомъ.

«Тамъ въ саду играютъ дѣти! бѣги, играй съ ними!» сказалъ директоръ и, обратясь къ шумящей толпѣ дѣтей, добавилъ: «Вотъ идетъ новичекъ; играйте вмѣстѣ съ нимъ!»

Ричардъ было поспѣшилъ къ нимъ, но вдругъ остановился, зажалъ ротъ пальцами, какъ бы удерживаясь отъ плача и оглянулся на насъ. Тогда директоръ позвалъ только одного ученика и велѣлъ ему взять Ричарда за руку. Такъ дѣло пошло лучше. Ребенокъ вскорѣ принялся бѣгать съ другими, не думая уже ни обо мнѣ, ни объ учителѣ, ни о своей сумкѣ.

Я между тѣмъ сообщалъ директору о его характерѣ, конечно стараясь болѣе выставлять недостатки, чтобы не показаться пристрастнымъ; но не думаю, чтобы я вполнѣ достигъ этого.

Какой отецъ не пристрастенъ, особенно въ такой часъ? Онъ меня внимательно слушалъ и наконецъ сказалъ, что надѣется самъ скоро узнать свойства и способности мальчика. Первое время посвящается не столько ученью, сколько наб-

люденію и тому, чтобы пріучить ученика къ порядку и общежитію. Хорошо только, кабы я чаще къ нему приходилъ и присматривался, вообще чтобы установились постоянныя сношенія между школой и домомъ, чтобы укрѣпить благородныя качества и сгладить недостатки.

Онъ говорилъ умно, хотя не безъ рутинности; это иначе и не можетъ быть: занимаясь постоянно одной должностью, толкуя объ одномъ и томъ же по сту разъ, невозможно не впасть болѣе или менѣе въ однообразіе.

Всѣ мальчики, подходившіе къ директору, кланялись и подавали ему руку; пришла директорша, и ей тоже дружески кланялись. Не понравилось мнѣ только, что дѣти называли ее и его теткой и дядей. Это поддѣльное и потому непріятное нѣжничанье; нѣтъ ничего хорошаго вносить въ какія либо отношенія ложное названіе. Учитель есть учитель, а не дядя; ребенокъ долженъ его уважать и любить какъ учителя; ему не зачѣмъ носить родственную маску.

Я не выдержалъ, чтобы не высказать своего взгляда на этотъ счетъ. Лице директора омрачилось; таковы всегда люди! хотятъ дѣйствовать сообща; а возможно ли это, если не вліять другъ на друга, не исправлять взаимныхъ недостатковъ?

Онъ коротко отвѣтилъ мнѣ, что такъ ужъ привыкли и что введеніе это оказалось благотворнымъ.

Я не возражалъ болѣе, но чувствовалъ то щекотливое затрудненіе, которое съ трудомъ преодолѣваешь. Ребенку можно бы проложить простый и прямый путь, можно бы удалять отъ него ненужное, мѣшающее и сбивчивое; но скоро приходится сказать себѣ: «ты долженъ все предоставить собственному ходу вещей.» Онъ скоро запутается въ нѣкоторыхъ

трудностяхъ и заблужденіяхъ и скоро самъ выучится ихъ преодолѣвать.

Мы пошли въ классную комнату, гдѣ Ричардъ сидѣлъ уже на скамейкѣ. Я думалъ, что директоръ обратится съ краткой рѣчью къ прежнимъ ученикамъ и что нибудь имъ прикажетъ относительно новенькаго. Что нибудь самое простое, радушное было бы здѣсь конечно у мѣста. Я даже приготовился послѣ того тоже сказать дѣтямъ свое слово. Но ничего подобнаго не произошло и, уходя, я только проговорилъ: «Будьте молодцами! слушайтесь и учитесь хорошенько, а ты, Ричардъ, будь смѣлѣе!» Я боялся растрогать его и потому не подалъ ему руки въ другой разъ.

Такъ я отправился, но по дорогѣ часто оглядывался: мнѣ все казалось, что онъ съ плачемъ и криками бѣжитъ за мною. Но этого не было: то была собственная фантазія, превращавшаяся въ образы и звуки.

Хорошо, что у ребенка представленія не ясны и что онъ не можетъ самъ понять, что происходитъ въ его маленькомъ сердцѣ.

Ричардъ конечно долженъ былъ тосковать, когда я его оставилъ, но молодость счастлива тѣмъ, что развлекается окружающими предметами и забываетъ о себѣ.

Я долго еще ходилъ съ глубоко взволнованнымъ сердцемъ по городскому валу; я находился почти въ томъ же настроеніи, какъ когда послѣ рожденія сына въ первый разъ появился посреди людей. Я сдѣлался другимъ человѣкомъ и думалъ, что другіе видятъ это по моимъ глазамъ.

И такъ съ нынѣшняго дня сынъ мой принадлежитъ не мнѣ одному; посторонніе люди, учителя и товарищи будутъ вліять на него. Каждый человѣкъ не бываетъ продуктомъ отдѣльной семьи: на развитіе всякой души дѣйствуетъ весь

міръ, всѣ сословія, при чемъ главную роль играютъ слуги. Мы не можемъ и не должны завладѣвать исключительно человѣческой душою и мастерить ее по своему образцу. Ребенокъ принадлежитъ человѣчеству, принадлежитъ всему міру.

Думаю что работа моя въ то утро не была особенно полезна. Жена съ радостью сходила бы за сыномъ въ училище, чтобы отвести его назадъ, но я сказалъ, что лучше оставить его одного и не стѣснять свободу перваго дня его самостоятельности; вообще не надо стѣснять его. Если онъ вслѣдствіи этого придетъ домой съ шишкой, подравшись съ товарищемъ,—бѣда не велика; это дѣлаетъ его тверже и самоувѣреннѣе, пріучаетъ къ самозащищенію. Къ обѣду Ричардъ пришелъ домой точно изъ дальняго края. Никто изъ насъ не сказалъ ни слова, и съ ударомъ колокола онъ пошелъ къ своимъ первымъ обязанностямъ. Надѣюсь, что онъ всегда будетъ идти путемъ долга.

Дурный посѣвъ.

Дорожный разсказъ.

«Да, желалъ бы я знать, почему вы думаете, что я многое пережилъ?

— Это трудно объяснить; вообще видно по лицу, и когда я сходилъ съ горы и видѣлъ, какъ вы разговаривали съ старикомъ, сидящимъ въ повозкѣ, и разсказывали ему о другихъ, то замѣтилъ это: думаетъ и говоритъ такимъ образомъ только человѣкъ, самъ кое-что пережившій; только испытавши многое на себѣ, запасаешься вѣрнымъ взглядомъ и пониманіемъ и знаешь, что дѣлается съ другими и внутри ихъ.

«Совершенно справедливо; я дѣйствительно разъ пережилъ нѣчто особенное и когда подумаю объ этомъ, то кажется, точно до того времени я находился въ полуснѣ, хотя имѣлъ тѣже пять чувствъ; съ тѣхъ поръ мнѣ все кажется яснѣе, и прошедшее и настоящее.

— Что же это васъ такъ встряхнуло? Позволите узнать?

«Почему не такъ? это не тайна. Видите ли, вотъ эта повозка и лошади мои собственныя, и кромѣ того у меня есть еще земля. Съ этимъ омнибусомъ я ѣзжу постоянно три раза въ недѣлю на желѣзную дорогу. Но я не живу въ городѣ, а по близости; жена не хочетъ разстаться съ деревней, да такъ то и лучше. Поселившись въ деревнѣ, я сначала три

года былъ пастухомъ и кромѣ того дровосѣкомъ. Полевыя и лѣсныя работы знакомы мнѣ съ дѣтства, но я передъ тѣмъ былъ почтальономъ, и разъ моя умница жена сказала: «ты съ кнутомъ въ рукѣ зарабатываешь больше, нежели топоромъ и цѣпомъ.» Это много значитъ, если женщина можетъ рѣшиться предлагать мужу занятіе, часто удаляющее его изъ дома; но она знаетъ, что я мысленно всегда тамъ. И такъ я купилъ себѣ повозку и сдѣлался извощикомъ; такъ мнѣ гораздо лучше, потому что это мое настоящее ремесло. Да, когда начну все припоминать, то и вижу, что много пережилъ, хотя во всю жизнь не выѣзжалъ изъ своей земли. О своемъ дѣтствѣ знаю не много, развѣ только то, что мы съ братомъ были близнецы, родившіеся въ день Петра и Павла и окрещенные этими именами: оба мы были отличные птицеловы. Одинъ изъ братьевъ нашей матери, которую мы совсѣмъ не знали, потому что она умерла тотчасъ послѣ нашего рожденія, дядя Мукулъ, былъ птичникомъ; другой-же жилъ въ Швейцаріи и покупалъ ему птицъ. Дядю звали собственно Непомукомъ, а мы уже перекрестили его въ Мукула. Вдругъ Швейцарецъ уѣхалъ въ Америку и пишетъ Мукулу, чтобы и онъ тоже ѣхалъ и взялъ съ собой какъ можно больше птицъ: птицы тамъ будто продаются на вѣсъ золота, особенно соловьи. У дяди была дочка, настоящая картинка, однихъ лѣтъ съ нами. Я любилъ ее больше всего на свѣтѣ; дѣвочка вынуждала отца кормить птицъ муравьиными яйцами, и такимъ образомъ у него былъ и кормъ, и кромѣ того онъ извлекалъ изъ нихъ ладанъ. Когда же не доставало яицъ, то онъ умѣлъ пріучить птицъ и къ зернамъ. Это былъ чародѣй своего рода, который однако во всю жизнь ни до чего не дошелъ.

Другія дѣти его были тамъ и сямъ въ услуженіи; Марел-

ла же была младшая, и такъ какъ дѣло шло объ отъѣздѣ, то она столько собирала яицъ и червяковъ, что едва могла дотаскивать до дому. Вдругъ она сдѣлалась больна, не могла слышать пѣнія птицъ, жаловалась, что ей колитъ въ ушахъ и что муравьи хотятъ ее съѣсть. Такъ и умерла бѣдная малютка, а отецъ ея со всѣми другими уѣхалъ.

Видя ее мертвой, я въ первый разъ почувствовалъ сильнѣйшій ужасъ, три дня ходилъ какъ помѣшанный и думалъ, что никогда этого не забуду; но Господи, чего не забываетъ человѣкъ! Вотъ какъ ужъ давно я совсѣмъ о ней не думаю, пока сегодня не сталъ вамъ всего этого разсказывать.

Вышедши изъ училища, мы стали помогать отцу, который былъ плотникомъ, и заработывали порядочные деньги. Но отецъ понесъ убытокъ, сдѣлался болѣнъ, и такимъ образомъ все истощилось. Мы съ братомъ пошли рубить лѣсъ. Оба мы были такъ сильны и валяли такія деревья, что до сихъ поръ еще о томъ говорятъ. Разъ мы подняли огромное дерево, и лѣсникъ сказалъ: «если вы его вдвоемъ снесете домой, то оно будетъ ваше собственное.» Мы его снесли до дому за часъ ходьбы, а оно было такъ велико, что изъ него сдѣлали три плуга. Но отецъ очень сердился на насъ за такой фарсъ, потому что мы могли бы за него дорого поплатиться. Затѣмъ пришлось намъ разстаться, а мы съ братомъ были такъ дружны, какъ пальцы на одной рукѣ; но что дѣлать! такъ надо. Я сначала поступилъ въ услуженіе къ почтмейстеру, а затѣмъ полтора года былъ почтальономъ; братъ же паромщикомъ. Онъ былъ молодецъ, крѣпокъ, какъ желѣзо; я уступалъ ему вполовину и все-таки не могъ назваться слабымъ. Каждый заработанный крейцеръ посылали мы отцу. До двадцать втораго года я не курилъ, и когда товарищи хотѣли мнѣ подарить трубку, я отказался, говоря: «мнѣ при-

дется и тогда курить, когда вы не подарите.» Настало тяжелое время. Никогда не забуду того дня, когда мы съ братомъ должны были идти въ городъ вынимать жребій, кому достанется быть солдатомъ. Отецъ немного насъ проводилъ. Я забылъ сказать, что онъ принялся за новое ремесло: у него былъ въ деревнѣ богатый братъ, который могъ бы ему помочь, но онъ ни за что не хотѣлъ брать подарка, и если разъ рѣшился взять, то это принесло ему сильнѣйшее огорченіе. Послѣ я вамъ объ этомъ разскажу. Такъ какъ онъ послѣ болѣзни не могъ всюду ходить и долженъ былъ беречь себя, то онъ выучился шить деревянные башмаки. Это было не дурное ремесло, и отецъ часто говоривалъ: теперь съ тѣхъ поръ, какъ пошли въ ходъ деревянные башмаки, гораздо меньше больныхъ, потому что самое главное, чтобы ноги были сухи и теплы.

Да, онъ насъ проводилъ тогда до того мѣста, гдѣ ему столько несчастливилось и гдѣ онъ послѣ никогда не бывалъ. Онъ сказалъ намъ: «Такъ хорошо, что вы держите другъ друга за руку; и всегда оставайтесь братьями и не покидайте другъ друга. Объ одномъ только прошу Бога, чтобы онъ не привелъ васъ обоихъ быть солдатами. Я думаю тебѣ, Петръ, обратился онъ къ брату, ничего не значитъ побыть годика два въ солдатахъ; ты, можетъ, будешь помягче и повострѣе.»

Такъ вернулся онъ домой, а мы пошли въ городъ.

При смотрѣ оказалось, что до 110-го номера всѣ были свободны. Я счастливо вынулъ 23-й, братъ же прямо 111-й и первый былъ записанъ солдатомъ. Отецъ совершенно спокойно принялъ это. Рѣшено было, что я поѣду съ братомъ въ столицу и сдѣлаюсь почтальономъ; тамъ мы все-таки были вмѣстѣ и мнѣ порядочно пришлось переплатить за водку ему и его товарищамъ. Заработокъ мой былъ хорошъ, и я все

дочиста посылалъ отцу. Не прошло года, какъ онъ пишетъ, что на мои деньги купилъ мнѣ десятину и что если я еще буду посылать, то жалованье и подачки на водку превратятся въ поля и луга. Въ ту самую ночь, какъ пришло это извѣстіе, я долженъ былъ ѣхать съ швейцарскимъ поспѣшнымъ поѣздомъ, и веселѣе этого не ѣздилъ я во всю мою жизнь и никогда такъ хорошо не трубилъ.

Я часто смотрѣлъ на поля, лежавшія по дорогѣ. Ну, теперь будетъ весело! всѣ васъ можно закупить, были бы только деньги; по крайней мѣрѣ и у меня будетъ своя частичка въ мірѣ, да и еще, и еще!

Бережливость хорошая вещь: надо только остерегаться, чтобы въ душу не закрался діаволъ скупости. Какъ меня радовало, что я имѣю свою маленькую пашню! Отецъ написалъ, гдѣ она лежитъ, и я очень хорошо ее знаю. Но теперь мнѣ хотѣлось бы имѣть цѣлую крестьянскую усадьбу; отъ станціоннаго же жалованія долго не соберешь, а на водку почти не даютъ; притомъ и братъ стоитъ мнѣ кой-какихъ баценовъ, такъ какъ онъ ничего не зарабатываетъ. Онъ былъ красивый малый, почти цѣлой головой выше меня, и его сдѣлали гвардейцемъ. Разъ онъ приходитъ ко мнѣ весьма счастливый, объявляя, что получилъ призъ. Именно: трубятъ тревогу, и кто въ это время скорѣе всѣхъ взнуздаетъ лошадь и запасется всѣмъ, нужнымъ для битвы, тотъ получаетъ премію. Мой братъ все это справилъ въ шесть минутъ, а повѣрьте, что это не малое искусство. Я написалъ отцу, какъ это меня радуетъ и какъ должно и его обрадовать. Хотя мы были близнецы, но самъ не знаю почему, я всегда былъ его защитникомъ и какъ бы старшимъ покровителемъ; онъ никогда не могъ самъ о себѣ заботиться; все, что его заставляли, въ чемъ направляли, онъ дѣлалъ хорошо и правильно, а самъ

отъ себя—ничего не могъ, ему всегда и во всемъ нуженъ былъ совѣтникъ и указчикъ, который бы его понукалъ, и тогда онъ везъ какъ добрая лошадь. Это былъ красивый мущина, лице кровь съ молокомъ, глаза какъ у вѣрной собаки, строенъ какъ пальма и такъ добродушенъ, что каждый ребенокъ могъ бы имъ управлять. Да, когда я вспоминаю о братѣ, мнѣ всегда становится больно, и я не могу помириться съ мыслію, что ему пришлось умереть такъ рано, за ничто. Полкъ ихъ командировали въ Шлезвигъ - Голштейнъ. Какъ сейчасъ помню, вотъ они ѣдутъ цѣлымъ отрядомъ.... я стою; отыскалъ глазами брата, а онъ мнѣ поклонился, и я никакъ не предвидѣлъ, что это въ послѣдній разъ.... Вотъ они уѣхали; видна только пыль, да слышна музыка... а тамъ мой братъ, и я не видалъ его болѣе.

Онъ погребенъ тамъ на морѣ, и никто не могъ сказать мнѣ, что у нихъ произошло и почему емъ пришлось умереть.... Хорошо, что я вамъ разсказалъ объ этомъ, потому что всегда, когда вспонимаю, у меня голова кружится, и хорошо, что отецъ не дожилъ до этого.....

И такъ продолжаю. Я не переставалъ экономить и уже не знаю, сколько это было времени, вѣрно не болѣе двухъ лѣтъ, какъ отецъ опять написалъ мнѣ, что еще купилъ лугъ и также записалъ его на мое имя. Недоставало только клочка лѣсу, и я былъ бы при всемъ, потому что виноградниковъ, какъ вы увидите, въ нашемъ краю нѣтъ. Вы видите по дорогѣ, что вишни у насъ поспѣваютъ уже въ Августѣ; лучше же всего наша земля для плодовъ съ зернами.

Мнѣ было конечно пріятно, что отецъ купилъ поле и лугъ; но воздѣлывать его я никогда бы не подумалъ; я остаюсь въ городѣ, завожу экипажъ и не могу представить себѣ какъ бы пришлось привыкать къ деревенской жизни. Вдругъ разъ

приходитъ человѣкъ изъ нашихъ мѣстъ и говоритъ, что отецъ очень хочетъ меня видѣть, но не писалъ объ этомъ, боясь, что я промедлю. Узнавши это, я самъ сталъ такъ тосковать по домѣ, что не зналъ ни дня ни ночи покоя. Наконецъ получаю позволеніе и отправляюсь. Хоть до дому приходилось всего двѣнадцать часовъ ходьбы, но мнѣ они тяжело пришлись: кто привыкъ ѣздить, тому пѣшій путь куда какъ труденъ. Едва я дошелъ въ деревню, какъ былъ встрѣченъ прелестнѣйшей дѣвушкой. Гляжу на нее, не узнаю, а она говоритъ мнѣ:

«А, это ты? а я думала, это твой братъ.»

— На кого же ты изъ насъ двухъ думаешь?

«Развѣ ты не Петръ?»

— Нѣтъ, Павелъ.

И мы болтаемъ и все не можемъ добиться, за кого она собственно приняла мена, за мено самаго или за брата, и смѣемся, что люди, роющіе на полѣ картофель, смотрятъ на насъ. Я радъ видѣть свою двоюродную сестру, Магдалину, дочь моего дяди съ отцовской стороны. Она все еще живетъ у своего брата. Это очень дурный человѣкъ, хотя богаче всѣхъ въ деревнѣ; онъ женился на богатой дѣвушкѣ, которая хотѣла видти за работника, но отецъ принудилъ ее выдти за Вигиля.

Магдалина пошла домой приготовить ѣсть. Она разсказала мнѣ объ отцѣ, и что ни братъ ея, ни она не ходятъ къ нему.

Наконецъ я вижу отца. Онъ страшно исхудалъ, но не хочетъ признаться, что боленъ и нечѣмъ лечиться. Не прошло и четверти часа, какъ онъ сталъ мнѣ говорить: «Съ Вигилемъ ты не долженъ говорить ни слова, и если онъ тебѣ поклонится, ты не отвѣчай, а повернись спиной и плюнь.» — Вигиль и былъ именно богатый сынъ его брата. «Я никогда

не училъ тебя злу, и когда придетъ мой часъ, я готовъ спросить Господа, какъ онъ терпитъ подобныхъ людей и еще даетъ имъ счастливую жизнь. Да, тотъ по истинѣ сдѣлалъ бы доброе дѣло, кто бы пырнулъ въ Вигиля ножемъ!»

Мало по малу я развѣдалъ, что такое Вигиль сдѣлалъ отцу. Отецъ находился въ большой нуждѣ, и все-таки не взялъ ни одного геллера изъ посылаемыхъ мной ему денегъ. Тяжело мнѣ было слышать это, особенно когда вспомнилъ, что кое-что и пропивалъ и издерживалъ; да, всегда такъ забудешься, вдали-то отъ дома, а тамъ отецъ страдаетъ.... но онъ не хотѣлъ допустить, чтобы я дѣлалъ себѣ упреки. «У тебя и такъ ничего нѣтъ, да еще заботился о братѣ.»

Упразднилось мѣсто пастуха, и Вигиль предложилъ его отцу. Отецъ сталъ плакаться, что не можетъ скоро ходить и гонять коровъ; на это племянникъ закричалъ: «вы не болѣе какъ лѣнтяй и хотите сидѣть на моей шеѣ; но не надѣйтесь получить отъ меня что либо.»

Это глубоко оскорбило отца, и онъ два года не говорилъ съ Вигилемъ; но это бы еще ничего, если бы онъ разъ не осрамилъ его при народѣ. Вдругъ онъ закричалъ ему при всѣхъ: «Дядя, ступай сюда и возьми сѣмена, которые я хочу тебѣ подарить: Если не возмешь сейчасъ, то ничего не получишь.» Отецъ говоритъ, что съ той минуты онъ почувствовалъ усталость въ ногахъ, которая такъ его и сваливаетъ. Но что будешь дѣлать? онъ бѣденъ и беретъ подарокъ, намѣреваясь возвратить его также при всемъ народѣ; но у него весь хлѣбъ побило градомъ, и возвратить невозможно.

На слѣдующій годъ Вигиль снова разыгрываетъ великодушіе и опять при всѣхъ даритъ отцу жита; отецъ снова беретъ, и въ мѣшкѣ нѣтъ столько зеренъ, сколько въ сердцѣ его ранъ оттого, что онъ вынужденъ взять; и теперь всѣ его

мысли направлены къ погибели Вигиля. Я никогда не повѣрилъ бы, какъ это можно. Вечеромъ сдѣлалась сильная гроза, былъ такой громъ и молнія, какъ еще никогда. При этомъ отецъ сказалъ: «Знаешь-ли, что бы я желалъ? Кабы Вигиль былъ теперь на воздухѣ на семь часовъ ходьбы отъ всякаго жилья, забился бы въ какой нибудь оврагъ и умеръ бы со страху!»—Часы отца были сочтены: можетъ, мой пріѣздъ и гнѣвъ его на Вигиля особенно его ослабили. Ночью, лежа въ постели, вдругъ онъ кричитъ: «Павелъ, ступай и пришиби Вигиля!—Нѣтъ, не дѣлай этого, но обѣщай мнѣ только, когда меня не будетъ, всю твою жизнь дѣлать Вигилю всевозможное зло. Я буду просить Бога ниспослать тебѣ свое благословеніе, чтобы ты былъ богатъ, могъ важничать надъ Вигилемъ и терзать его. И когда онъ придетъ и попроситъ у тебя зерна, поступи съ нимъ также, какъ онъ со мной!»

На другой день онъ сталъ очень плохъ, и докторъ сказалъ, что долго не протянетъ. Я пошелъ къ Вигилю и сказалъ ему: «Прошу тебя, поди къ отцу и попроси прощенья! Богъ вѣсть, доживетъ ли онъ до завтраго.» Но жесткій Вигиль возразилъ, что не знаетъ, почему долженъ просить прощенье; что отецъ мой тщеславный дуракъ, который требуетъ чтобъ ему еще кланялись, когда онъ принимаетъ что либо. Тогда я положилъ ему на столъ деньги, говоря: «вотъ, теперь твое жито заплачено.» Онъ взялъ деньги и выбросилъ за окно; тамъ стояла Магдалина, подняла и принесла деньги и стала слушать. Я сказалъ: «Ты дурно дѣлаешь и хочешь, чтобы я былъ тебѣ такимъ же врагомъ, какъ отецъ.» Вигиль на это засмѣялся и промолвилъ: «это будетъ единственное наслѣдство, которое онъ тебѣ оставитъ.»

Я не говорю болѣе ни слова и ухожу. Видя передъ глазами, какъ кончается жизнь человѣка, можно ли тутъ еще

ссориться? Магдалина, провожая меня, сказала: «Прости ему! у него у самаго нѣтъ счастливаго часа, не смотря на все богатство, потому онъ и золъ на весь свѣтъ. Подумай, вѣдь отецъ твой боленъ.»

Когда она мнѣ это напомнила, я скорѣе бросился къ отцу: можетъ, онъ уже успѣлъ умереть въ эту четверть часа. Когда я вошелъ, отецъ началъ: «этого ты не долженъ былъ дѣлать, ходить къ Вигилю, и просить его, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ. Теперь онъ будетъ еще хвастаться, что спровадилъ тебя.»

Онъ увѣрялъ, что никто ему не говорилъ о моемъ визитѣ Вигилю, а между тѣмъ онъ точно слышалъ каждое сказанное нами слово. Въ такіе часы передъ смертію человѣкъ видно больше знаетъ, нежели думаютъ.

Я весь день просидѣлъ съ отцемъ, и когда передъ домомъ послышался шумъ повозки, онъ сказалъ:

«Это Вигиль цѣлый годъ ѣздилъ съ такимъ громомъ, чтобы всѣ его слышали; такъ ѣздить только его повозка. Это онъ мнѣ на смѣхъ теперь прогуливается!»

Никогда не забуду, какъ вдругъ онъ схватилъ рукой изъ подъ постели солому и, поднося мнѣ къ лицу, воскликнулъ: «Видишь-ли, вотъ это выросло изъ посѣва! это онъ бросилъ мнѣ соломы, и я лежу на ней! Что солома!... и все то только солома! Гдѣ справедливость на землѣ и на небѣ, если такъ хорошо живется людямъ, подобнымъ Вигилю? Да, это самое худшее, что онъ мнѣ сдѣлалъ: онъ заставилъ меня сомнѣваться въ Богѣ и въ справедливости! Я никогда не испыталъ ничего подобнаго: теперь стою ли, хожу ли, лежу ли, все точно за мной кто идетъ, колотитъ меня молоткомъ въ голову и кнутомъ гонитъ со всѣта долой! Я здѣсь точно не на своемъ мѣстѣ; Вигиль выгналъ меня. Я одно лѣто почти

каждую ночь вставалъ и бродилъ по деревнѣ и полю, точно сумашедшій, я становился передъ домомъ врага и прислушивался, и мнѣ казалось, что онъ кричитъ во снѣ; его долженъ душить домовой. Но все прошло, я опять дома; только такого плохаго времени я не зналъ въ жизни. Потомъ я опять было все забывалъ, думаю: я слишкомъ глупъ, чтобы доискаться, какъ управляется міръ, и самъ я совсѣмъ не заслужилъ, чтобы мнѣ было хорошо, а все-таки Богъ давалъ поспѣвать моему хлѣбу на полѣ, не спрашивая, что у меня на сердцѣ и какъ я грѣшу. Затѣмъ я еще думалъ: Вигиль собственно умеръ и бродилъ на свѣтѣ, какъ привидѣніе; онъ будто ѣстъ, пьетъ и спитъ, а въ самомъ дѣлѣ ничего этого нѣтъ. И чего ты хочешь отъ одного человѣка?.. Это не должно быть, чтобы онъ вынималъ изъ тебя душу; ему было бы такъ весело, кабы онъ зналъ, какъ ты мучаешься, думая о немъ. Нѣтъ, этого больше не будетъ!.... сынъ мой, не желаю, чтобы ты когда либо испыталъ что нибудь подобное. Есть вполнѣ негодные люди и все-таки имъ хорошо живется. Зачѣмъ я честенъ? зачѣмъ добръ со всѣми? не лучше ли не быть таковымъ? Развѣ мы, люди, больше червя, котораго можно раздавить ногою? я тоже могъ бы наступить на него. Столько стеблей не вышло изъ посѣва, сколько Вигиль подарилъ мнѣ плевковъ; и все это солома! и онъ кинулъ меня на солому. Я думалъ, что долженъ взойти на всѣ дома, на всѣ крыши и кричать: «Проснитесь, проснитесь! свѣтъ погибаетъ!» У меня бывало никогда не кружилась голова, когда я, работая, сиживалъ на одномъ бревнѣ, и оно качалось; а теперь на ровномъ полу точно сижу на фронтонѣ; голова кружится. Докторъ говоритъ, что я боленъ и даетъ какое-то лекарство; но никакое лекарство мнѣ не поможетъ; я знаю, чѣмъ я боленъ!»....

Когда мнѣ пришлось все это выслушивать по цѣлымъ часамъ и даже гораздо ѣдче, нежели я могу разсказать, я готовъ былъ провалиться и думалъ, что потеряю голову.

Въ полдень пришелъ священникъ, но не могъ выжить изъ отца жесткія, злобныя мысли; больной повторялъ, что готовъ спросить Бога, какъ онъ терпитъ существованіе подобныхъ людей, и что не откажется отъ этого, если бы даже тѣмъ можно было купить вѣчное блаженство.

Мы часто думали, что онъ уже пересталъ дышать; но какъ только вспомнитъ Вигиля, тотчасъ ему дѣлается лучше. Къ вечеру пришла Магдалина и лишь только она отворила дверь и поздоровалась, какъ отецъ принялся выгонять ее, говоря, что не желаетъ и тѣни изъ дома Вигиля. Она же отвѣчала: «Вы не можете меня выгнать, вы братъ моего отца!» Затѣмъ умная, твердая дѣвушка прибавила: «дядя Вигиль прислалъ меня просить васъ, что вы недолжны умереть съ гнѣвомъ на него; самъ онъ не можетъ придти; онъ слишкомъ черствъ....»

«Лжешь! лжешь!» воскликнулъ отецъ. «Не дѣлай этого, а то и ты будешь за одно съ его собачьей природой. Не надувай меня!»

Магдалина откровенно признается, что сказала только то, что Вигиль долженъ былъ сдѣлать; и то, что не удалось ни мнѣ, ни священнику, ей удалось. Она сказала твердымъ голосомъ: «Дядя! вы употребили сѣмена моего брата на посѣвъ и знаете ли, что вы этимъ сдѣлали? вы посѣяли ненависть, вражду, ядовитое зелье мнѣ и вашему сыну! Это возмутительно! Кто ненавидитъ другаго, кто бы онъ ни былъ, тотъ самъ себѣ вредитъ, и кто желаетъ смерти ближнему, тотъ все равно что убилъ его и не будетъ знать покоя. Мы должны прощать другъ друга; всякій дѣлаетъ что нибудь дурное и еще

больше хочетъ сдѣлать, и если бы всякія желанія исполнялись, то ни кому бы не устоять на свѣтѣ. Кто безгрѣшенъ, пусть броситъ камень....»

На вѣкъ останутся мнѣ памятны глаза, которыми отецъ тогда посмотрѣлъ на Магдалину. Она остановилась, и снова послышался экипажъ Вигиля и такъ близко и явственно, точ-

но онъ ѣхалъ въ комнатѣ. Тогда отецъ промолвилъ: «Прощаю тебя, Вигиль, прощаю!» и онъ вздохнулъ такъ, точно съ него сняли сто-фунтовый камень. Магдалина схватила его руку, а онъ продолжалъ вдругъ совсѣмъ другимъ голосомъ, не столь грубымъ и хриплымъ:

«Да, Магдалина, если ты хочешь выдти за Павла, то все будетъ покончено, и я не возму на тотъ свѣтъ никакой ненависти и злобы.»

Такъ сказалъ онъ, и такъ вѣроятно не соединялись никогда два существа. Мы едва тѳлько начали любить другъ друга и совсѣмъ еще незаглядывали впередъ такъ далеко. Она встала и произнесла:

«Если ты хочешь взять меня, я согласна отъ всего сердца.»

И такъ я, самъ не зная какъ, очутился женихомъ, и всѣ мои планы остаться въ городѣ разлетѣлись прахомъ. У меня своя пашня и свой лугъ, и у Магдалины также столько земли, что мы можемъ держать двухъ коровъ. Все это вертится въ моей головѣ. Отецъ тотчасъ же умеръ, какъ-то незамѣтно:

когда мы взглянули на него, онъ былъ уже мертвъ.... но лице его было такъ свѣтло, такъ счастливо, какъ никогда.

Такъ. Теперь мы прибыли къ нашей деревнѣ. Видите-ли-двухъ женщинъ, учащихъ ребенка бѣгать? это моя жена и сестра....

Живъ ли еще Вигиль и какъ поживаетъ?

Плохая его жизнь окончилась лютой смертію. Это тягостная исторія, которую я разскажу въ другой разъ.

Іосифъ и Веніаминъ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Слова библіи могли быть примѣнены къ королю Іосифу; тамъ въ первой книгѣ Моисея, 42-й главѣ, 8-мъ стихѣ сказано: «Іосифъ узналъ своихъ братьевъ, они же его не узнали...»

Да, и король Іосифъ почиталъ людей за братьевъ; изъ нихъ же не многіе признавали его человѣколюбивое сердце, пока онъ былъ живъ. Доброта и великодушіе не были у него временнымъ настроеніемъ; имъ двигала постоянно потребность и стремленіе дѣлать добро ближнимъ. Онъ шелъ по жизненному пути, какъ по храму, строго и благоговѣйно, всегда помогая другимъ.

Такъ онъ ѣхалъ весною 1777 года въ Парижъ. Свиту свою онъ отослалъ впередъ и остался только съ двумя спутниками, графомъ Коллоредо и Кобенулемъ. Самъ же ѣхалъ инкогнито, подъ именемъ графа Фалькенштейна.

ГЛАВА I.

КРЕСТИНЫ.

«Такъ бываетъ всегда, когда путешествуютъ инкогнито Иной разъ вдругъ и придется снять маску.» Такъ ворчалъ сѣдобородый слуга передъ почтовымъ дворомъ въ Австрійской Германіи, на послѣдней станціи отъ Парижа. Затѣмъ подошелъ къ дверцамъ кареты, почтительно снялъ шляпу и сказалъ: Ваше Величес.... Извините, Г-нъ графъ, здѣсь нѣтъ почтовыхъ лошадей, и мы должны засѣсть въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ.»

— Терпѣніе, терпѣніе, возразилъ звучный голосъ короля, я сойду.

Слуга отворилъ дверцы; спустилъ подножку, и король вышелъ. Ему тогда былъ тридцатый годъ; онъ былъ строенъ, одѣтъ въ сѣрый сюртукъ съ стальными пуговицами; на напудренной головѣ надѣта была трехъугольная шляпа съ тоненькимъ золотымъ ободочкомъ. Когда онъ снялъ ее и сталъ оглядываться, то можно было видѣть прекрасное, продолговатое лицо, мягкіе, свѣтлоголубые глаза; линіи рта выражали невыразимую доброту и дружелюбіе.

«Я долженъ ждать,» сказалъ онъ, смѣясь, своимъ спутникамъ; «долженъ узнать, каково бываетъ прочимъ людямъ, рангъ которыхъ не заготовляетъ имъ повсюду квартиръ.»

Спутники учтиво поклонились въ знакъ согласія, не говоря ни слова. Коллоредо съ строго военной осанкой и рубцемъ на лицѣ былъ не много старше; Кобенуль же, съ гладкими нѣжными чертами, одного возраста съ королемъ.

Вышелъ почтмейстеръ, снялъ шляпу, учтиво поклонился; затѣмъ, какъ бы вспомнивъ, что онъ, свободный человѣкъ, не долженъ преклоняться передъ аристократами, снова быстро надѣлъ ее и сказалъ: «безъ предварительнаго заказа не возможно имѣть на готовѣ столько лошадей, а въ настоящую минуту ихъ и совсѣмъ нѣтъ.»

— Почему же это?

«Потому что своихъ лошадей я отослалъ за кумовьями.»

— Вотъ какъ? У васъ крестины въ домѣ? Считается хорошимъ знакомъ, если при этомъ являются незванные гости; это обѣщаетъ ребенку неожиданное счастіе.

Слушая французскую рѣчь короля, хозяинъ все болѣе и болѣе убѣждался, что пріѣзжіе не французы. Потому онъ отвѣчалъ съ важностью.

«Благодарю васъ! Я безъ предразсудковъ и не желаю хорошихъ предзнаменованій: признавши ихъ, придется признавать и дурныя.

— Такъ вы совсѣмъ не суевѣрны?

«Да. Каждый бываетъ праведнымъ на свой образецъ,» это хорошая поговорка вашего короля, Фридриха Прусскаго. Я просилъ также къ сыну въ крестные отцы протестанта; къ сожалѣнію, онъ не можетъ самъ быть, но ребенокъ получитъ его имя. Священникъ нашъ уменъ и покажетъ, будто ничего о томъ не зналъ.

Все это почтмейстеръ сообщилъ веселымъ тономъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, столь свойственнымъ французамъ, и притомъ съ ловкостью оратора.

Между тѣмъ гости вмѣстѣ съ хозяиномъ вошли въ пріемную комнату. Послѣдній взялъ свернутую картину и сказалъ: «вотъ крестный отецъ моего новорожденнаго; это самый великій человѣкъ нынѣшняго столѣтія.»

— Цѣлаго столѣтія?

«Вашъ король Фридрихъ,» отвѣчалъ почтмейстеръ съ дружелюбной миной, «конечно также великій человѣкъ. Я это признаю, хотя онъ насъ, французовъ, жестоко побилъ. Но мы не виноваты; виновато дурное управленіе Людвика XV-го и жалкіе военачальники. Мой же кумъ еще выше вашего короля, по крайней мѣрѣ по моему. Я не желаю васъ этимъ обидѣть, если вы и Пруссаки; кумъ мой мудрецъ, чародѣй, управляющій молніей, другъ свободы изъ другой страны свѣта.»

— И онъ вамъ писалъ оттуда и далъ свое согласіе?

«Онъ живетъ около насъ, въ Пасси и сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы теперь сидите, и пилъ мое вино и ѣлъ мою хлѣбъ-соль; здѣсь же я хочу повѣсить и его портретъ: кто придетъ, увидитъ и скажетъ: «вотъ одинъ изъ великихъ людей, которыхъ когда либо видѣлъ міръ.» Онъ былъ бѣднымъ типографщикомъ, но его любимая поговорка не умретъ: «добродѣтель есть единственное благородство.»

Съ этими словами онъ развернулъ картину, и посѣтители увидѣли портретъ Веніамина Франклина, а внизу его поговорку.

«Мнѣ очень пріятно,» сказалъ Іосифъ, «что вы такъ высоко чтите этого человѣка.»

— Развѣ вы не вѣрите, что могутъ быть также добрые князья? спросилъ Кобенуль.

«Почему нѣтъ? Каждый можетъ быть хорошимъ человѣкомъ. Я уже сказалъ, что не имѣю предразсудокъ и суевѣрія. Г-нъ Вольтеръ былъ у меня два раза. А что, въ Германіи знаютъ также что-нибудь о моемъ кумѣ?

— Конечно.

«И я вамъ скажу,» продолжалъ словоохотливый хозяинъ, «что версальскій дворъ хочетъ скрытничать, а мы все знаемъ! Американскимъ Штатамъ послали тайкомъ три милліона ливровъ, оружіе и кораблей. Это все равно, когда влюбленные тайкомъ признаются въ любви, думая, что никто о томъ ничего не знаетъ, а свѣтъ уже давно все провѣдалъ.

Франція должна помочь американцамъ основать свободу, и если бы сынъ мой, котораго крестятъ сегодня, подходилъ лѣтами, я съ радостью послалъ бы его за море. Тамъ мы отрубимъ проклятымъ англичанамъ правую руку.

Веселый рожокъ почтальона раздался передъ домомъ и

почтмейстеръ поспѣшилъ на встрѣчу новоприбывшимъ. Король спокойно сидѣлъ и сказалъ вполголоса, какъ бы про себя: «Въ этомъ французскомъ народѣ удивительно возбужденный, смѣлый духъ, и какъ здѣсь, такъ во всей Европѣ, а по ту сторону моря это перешло въ настоящее смятеніе. Можно направлять возбужденные умы вмѣсто того, чтобы бичевать ихъ, вести, а не угнетать. Высокій жребій быть властелиномъ свободныхъ людей, стоять во главѣ ихъ, руководить ими и учить тому, что мужество и сознаніе собственнаго достоинства не должны преслѣдоваться какъ порокъ, а напротивъ поощряться. Обязанность и вмѣстѣ сила правителя заключается не въ помраченіи умовъ, а въ ихъ просвѣтленіи.

Почтмейстеръ вышелъ въ сопровожденіи мущинъ и женщинъ, украшенныхъ цвѣтами, и сказалъ путешественникамъ, что они могутъ продолжать путь, какъ только покормятъ лошадей; но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почтительно проситъ ихъ присутствовать при торжественной церемоніи.

Король всталъ и, дружески улыбаясь, сказалъ веселымъ тономъ: «Чистосердечный и чуждый предразсудковъ, почтенный хозяинъ! угодно ли вамъ взять въ крестные отцы неизвѣстную личность?»

— Если это честный человѣкъ, съ удовольствіемъ.

«А я кажусь ли вамъ честнымъ?

— Да, честнымъ нѣмцемъ. Guttemann! добавилъ онъ отрывисто, съ иностраннымъ акцентомъ. Я тоже учился по нѣмецки, только не много.

— Всѣ люди братья! воскликнулъ онъ въ шумномъ воодушевленіи, какъ бы уже подъ вліяніемъ праздничной выпивки. Вотъ моя рука, Г-нъ кумъ! Если только жена не будетъ противъ этого. Сударыня, воскликнулъ онъ, проворно подскочивъ къ другой комнатѣ; милости прошу сюда. Знатный господинъ

изъ Пруссіи желаетъ быть крестнымъ отцемъ нашего сына. Вотъ жена.»

Появилась стройная почтмейстерша, не переставшая низко кланяться и повторять:

«Если только имъ угодно, я очень рада. А вы женаты?» спросила она потомъ боязливо.

— Былъ женатъ, отвѣчалъ Іосифъ.

«Есть у васъ дѣти?

— Имѣлъ одного ребенка.

Мужъ и жена съ соболѣзнованіемъ посмотрѣли на чужестранца, намѣреваясь услышать его имя.

Ударили въ колоколъ, и всѣ въ порядкѣ приготовились идти въ церковь. Ребенка—это былъ свѣжій, веселый мальчикъ—несла впереди дѣвушка, а за ней слѣдовали всѣ родственники и друзья. Король шелъ возлѣ матери. Передъ алтаремъ почтмейстеръ объявилъ, что кромѣ отсутствующаго зятя желаютъ быть воспріемниками Веніаминъ Франклинъ и находящійся на лицо чужестранецъ.

—Какого вы вѣроисповѣданія? спросилъ священникъ.

«Католическаго», отвѣчалъ Іосифъ.

— Ваше имя?

«Іосифъ.»

— Іосифъ? дальше ничего?

«Вторый.»

— Вторый? странная фамилія; а ваше званіе?

«Передъ Богомъ нѣтъ инкогнито! воскликнулъ король съ блистающимъ взоромъ. Я римскій король нѣмецкой націи, Іосифъ Австрійскій.

Молодая кума отъ страха чуть не уронила дитя; но Іосифъ взялъ его на руки и весь встрепенулся при мысли, что здѣсь въ чужомъ краю держитъ новорожденнаго, привѣтствуетъ

и благословляетъ этотъ новый отпрыскъ человѣчества. И когда дитя раскрыло глазки и встрѣчалось съ его взоромъ, то царь пережилъ тотъ высокій, торжественный моментъ, когда вся земля, осѣненная свѣтомъ правды, является человѣку блестящей звѣздой на чудномъ горизонтѣ.

Крещеніе совершилось. Іосифъ, все еще держа дитя, сказалъ: «Благословляю тебя, дитя мое! ты носишь имя простаго гражданина и имя короля; будь равно силенъ въ свободѣ и самостоятельности, какъ человѣкъ, и въ послушаніи, какъ гражданинъ. Вотъ тебѣ на память.»

И онъ положилъ на подушку оправленный въ брилліантахъ медальонъ съ своимъ портретомъ.

Экипажи стояли уже готовые. Король уклонился отъ нескончаемыхъ изъявленій благодарности, быстро сѣлъ въ карету, и за нимъ раздалось: «да здраствуетъ король Іосифъ!»

Такъ 18-го Апрѣля 1777-го направился онъ къ Парижу. По лѣвую его сторону сидѣлъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Коллоредо, а напротивъ совѣтникъ Кобенуль.

Король не говорилъ ни слова, и спутники его тоже молчали. Насѣдка, снесшая утокъ и видящая ихъ смѣло плавающими по опаснымъ водамъ, не можетъ быть трусливѣе и растеряннѣе настоящаго придворнаго, когда онъ вынужденъ видѣть, а тѣмъ болѣе принимать участіе въ какомъ либо простомъ гражданскомъ поступкѣ властелина, отрѣшившагося отъ своего титула и всякихъ церемоній. Съ одной стороны онъ долженъ выказывать полное сочувствіе, съ другой постоянно быть готовымъ отстранять нарушеніе величія и защищать короля въ случаѣ надобности.

Да, трудная задача быть спутникомъ царя, желающаго разыгрывать простаго человѣка.

Это выражалось въ минѣ Кобенуля, когда онъ думалъ:

«странные припадки! это приливъ гуманности, а кто страдаетъ головокруженіями, тому трудно усидѣть на тронѣ. Тамъ на верху не слѣдуетъ заботиться о томъ, какъ все копошится на свѣтѣ. Вмѣсто того, чтобы весело разъѣзжать по свѣту, разыгрывать изъ себя какого-то уличнаго чудака! Непостижимо!»

Коллоредо тоже думалъ: «Истинное несчастіе, что государь готовъ бы на каждой станціи останавливаться и упражняться въ добрыхъ дѣлахъ, идя тѣмъ самымъ прямо противъ своей цѣли.» Такъ и еще хуже этого разсуждали подчиненные. Кабы царь зналъ ихъ мысли, онъ простилъ бы имъ. Онъ пожалѣлъ бы только людей, у которыхъ воспитаніе и привычки отняли лучшее счастіе въ жизни: всегда и повсюду приближаться къ своимъ ближнимъ чистѣйшей любовью.

Но Іосифъ смотрѣлъ на ландшафтъ полей, и въ душѣ его еще раздавался звукъ органа маленькой церкви.

Эта поѣздка была ему священна: въ Парижѣ онъ долженъ былъ привести въ исполненіе свое гуманное намѣреніе.

ГЛАВА II.

ВСТРѢЧА НА НОВОМЪ МОСТУ.

«Вотъ и Парижъ!» воскликнулъ сидящій возлѣ почтальона камердинеръ. Карета на минуту остановилась, и слышенъ былъ стукъ и шумъ, подобный приливу морскихъ волнъ.

Король выглянулъ. «Парижъ,» пробормоталъ онъ про себя, снова садясь. «И такъ мы видимъ городъ, куда стекаются граждане цѣлаго свѣта. Вы смѣетесь, Кобенуль? скажите, что думаете въ эту минуту? вы знаете Парижъ издавна; какъ онъ на васъ дѣйствуетъ?

— Ваше величество, могу ли я говорить совершенно откровенно?

«Кто объ этомъ спрашиваетъ,» возразилъ король нетерпѣливо, «значитъ хочетъ что-нибудь утаить и самымъ позволеніемъ говорить откровенно выиграть шансъ отдѣлаться ложью.»

— Милостивѣйшій государь, началъ придворный, лукаво улыбаясь и принимая наставленіе какъ милость. Я дѣлаюсь грѣшникомъ, лишь только начинаю дышать одуряющимъ воздухомъ этого города. Наша Вѣна тоже весела и полна жизни, но какое блѣдное, неуклюжее сравненіе съ этимъ танцующимъ, бѣснующимся Парижемъ! Нашъ нѣмецкій языкъ, къ сожалѣнію, такъ бѣденъ и вѣчно ходитъ въ деревянныхъ башмакахъ.... правда конечно что это была грѣшная, нечестивая жизнь при Людвикѣ XV-мъ и М-ме Помпадуръ; за то было ве-

село, занимательно. Наслажденій вволю; жизнь не омрачалась никакой школьной моралью, и признаюсь, я готовъ бы снова вернуться къ этимъ веселымъ временамъ. Мнѣ очень грустно, что высокое благородство и скромная простота вашего высочества пренебрегаетъ княжескимъ блескомъ. Какъ бы было славно, кабы насъ здѣсь встрѣтила гвардія и парадныя кареты, его Величество король и ваша свѣтлѣйшая сестрица, королева Марія Антуанетта! а вдобавокъ шумъ колоколовъ и громъ пушекъ; а народъ радъ бы накричаться, и такъ какъ эти французы ничего не знаютъ о нашей священной отчизнѣ и отличаются особеннымъ невѣжествомъ въ географіи, то они кричали бы: «да здравствуетъ императоръ австрійскій!»

«Теперь вѣрю, что вы все сказали, Кобенуль; но я не желаю этого блеска. При громѣ пушекъ и колоколовъ, при всей этой пышности невозможно слышать внутренній голосъ человѣческихъ душъ. Я желалъ бы знать, что кроется въ этомъ народѣ; желалъ бы познакомиться съ смѣлыми и великими умами, двигающими міромъ гораздо болѣе всѣхъ дипломатовъ и военачальниковъ; голоса ихъ раздаются громче колоколовъ и пушекъ. Я надѣюсь также вернуться домой, обогащенный воспоминаніями, познаніями и умѣніемъ осчастливить мой народъ.

— Ужъ конечно великій союзникъ, замѣтилъ Коллоредо. Если ваше величество сдѣлаетъ нашимъ истиннымъ союзникомъ своего шурина, короля Франціи и королеву, очаровавшую сердца веселыхъ французовъ....»

«Почему вы это знаете?» прервалъ рѣзко Іосифъ. «Моя сестра легко впала во французскій тонъ. Къ ней присланъ былъ въ Вѣну этотъ безразсудный аббатъ Фермондъ, чтобы съ дѣтства поставить ее на французскій ладъ.»

Король смотрѣлъ въ землю. Глубокая горесть, отравлявшая всю его жизнь, просилась наружу, но онъ удержался.

Снова онъ чувствовалъ себя одинокимъ, какъ всякій геній. Все, встрѣчаемое и слышанное имъ, возбуждало въ немъ наблюдательность, которую не съ кѣмъ было дѣлить, а въ глубинѣ души онъ все-таки желалъ осчастливить свѣтъ.

На прекрасномъ, молодомъ лицѣ остался отпечатокъ горести, а въ свѣтлыхъ глазахъ былъ влажный блескъ, свидѣтельствующій о глубокомъ внутреннемъ волненіи.

Почтальонъ весело трубилъ. Пѣшеходы и катающіеся, люди съ ношей и безъ ноши, всѣ смотрѣли весело, точно здѣсь постоянно было Воскресенье.

Французы, обыкновенно держащіе себя такъ, точно съ ними происходитъ нѣчто необыкновенное, съ дружеской улыбкой кланялись чужестранцамъ изъ Меца, какъ бы каждый желалъ заявить: «Я защитникъ наилучшаго народа на свѣтѣ! Милости просимъ, знатный господинъ изъ необразованныхъ странъ; у тебя много денегъ, много молодой жизни; мы тебѣ хорошо услужимъ....» говорилъ каждый легкій поклонъ, каждое движеніе руки.

Король нарочно пріѣхалъ днемъ раньше, нежели назначилъ, чтобы избѣжать торжественности пріема и спокойно взять номеръ въ простой парижской гостинницѣ. Передъ сестрой онъ долженъ былъ появиться въ Версалѣ съ парадным шествіемъ, какъ требовалъ тогдашній этикетъ французскаго двора.

Прямо поѣхали къ дому австрійскаго посланника, графа Мерси. Послѣдній былъ боленъ, и чрезвычайный англійскій посланникъ, графъ Бегліозо, взялся быть вожатымъ Іосифа по Парижу.

День былъ свѣтлый. Іосифъ не зналъ усталости и предложилъ своему спутнику отправиться пѣшкомъ.

«Что желаете вы прежде всего видѣть, ваше величество?»

— Поведите меня къ памятнику Генриха IV-го.

Посланникъ сначала былъ сильно озадаченъ; затѣмъ, оправившись, сказалъ съ выраженіемъ неподдѣльной теплоты: «Это привилегія возвышенныхъ умовъ, угадывать подходящее къ себѣ. Изъ всѣхъ волненій прошедшей и настоящей жизни, что прежде всего можетъ интересовать Іосифа?.... Я понимаю, что это не можетъ быть иначе: онъ идетъ поклониться своему святому, признанному святымъ не церковію, а вѣчнымъ духомъ добродѣтели и любви къ человѣчеству.»

«У насъ по крайней мѣрѣ одинакіе враги,» сказалъ Іосифъ, которые и теперь какъ тогда преслѣдуютъ каждое сердце, любящее добро и свободу и ненавидящее папское властолюбіе. Іезуиты, вонзившіе въ Генриха IV-го смертоносную стрѣлу Равальяка, конечно разсѣяны теперь, спустя 160 лѣтъ, и не появятся болѣе, пока я живъ и властвую, хотя я знаю, что ихъ незримые кинжалы постоянно на меня направлены.

На новомъ мосту передъ статуей Генриха король снялъ шляпу и долго смотрѣлъ. Передъ нимъ проносилась жизнь этого государя, который взявъ на себя трудную задачу исцѣлить потрясенную и разстроенную Францію, принужденъ былъ принять католическую вѣру; но всегда остался вѣренъ правилу, что никто за свои религіозныя убѣжденія не долженъ быть притѣсняемъ въ человѣческихъ и гражданскихъ правахъ; какъ наконецъ онъ палъ мученикомъ своего высокаго и свѣтлаго духа.

Іосифъ замѣтилъ вслухъ: «Какъ много лгутъ государямъ при жизни въ лице и какъ часто лгутъ даже и по смерти на ихъ памятникахъ! Вотъ этотъ заслужилъ свою надпись: «Отецъ народа!» я тоже желалъ бы такого прозвища; лучшаго быть не можетъ.

Спустя нѣсколько времени, Бегліозо прибавилъ: «И какъ истинный отецъ Генрихъ любилъ хорошо кормить народъ: чтобы каждое воскресенье была курица въ горшкѣ каждаго крестьянина. Онъ не могъ успокоиться, не достигнувши этого.»

«Да, отозвался король, привести народъ къ благосостоянію, къ пріятностямъ жизни, вотъ въ чемъ кроется основаніе духовной свободы и чистоты нравовъ.»

Пока они стояли такимъ образомъ, по другой сторонѣ проходилъ стройный мущина. Еще издали видно было, что всѣ передъ нимъ преклонялись, хотя на немъ не было никакого внѣшняго отличія. Онъ велъ за руку красиваго бѣлокураго мальчика лѣтъ четырнадцати, который былъ совершеннымъ портретомъ старика, такъ что тотъ являлся въ двухъ лицахъ. Когда онъ приблизился, Бегліозо также поклонился. На немъ былъ простый темный сюртукъ, доходившій почти до самыхъ ногъ, гдѣ башмаки застегивались большими безобразными пряжками. Онъ снялъ также свою черную квакерскую шляпу съ широкими полями, и благородная физіономія кротко и скромно выглядывала изъ-за серебристыхъ локоновъ, не завитыхъ и не напудренныхъ.

«Кто это?» спросилъ Іосифъ.

— Онъ идетъ противоположнымъ съ вами путемъ, ваше величество; отъ самой низшей ступени, изъ нужды и бѣдности, онъ достигъ высочайшихъ почестей, тогда какъ ваше величество напротивъ съ высшей ступени спускаетесь до самыхъ низшихъ.

«Кто онъ такой?» повторилъ король настойчиво.

— Докторъ Франклинъ, тайный руководитель дѣлъ возставшихъ теперь англійскихъ колоній въ Америкѣ.

«Веніаминъ Франклинъ?»

— Конечно, ваше величество.

Королю показалось странно, что онъ при первомъ шагѣ въ Парижѣ лично встрѣчаетъ человѣка, имя котораго было сегодня же внесено въ церковную книгу рядомъ съ его именемъ. «Его, кажется, очень любятъ во Франціи? Что вы о немъ думаете?»

«Это человѣкъ, пристыдившій всѣ дипломатическія преданія и вводящій въ государственную политику новую силу, такъ называемое общественное мнѣніе. Я видѣлъ многія шумныя увлеченія, но такого обожанія, какое возбуждаетъ этотъ человѣкъ равно въ высшихъ и низшихъ слояхъ, никогда не встрѣчалъ. Онъ еще не признанъ посланникомъ при версальскомъ дворѣ, но тѣмъ не менѣе пользуется огромнымъ кредитомъ у французовъ и служитъ главнѣйшей помѣхой нашимъ планамъ.

— Какимъ образомъ?

«Намѣренія его прямо противоположны нашимъ. Версальскій дворъ еще думаетъ выбирать, но онъ уже будетъ вынужденъ послѣ первыхъ побѣдъ бунтовщиковъ, или какъ ихъ здѣсь называютъ, инсургентовъ, заключить открытый союзъ съ Америкой. Тогда не можетъ быть рѣчи о полученіи надлежащаго союза для нашихъ дѣйствій въ Америкѣ и при-дунайскихъ земляхъ. Этому Франклину обстоятельства благопріятствуютъ. Франція хочетъ отмстить Англіи за униженіе при заключеніи послѣдняго міра. Такъ называемыя общія человѣческія права, проповѣдуемыя до сихъ поръ только писателями, въ первый разъ введены инсургентами въ силу закона, и Франклинъ съ Адамсомъ и Джефферсономъ утвердили ихъ рѣшеніемъ конгресса. Этимъ онъ теперь заслужилъ особенную славу. Что обыкновенно удѣляетъ народу великодушіе и отеческая любовь государей, съ этихъ поръ будетъ требоваться какъ право, а наше ослѣпленіе таково, что отсылая въ Америку какую-ни-

будь взбалмошную голову, отъ которой надѣемся избавиться, не понимаемъ, что черезъ это самое возникаютъ тысячи подобныхъ на нашу собственную опасность. Французамъ льститъ мысль помочь другимъ основать республику. За то какой это будетъ урокъ для самой Франціи! Въ Версали къ сожалѣнію этого не предугадываютъ и мечтаютъ только о смиреніи Англіи. Вѣрите-ли, ваше величество, что здѣсь ни о чемъ другомъ нѣтъ рѣчи, какъ только объ американской республикѣ. Дворъ еще разыгрываетъ скрытность и ложь. А между тѣмъ вотъ на дняхъ одинъ изъ молодыхъ отпрысковъ извѣстнѣйшей фамиліи, пылкій Маркизъ де Лафаэтъ, женившійся на дочери графа Аэна и имѣющій не болѣе двадцати лѣтъ, бросилъ жену и дитя, соорудилъ на собственныя средства фрегатъ и со множествомъ офицеровъ, солдатъ, оружія и разныхъ припасовъ отплылъ изъ Бордо въ Америку. Однако въ Бордо его было арестовали какъ дезертера, но снова выпустили изъ рукъ и по требованію Англіи послали за нимъ два военныхъ корабля. Народъ же хорошо знаетъ, что это была чистѣйшая комедія; а французамъ нравится играть собою и другими.

— Вы такъ дурно думаете о Французахъ?

«Ни мало; это достойный любви, одушевленный народъ; ему особенно нравится шумно, граціозно помогать другимъ, и этотъ походъ въ Америку....»

— Все это американское дѣло, сказалъ Іосифъ почти съ неудовольствіемъ, мало привлекаетъ меня. Мое призваніе быть роялистомъ. Въ этомъ я не заступаю дорогу доктору Франклину. Но я желалъ бы видѣть, что могу я и наше дѣло, желалъ бы съ нимъ поговорить.

«Вашему величеству стоитъ только приказать. Но я долженъ предупредить, что это надѣлаетъ много шума. Я самъ говорилъ съ нимъ не разъ, и долженъ сознаться, что эта

истинная, или фальшивая простота и спокойное величіе не могутъ не возбуждать удивленія. Въ обществѣ здѣсь смотрятъ на него какъ на пророка изъ библейскихъ временъ, или, такъ какъ это сравненіе не нравится и отзывается язычествомъ, то его называютъ Солономъ, Платономъ, Аристидомъ, республиканцемъ временъ Катона и Фабія. Но при всемъ воздаваемомъ ему почтеніи онъ сохраняетъ свое спокойствіе и твердо, незыблемо преслѣдуетъ свою цѣль.

Онъ никуда не втискивается и всюду желанный гость. Главная особенность его натуры состоитъ въ томъ, что онъ можетъ обойтись безъ людей и довольствоваться самимъ собою, людей же, необходимыхъ ему для его цѣлей, онъ умѣетъ такъ поставить, что они заискиваютъ въ немъ и обыкновенно должны быть ему благодарны.

— Устройте такъ, прервалъ король, чтобы я могъ какънибудь случайно съ нимъ переговорить. Куда же теперь намѣрены вы вести меня?

«Не желаетъ ли ваше величество посмотрѣть соборъ?»

— Нѣтъ, коротко отвѣтилъ Іосифъ. Но не зовите меня величествомъ; я графъ Фалькенштейнъ. Отправимся въ Отель Діё.

«Большой госпиталь недавно сгорѣлъ.

— Все-таки я хочу видѣть, какъ содержатся больные.

Они поѣхали въ больницу въ наемной каретѣ. Дорогой Бегліозо предупредилъ короля, что каждое его слово, каждый поступокъ непремѣнно будутъ переданы въ министерство, при дворѣ и т. д., что повсюду есть шпіоны.

«И въ больницахъ даже?» спросилъ Іосифъ.

— Тамъ преимущественно, и тамъ пожинается особенно изобильная жатва. Въ болѣзни и по ночамъ люди чаще проговариваются. Не только прислуга шпіоны, но нарочно подсылаютъ представиться больнымъ, чтобы разузнать жизнь и мысли другихъ.

Іосифъ мысленно горько улыбался; онъ зналъ, что и самъ король окруженъ шпіонами.

Какая глупая комедія на свѣтѣ!

Король не могъ удержаться, чтобы не побывать въ общихъ залахъ. Сердце его возмущалось при видѣ, какъ по

нѣскольку больныхъ лежитъ на одной кровати. Здѣсь царила грязь и бѣдность, тогда какъ дворъ кичился расточительными празднествами. Онъ сказалъ громко: «этотъ домъ не отзывается благодѣяніями,» и оставилъ значительную сумму на устройство кроватей.

Въ тотъ же день по всему Парижу прошла вѣсть изъ устъ въ уста о томъ, что сдѣлалъ Іосифъ, послѣ чего вскорѣ перешла въ Версаль и по другимъ дворамъ.

ГЛАВА III.

ВОСПИТАННИКЪ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

Въ маѣ 1777-го свѣтилъ полный мѣсяцъ, и все красовалось въ его сіяніи. Не менѣе прелестная весна царила тогда въ душѣ людей, поднявшихся за свободу и счастіе. Все было еще такъ свѣтло и полно будущности, какъ бываетъ весною на землѣ, и грудь всѣхъ вздымалась веселымъ блаженствомъ. Всѣ чувствовали, что въ умы проникла новая весна, и никто не предвидѣлъ, какія лѣтомъ забушуютъ бури и непогоды и какъ мало зрѣлыхъ плодовъ получится осенью.

Свѣжимъ майскимъ утромъ, въ лежащей близь Парижа деревеньки Пасси изъ одного дома, окруженнаго садомъ, вышелъ человѣкъ. То былъ Франклинъ. Миръ, покоящійся на всей землѣ, казалось, просвѣчивалъ во всемъ его существѣ; а между тѣмъ онъ жилъ здѣсь посломъ своей отчизны, подвизавшейся въ столь тяжкой борьбѣ. Изъ городскаго шума, отъ почестей, прелестей и соблазновъ большаго свѣта удалился онъ въ эту мирную тишину. Когда же онъ затѣмъ вступалъ снова въ общество, ошеломленные безпокойствами и враждой, чувствовали, что къ нимъ спускался съ высоты чистаго мышленія человѣкъ, возвышенное спокойствіе котораго всѣхъ умиротворяло, и удивленіе, возбуждаемое имъ, переходило въ обожаніе.

Въ длинную, измѣнчивую жизнь Франклинъ изучилъ трудную науку самоуправленія и самообладанія; все, волновавшее его сердце и умъ, онъ строго взвѣшивалъ, принималъ во вниманіе и провѣрялъ законами разума все, посылаемое ему судьбою. Такимъ образомъ онъ былъ мудрецомъ, который, будучи поставленъ среди бурныхъ переворотовъ всемірной исторіи, отличался непоколебимымъ хладнокровіемъ, направлялъ людскія страсти кроткой обдуманностью, и всякое лукавство встрѣчалъ съ мудрой предусмотрительностью. Превратности мірской жизни не изумляли его и не отнимали присутствія духа. Онъ изобрѣлъ громоотводъ, дѣлающій невредимой воспламенительную силу грозовой тучи, и когда теперь во Франціи собирались темныя, грозныя тучи, онъ умѣлъ ихъ зажигательный лучъ обратить во благо своей отчизнѣ.

«У меня есть счастливая находка для нашего дѣла!» воскликнулъ человѣкъ, быстро вышедшій въ садъ.

Франклинъ съ сердечнымъ привѣтствіемъ подалъ ему руку.

«И вы ничего не спрашиваете?» спросилъ онъ снова.

— Я хочу вамъ дать перевести духъ, отвѣтилъ Франклинъ.

Пришедшій былъ весьма щеголевато одѣтъ; и во всемъ его существѣ, равно какъ въ выраженіи физіономіи проглядывало безпокойное волненіе. Онъ положилъ нѣжную руку на плечо собесѣдника и взглянулъ на него съ довѣрчивой улыбкой. Это былъ поэтъ Бомарше, только что вошедшій въ славу своимъ Фигаро; но слава эта не удовлетворяла его. Онъ съ большимъ рвеніемъ ходатайствовалъ о тайной высылкѣ денегъ и оружія въ Америку и по собственной охотѣ и на свой страхъ отсылалъ корабли съ военными потребностями подъ именемъ испанскаго купца. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова воскликнулъ: «вы дипломатъ первой степени!»

— Если во мнѣ и есть что нибудь годное для диплома-

тіи, отвѣчалъ Франклинъ, то я этимъ обязанъ конечно не своему высокому происхожденію. Я старый человѣкъ, и опытъ научилъ меня, что мудрость есть также добродѣтель, не менѣе доброты; они нужны одна при другой, какъ два глаза, какъ двѣ руки.

«А о своей осторожности и спокойствіи вы ничего не знаете?

— Я обладаю собственно единственнымъ качествомъ, не лишнимъ для благосостоянія человѣка, — это терпѣніемъ. Я могу ждать, и на сколько мнѣ кажется моимъ слабымъ разумѣніемъ, это главное искусство дипломатіи. Я всю свою жизнь въ ней упражнялся, не помышляя о томъ, что ее придется пустить въ ходъ въ такихъ великихъ событіяхъ. Теперь я завишу отъ того, что дѣлаютъ другіе, чего никогда не было; долженъ всегда ожидать чужихъ извѣстій и изображать не то авантюриста, достойнаго сожалѣнія, не то значительное лицо, ужъ самъ не знаю. Благородный другъ мой и другъ моей отчизны! мнѣ необходима спокойная сдержанность. Кто замѣшанъ во внѣшнее событіе,—хотя бы это было мощное и возвышенное воодушевленіе французскаго народа,—кто перенесъ собственную точку опоры на внѣшнюю, тотъ падаетъ, если послѣдняя ослабнетъ.»

Торопливый французъ успокоился подъ вліяніемъ спокойствія мудреца и сообщилъ, что въ американскую армію намѣренъ поступить нѣмецкій генералъ, флигель-адъютантъ прусскаго короля Фридриха II-го, принадлежащій къ первѣйшимъ фамиліямъ; «баронъ», проговорилъ разскащикъ съ лукавымъ удареніемъ, зная, что и у американцевъ это имѣетъ большое значеніе, не смотря на ихъ республиканское равенство.

«Всѣ націи,» воскликнулъ онъ, «должны принять участіе въ борьбѣ, потому что тутъ тринадцать штатовъ стоятъ не за

себя только, а за все человѣчество. Франція послала Лафайэта, Польша Костюшко и наконецъ теперь Германія генерала Штейбена. Могу также сообщить вамъ, что наши министры уже переговариваются съ генераломъ. Сенъ-Жерменъ, старый другъ и поклонникъ барона и Вергенесъ высоко его почитаютъ. Генералъ, добровольно отказавшійся отъ службы при Фридрихѣ прусскомъ и служившій послѣ того при маленькихъ германскихъ дворахъ, теперь здѣсь случайно проѣздомъ въ Англію. Войдя въ кабинетъ Сенъ-Жермена, онъ увидалъ его за большой картой. «Что это такое?»—Мѣсто вашего будущаго сраженія, отвѣчалъ Сенъ-Жерменъ и подалъ ему карту Соединенныхъ Штатовъ. Онъ хотя поселился въ Версали, но живетъ скрытно. Съ участіемъ этого человѣка американская война получитъ неисчислимую силу. Человѣкъ столь великодушный и храбрый, герой испанской школы Фридриха, знакомый съ препятствіями и трудностями только затѣмъ, чтобы всегда преодолѣвать ихъ,—и ужели вы не радуетесь вмѣстѣ со мною и не спѣшите привѣтствовать его отъ имени вашей отчизны?

— Раздѣляю вашу радость и благодарю васъ, проговорилъ Франклинъ задумчиво. Но торопиться никакъ не слѣдуетъ, потому что онъ, какъ вы говорите, находится въ Версали подъ надежнымъ надзоромъ. О, мой другъ! продолжалъ онъ съ большимъ жаромъ; я не могу не дивиться тонкой политикѣ его величества. Онъ посылаетъ намъ храбраго нѣмецкаго генерала, но нѣмецкаго, за котораго ничему не подвергнешься въ случаѣ, если его схватятъ Англичане на морѣ.

— Можетъ быть и такъ, но это не мѣшаетъ принять его.

«Конечно мѣшаетъ; я не смѣю позволить себѣ больше свободы дѣйствій, нежели министры его величества. Я знаю'

что въ душѣ они, равно какъ и весь французскій народъ, преданы нашему дѣлу также ревностно, какъ я.»

— Пускай министры такъ думаютъ и творятъ, что хотятъ! воскликнулъ Бомарше, качаясь во всѣ стороны; мы знаемъ свое дѣло. Міру должно быть показано хоть разъ, что республика дѣйствительно можетъ быть на землѣ.

Франклинъ кивнулъ въ знакъ сочувствія и, не уклоняясь отъ своей цѣли, продолжалъ: «Такъ какъ въ моемъ скромномъ домикѣ нѣтъ коморки, то я долженъ отказаться отъ удовольствія видѣть генерала.»

— Вы намѣрены его отклонить.?

«Ни мало. Повторяю только, что уже часто говорилъ: я не уполномоченъ завербовывать солдатъ для своей родины. Вы знаете, сколько авантюристовъ осаждаютъ меня, желающихъ стать въ главѣ; каждый понимаетъ по своему наши дѣла, стараясь между тѣмъ составить себѣ фортуну. Я совсѣмъ не ставлю вашего генерала на ряду съ подобными авантюристами. Ваша рекомендація, равно какъ министра его величества, даетъ ему большое преимущество. Но если я стану явно вербовать, или даже тайно — а есть-ли здѣсь что-либо тайное?—Я здѣсь только потому и спокоенъ, что мнѣ нечего скрывать... Если же я приму на службу генерала, то подвергну нашихъ друзей, министровъ и французскій народъ, опасности тѣмъ, что скромное мое положеніе сдѣлается извѣстнымъ.»

— Вы должны скорѣе рѣшиться и дѣйствовать, если только вашъ посолъ Діанесъ уже не принялся рѣшительнѣе за дѣло. Выбирайте что-нибудь одно, потому что я слышалъ, что вашъ противникъ или соискатель хочетъ также привлечь на свою сторону генерала.

«Мой противникъ? Я желалъ бы, чтобы это былъ одинъ; но ихъ у меня легіонъ.»

— Этотъ противникъ самъ цѣлый легіонъ. Признаюсь, прелюбопытно наблюдать, какъ благосклонность общества и народа дѣлится между вами и королемъ Іосифомъ. Онъ, подобно вамъ, другъ философіи и свободнаго духа, простой, благотворительный и чистосердечный человѣкъ. «Ничего не могло бы быть для насъ хуже какъ этотъ союзъ съ Австріей. Хотя этотъ король и можетъ быть кумиромъ народа, — про него говорятъ много хорошаго, передъ нимъ благоговѣютъ, выставляя тѣмъ ничтожество нашего двора,—но все таки союзъ съ Австріей сомнителенъ и шатокъ и былъ бы не болѣе, какъ союзомъ дворовъ; за то въ возвышеніи Америки свѣтится сила и свобода. Вы одерживаете верхъ надъ королемъ!

— Не я. Побѣждаетъ то, что Франція и Америка составляютъ одну душу, одно сердце. Я люблю этого короля; у него должно быть твердое, чистое сердце, когда онъ при своемъ санѣ могъ сдѣлаться человѣкомъ простымъ, свободнымъ, воспріимчивымъ къ хорошему. Возвыситься до такой степени должно быть несказанно трудно королю. Я ему не желаю стоять поперегъ дороги.

«Но мы, друзья свободы и родины, всѣ противъ него. При дворѣ стараются о томъ, чтобы переданное королю съ баснословною наивностью человѣколюбіе Іосифа отвратило его отъ него.»

— Это совсѣмъ не хорошо, злоупотреблять добродѣтелью, замѣтилъ Франклинъ.

«Мы этого не дѣлаемъ; это дѣлаетъ самъ Іосифъ. Можетъ-ли король видѣть равнодушно, какъ его посторонній собратъ показываетъ ему, что слѣдуетъ быта простымъ, снисходительнымъ другомъ мудрости? Я понимаю, что онъ это

дѣлаетъ съ добрымъ намѣреніемъ; но тѣмъ не менѣе это оскорбляетъ короля. Кто внутренно недоволенъ самимъ собою, тотъ во всякомъ преимуществѣ другаго видитъ упрекъ, или даже преднамѣренный вызовъ и обиду.»

— Вы поэтъ и можетъ быть это принадлежность поэтовъ, забавляться надъ людскими отношеніями.

Когда Бомарше разсказывалъ, что поговариваютъ о намѣреніи Іосифа посѣтить Франклина, разговоръ былъ прерванъ: въ садъ вошелъ посолъ Франклина, Силасъ Діанесъ. За нимъ слѣдовалъ генералъ Штейбенъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, статный и сильный, съ почтительной физіономіей. Бомарше представилъ его. Франклинъ принялъ его съ большой сдержанностью и рѣшительно объявилъ, что не можетъ завербовывать, хотя бы и такого драгоцѣннаго воина.

— Я вступаю волонтеромъ, отвѣчалъ Штейбенъ, и не предлагаю никакихъ условій; не требую ни денегъ, ни титула; а хочу только служить народу, ведущему столь благородную борьбу за свои права и свободу. Надѣюсь, что двадцать одинъ годъ службы въ школѣ Фридриха Великаго даютъ мнѣ право на имя опытнаго офицера; и если у меня есть какія способности къ войнѣ, то въ этомъ случаѣ они будутъ употреблены наилучшимъ образомъ. Я желалъ бы купить своей кровью честь быть названнымъ со временемъ въ числѣ защитниковъ вашей свободы.

Лице Франклина чуть замѣтно передернуло: человѣкъ съ такими глубокими познаніями свѣта и людей стоялъ теперь передъ загадкой. Онъ зналъ англичанъ, французовъ, испанцевъ; но нѣмецкая натура была ему неизвѣстна. Это соединеніе пламеннаго одушевленія съ трезвой осторожностью, эта сжатая сила, отрекавшаяся отъ военной славы и желавшая заявить себя только внутренней, не блестящей дѣятельностью,

эта замкнутая преданность данной минутѣ и вмѣстѣ высокій взглядъ помимо собственной личности въ будущность исторіи, —все это было нѣмецкое и чуждое.

Ко всему этому Франклинъ съ глубокой горечью думалъ обо всемъ нѣмецкомъ и не могъ принять нѣмца иначе, какъ съ холоднымъ дружелюбіемъ. Діанесъ замѣтилъ послѣднее и сказалъ:

— Нельзя не радоваться, что намъ желаетъ содѣйствовать нѣмецкій генералъ. Слабость,—въ которой конечно народъ не виноватъ—вопіющая тиранія, съ которой добрые государи Брауншвейга, Гессенъ-Касселя, Аншпаха и Вальдека продали Англичанамъ 20,000 человѣкъ, чтобы сражаться съ нами, — всему этому вы противурѣчите, благородной баронъ, своимъ поступкомъ отъ имени всего народа.

«Къ сожалѣнію, я не могу говорить отъ имени народа» возразилъ Штейбенъ; «я иду самъ по себѣ, какъ отдѣльный, свободный и самостоятельный человѣкъ, не болѣе того, и хочу показать себя на дѣлѣ.»

— Слышали вы, обратился Бомарше къ Франклину, что отвѣчалъ Фридрихъ прусскій, когда его спросили, какъ слѣдуетъ обращатся съ проданными солдатами, проходившими черезъ прусскую область?—«Надо брать за нихъ пошлину, какъ со скота, потому что князья ихъ смотрятъ на нихъ какъ на скотъ, которымъ можно торговать.

Вотъ прочтите голландскую газету, сказалъ Франклинъ, подавая листъ. «Князь Аншпахскій проданныхъ своихъ солдатъ, которые не хотѣли ѣхать, долженъ былъ обезоружить, сковать и съ помощію гвардіи посылать за море; онъ самъ доставлялъ товаръ на корабль, но во всѣхъ голландскихъ городахъ былъ сопровождаемъ бранью.

Темная краска покрыла лице Штейбена при выслушива-

ніи такихъ вещей о своемъ отечествѣ. Онъ положилъ руку на сердце, кипящее горестью и гнѣвомъ, но не могъ ничего возразить.

«Такъ какъ вы вступаете волонтеромъ, обратился къ нему Франклинъ, то я дамъ вамъ письмо къ генералу Вашингтону; и такъ вотъ вамъ моя рука: привѣтствую васъ отъ имени моего отечества.

— Республика будетъ вамъ благодарна, добавилъ Діанесъ.

«Такъ какъ я вступаю безъ всякихъ условій, безъ притязаній на рангъ и безъ ожиданія возмездія послѣ войны, началъ Штейбенъ, и голосъ его зазвучалъ сильнѣе, и осанка сдѣлалась величественнѣе, то не надѣюсь на полугарантію французскаго министерства, равно какъ не разсчитываю на республиканскую благодарность. Республика, можетъ быть, потому не станетъ благодарить, что не признаетъ историческихъ заслугъ. Я готовъ на это. Франція посылаетъ Лафаэта, Польша Костюшко, меня никто не посылалъ, я слѣдую собственному призванію. Отчизна моя, къ сожалѣнію, не въ такомъ единствѣ, какъ Франція; но слава Богу и не такъ раздроблена, какъ Польша. Ропотъ противъ нашихъ державныхъ продавцевъ людей громко раздается. Я надѣюсь приподнести Америкѣ изъ школы моего учителя Фридриха прусскаго дисциплину, послушаніе, умѣренность, когда дѣло идетъ о мирѣ и мужественную рѣшимость, когда зоветъ опасность и побѣда. Я слышалъ что вербовка на короткое время ведетъ за собою постоянныя разстройства. Въ этомъ моя задача. Тамъ только одерживаются побѣды и отвращаются пораженія, гдѣ существуетъ крѣпкій союзъ. Никто не можетъ опредѣлить куда повернетъ военное счастіе, но спокойная, неутомимая и твердая дисциплина войска всегда въ нашихъ рукахъ.

Оба американца и Французъ съ удовольствіемъ слушали эту рѣчь, въ которой слышался дребезжащій, ниспровергающій тонъ Фридриха Великаго.

Внукъ Франклина пришелъ съ скороходомъ принесшимъ письмо. Франклинъ прочелъ его и подалъ Діанесу, который тоже прочелъ вмѣстѣ съ Бомарше. Оно было отъ посланника Великаго герцогства Тосканскаго.

Г-нъ Докторъ Франклинъ.

Аббатъ Никколи проситъ Г-на Франклина сдѣлать ему честь явиться къ нему въ среду 28-го числа въ 9 часовъ на завтракъ. Онъ предлагаетъ добрую чашку шоколаду.

Съ уваженіемъ имѣю честь
Малый Люксембургъ 26 мая 1777.

«У Аббата вы увидите короля Іосифа,» сказалъ Бомарше, и тамъ будетъ также бывшій министръ Тюрготъ, во избѣжаніе всякихъ пересудъ этого свиданія. Онъ самъ мнѣ сказалъ это. Я знаю что король уѣзжаетъ, но изъ этого не должно выдти никакихъ послѣдствій. Я думаю онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые способны принять апостола съ того свѣта въ свободный часъ между завиваньемъ и отправленьемъ въ театръ.»

Франклинъ былъ задумчивъ, и Бомарше сказалъ въ полголоса Діанесу, но такъ что Штейбенъ могъ слышать: «Этимъ свиданіемъ намѣрены воспользоваться; въ залу посланника должно вторгнуться дворянство, а народъ соберется на улицѣ и будетъ привѣтствовать только Франклина, чѣмъ унизитъ короля и сдѣлаетъ невозможнымъ союзъ съ Австріей.» Бомар-

ше былъ такъ восхищенъ этой тонкой хитростію, что Діанесъ напомнилъ ему о томъ, что слѣдуетъ говорить тише, а то Франклинъ не допуститъ этого. Штейбенъ содрогнулся: короля Германіи намѣрены были употребить на то, чтобы еще возвысить любимца народнаго. Онъ обдумывалъ, какъ это уничтожить и въ раздумьи воротился въ Версаль.

ГЛАВА IV.

БРАТЪ И СЕСТРА НА ТРОНѢ.

Кроткое лунное сіяніе лежало надъ Версальскимъ садомъ, гдѣ били фонтаны. Свѣтлый мѣсяцъ гулялъ по небу и соловей пѣлъ въ кустарникѣ. Проникалъ слабый свѣтъ и раздавалась тихая музыка межъ коллонадъ и галлерей сада.

Штейбенъ, не смотря на предостереженія своихъ покровителей и друзей, оставилъ свое убѣжище. Онъ долженъ былъ говорить съ королемъ, или съ однимъ изъ его приближенныхъ, чтобы разрушить преступный замыселъ противъ короля. Онъ не нашелъ никого, потому что во внутреннихъ палатахъ дворца былъ большой праздникъ. Въ безпокойствѣ бродилъ онъ вдоль отдаленныхъ, темныхъ коллонадъ, гдѣ не видно было свѣта изъ оконъ и не слышно ни музыки ни смѣха.

Вдругъ онъ услыхалъ, какъ за кустарникомъ внятно проговорилъ мужской голосъ: «Вы хоть что нибудь выиграли изъ нашей поѣздки, Г-нъ Коллоредо; хоть изучили французскую артиллерію, я же возвращусь домой совсѣмъ бѣднымъ; король также ничего не извлекъ кромѣ знакомства съ нѣкоторыми вольнодумцами, свѣдѣній объ устройствѣ института глухонѣмыхъ, воспитательнаго дома и тому подобной дряни.

— Еслибъ король уѣхалъ сегодня съ шуриномъ на охоту, можетъ онъ еще многое бы выигралъ, началъ другой голосъ,

но ему мало, что онъ былъ у Руссо и Бюффона; непремѣнно хочется еще говорить съ этимъ хитрымъ Франклиномъ.

При этихъ словахъ Штейбенъ подошелъ къ разговаривающимъ и сказалъ:

«Графъ Коллоредо! на полѣ сраженія мы стояли другъ противъ друга, какъ враги, теперь же въ чужой землѣ мы нѣмцы. Я долженъ передать вамъ, передать королю предостереженіе.

«Съ кѣмъ имѣю честь?» спросилъ графъ.

— Имя мое при этомъ совсѣмъ не нужно. Я не могу произносить его изъ предосторожности относительно моихъ друзей, у которыхъ живу. Я долженъ только сказать вамъ, что король долженъ оставить свое намѣреніе видѣться сегодня утромъ съ американцемъ Франклиномъ у аббата Николи.

— Почему же?

— Есть непріязненные замыслы, не могу сказать чьи. Есть люди, которымъ ненавистна любовь французскаго народа къ королю Іосифу. Намѣрены употребить всѣ силы, чтобы дворянство и народъ открыто высказали свое благоговѣніе къ Франклину, а нашего короля оставили въ тѣни, или даже унизили.

— А если король не приметъ во вниманіе этого извѣстія? замѣтилъ шутливо Кобенуль.

«Въ такомъ случаѣ, возразилъ рѣзко Штейбенъ, его окружаютъ невѣрные люди, которые желаютъ, чтобы французы дали ему подобный урокъ.

— Неизвѣстный другъ, сказалъ снова Коллоредо, мы вѣримъ вамъ и предупредимъ короля. Но намъ кажется, что мы должны назвать васъ, какъ свидѣтеля; мы можемъ употребить средства, заставящія васъ назвать свое имя, но отказываемся отъ этого. По выговору вы должны быть Саксонецъ.

Вамъ не угодно сказать свое имя? Даю вамъ честное слово назвать его только королю. Онъ будетъ благодаренъ тайному другу.

«Я только исполняю свой долгъ, какъ нѣмецъ относительно своего государя. Названіе моего имени, которое тогда не могло бы остаться скрытымъ, можетъ повредить моимъ друзьямъ. Позвольте мнѣ вашу руку, графъ, затѣмъ мое «прости» отчизнѣ.» Они пожали другъ другу руки, и Штейбенъ, хорошо знакомый съ темными ходами, быстро исчезъ.

— Ну теперь у насъ приключеніе, Кобенуль, воскликнулъ Коллоредо, смѣясь.

«Но не особенно пріятное, замѣтилъ Кобенуль, это навѣрное былъ шпіонъ. Только удивительно, отчего онъ себя не назвалъ и отрекся отъ награды. Затѣмъ оба пошли во дворецъ и порѣшили въ этотъ вечеръ ничего не говорить королю, чтобы не нарушать праздника.

Іосифъ, оставшійся все время своего пребыванія въ Парижѣ въ гостинницѣ, эти двѣ ночи провелъ въ Версалѣ, чтобы безъ всякой помѣхи поговорить съ сестрой и шуриномъ.

Утромъ послѣ празднества онъ всталъ въ мрачномъ настроеніи духа; онъ слышалъ много насмѣшекъ, что вотъ и будучи королемъ не можетъ воспрепятствовать князьямъ продавать своихъ подданныхъ. Здѣсь какъ всегда и повсюду онъ чувствовалъ безсиліе королевской власти.

Когда Коллоредо сообщилъ ему предостереженіе неизвѣстнаго, онъ засмѣялся, потомъ задумался, но все-таки намѣревался въ девять часовъ быть въ Парижѣ.

Людвигъ XVI еще рано утромъ отправился съ своей охотничьей свитой, потому что охота была его единственная страсть.

Марія Антуанетта, прелестно одѣтая, одна встрѣтила брата въ саду. У ней была высокая прическа на подобіе башни съ

павлиньими перьями и пышное платье; не смотря на свою молодость она, по тогдашнему строгому придворному этикету, была набѣлена и нарумянена. Іосифъ пошелъ съ ней по большой аллеи фонтановъ; придворныя дамы слѣдовали поодаль.

— Ты страшно нарумянена, сказалъ король съ веселой довѣрчивостью.

«А ты готовъ бы снять румяна со всего Парижа,» отвѣтила королева. Ты особенно любишь видѣть свѣтъ въ неглиже.

Король молчалъ. «Я скоро оставлю тебя,» началъ онъ нѣжно. «Я потому отклонилъ приглашеніе на охоту, чтобы еще провести съ тобой по братски эти утренніе часы. По государственнымъ дѣламъ я ничего не сдѣлалъ. У короля весьма добрая, но робкая натура; онъ предпочитаетъ лучше, чтобы обстоятельства его на что-нибудь вынуждали, нежели рѣшаться самому. Морепасъ нашъ врагъ, и если бы даже дѣлами управлялъ Шуазель, то все-таки общественное мнѣніе противъ насъ.

— Общественное мнѣніе все равно, что флюгеръ.

— Можетъ быть, но теперь оно направлено къ западу, къ Америкѣ; никакая сила не можетъ его повернуть къ нашему востоку.

— Я ничего не понимаю на счетъ правленія и великихъ міровыхъ дѣлъ. Король и я, узнавши о смерти Людвига XV-го, бросились на колѣна и молились: «Господи, защити насъ; мы еще слишкомъ молоды, чтобы управлять.

Король трогательно посмотрѣлъ въ лице сестрѣ: глаза ея блистали и во всемъ существѣ просвѣчивала непорочность души. Онъ внутренно думалъ, что ей слѣдовало бы отбросить добродѣтельную гордость, потому что, будучи увѣрена въ своей чистотѣ, она пренебрегала нѣкоторыми житейскими формальностями и придавала цѣну ложнымъ толкамъ.

Тонкія губы королевы выразили недовольство и упрямство. Но вскорѣ она опять смѣялась.

— Іосифъ! воскликнула она лукаво. Ты пріѣхалъ сюда, чтобы прочнѣе скрѣпить союзъ, и что-же ты дѣлаешь? Ты доказываешь что весь нашъ домашній совѣтъ никуда не годная ветошь. Ты пріѣзжаешь въ чужую землю и хочешь, чтобы люди говорили твоимъ языкомъ.

— Съ кѣмъ я желаю быть въ дружбѣ, возразилъ Іосифъ, того долженъ стараться привести къ одинакимъ со мной убѣжденіямъ; въ противномъ случаѣ я не честенъ и не можетъ быть никакой прочности въ нашихъ отношеніяхъ.

— Я знаю ты находишь это вѣрнымъ, а могъ бы взять примѣръ съ твоего антипода.

— Съ антипода? Кто же это?

— Солонъ Пасси. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, который умѣетъ ко всему приноровиться. «Смерти и порицанія не можетъ избѣжать ни одинъ человѣкъ, говоритъ онъ; потому не слѣдуетъ ихъ вводить насильственно. Жизнь и похвала пріятны.» Этотъ Франклинъ хочетъ привлечь насъ.... Поди-ка сюда, Діана, обратилась она вдругъ къ борзой собакѣ. Видишь-ли братъ, кого желаютъ привлечь, тому должны льстить и гладить того, а не бранить и гнать.

— Ты стало-быть тоже поклонница этого доктора Франклина?

— Ни мало! Его добродѣтель, по моему, сурова. Ненапыщенныя выраженія, республиканская оболочка, сѣдовласый старецъ съ кудрявымъ юношей подъ руку,—все это можетъ нравиться Французамъ. Онъ рѣзко отличается промежь маріонетокъ въ изысканныхъ платьяхъ, съ напудренными головами. Но вся эта манія свободы, не болѣе какъ мода, которая завтра же устарѣетъ. Теперь вмѣсто виста, все играютъ

въ бостонъ, въ честь Бостонцевъ, которые первые подняли революцію. И этотъ Франклинъ умѣетъ отлично кокетничать своей простотою.

Іосифъ доказывалъ сестрѣ, что она сама не изъята отъ общаго увлеченія американцемъ, и если трунитъ надъ нимъ, то только чтобы посмѣяться.

— Я знаю, сказала она вдругъ, что ты хочешь сегодня говорить съ Франклиномъ,—прошу тебя, не дѣлай этого: противъ тебя замышляютъ худое.

Іосифъ былъ очень изумленъ, такъ какъ это было уже второе предостереженіе; но все-таки не хотѣлъ остаться. Сестра стала просить его сдержать свое обѣщаніе и посвятить ей утро; ей особенно пріятно быть съ братомъ, потому что въ эти послѣдніе майскіе дни бываетъ всегда такъ грустно. Семь лѣтъ, когда ей было пятнадцать лѣтъ, въ это время дофинъ въѣхалъ въ Парижъ. 30-го Мая на площади Людвига XV-го было раздавлено сто человѣкъ при сожженіи фейерверка, а послѣ около тысячи умерло отъ разныхъ поврежденій. «Это 30-е Мая останется для меня вѣчнымъ ужасомъ; мнѣ кажется что оно точно принесетъ мнѣ несчастіе, заключила она съ грустью. Она точно предчувствовала: черезъ пятнадцать лѣтъ, въ тотъ самый день, на томъ-же мѣстѣ гдѣ случилось несчастіе, ея молодая жизнь была безвинно принесена въ жертву.

Видя сестру столь взволнованной, король велѣлъ отложить карету и остался съ нею.

Между тѣмъ, передъ домомъ тосканскаго посланника собралась огромная толпа, и едва появился Франклинъ, она привѣтствовала его восторженными возгласами. Въ самомъ-же домѣ стѣснилось дворянство, потому-что въ то время и въ этомъ сословіи щеголяли идеями о свободѣ, особенно если

этимъ можно было привлечь дворъ. При томъ же знатные празднолюбцы питали надежду увидѣть отличную театральную сцену между королемъ и республиканцемъ. Не слѣдовало упускать того самодовольствія, съ которымъ впослѣдствіи можно было сказать въ обществѣ: «да, и я пережилъ это!» Пришли также многіе государственные люди и ученые, желавшіе быть свидѣтелями, какъ сойдутся два человѣка, столь различные по возрасту и происхожденію и столь равные по силѣ душевнаго человѣколюбія и какія благія послѣдствія могли быть изъ этого свиданія.

Франклинъ тоже съ трудомъ удерживалъ свое внутреннее волненіе. Это имѣло огромное значеніе для защищаемаго имъ дѣла отчизны, потому что онъ долженъ былъ сознаться, что эта встрѣча съ королемъ относилась только до него одного. И такъ какъ онъ зналъ, что долженъ предстать какъ человѣкъ предъ человѣкомъ, чего желалъ самъ король, то сердце его сжималось желаніемъ всю внутреннюю силу стремленія ко благу людей соединить въ твердую, могучую рѣчь, чтобы въ сердце самовластнаго правителя вложить искру свободомыслія гражданина. Вскорѣ онъ овладѣлъ своими чувствами и спокойно ожидалъ предстоящаго. Часъ пробилъ,—король не являлся; безпокойно ходили туда и сюда; никакой разговоръ не вязался, потому что онъ могъ внезапно прерваться приходомъ короля. Пробило десять, — короля все не было; пробило одинадцать,—напрасныя ожиданія. Бомарше былъ то въ комнатахъ посланника, то на улицѣ съ народомъ, и здѣсь какъ и тамъ колкостями на счетъ придворной жизни умѣлъ раздражить и забавить умы. Вверху онъ насмѣшливо изображалъ, что вотъ и философъ-король мало заботился о томъ, что его ждутъ, точно это такъ и должно быть, чтобы люди изъ за него теряли время; внизу же на улицѣ онъ жесто-

кими словами напоминалъ, что въ Версали навѣрно теперь тѣшатся тѣмъ, что вотъ сволочь ждетъ себѣ такъ понапрасну, да дожидается.

Народъ терялъ терпѣніе: на дворѣ пѣли пасквильныя пѣсни. Царило то безпокойство, которымъ обыкновенно сопровождается отсутствіе обѣщаннаго зрѣлища.

Въ собраніи у посланника острыя рѣчи летали какъ стрѣлы. Франклинъ улыбался, и никакія овацiи, никакія приманки, никакое участіе въ причиненномъ ему оскорбленіи, не заставили его отвѣчать въ томъ-же горечномъ, ненавистномъ тонѣ.

Экипажи отъѣхали, народъ разошелся.

Единственный человѣкъ, стоявшій по-одаль, радовался, что Французамъ не удалась ихъ легкомысленная затѣя относительно короля. То былъ Штейбенъ. Онъ направился къ Пасси, чтобы взять у Франклина обѣщанное письмо къ Вашингтону.

ГЛАВА V.

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

Франклинъ сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, когда вошелъ Штейбенъ. Послѣдній былъ въ веселомъ настроеніи духа, какъ послѣ маленькой побѣды. Это чувство вслѣдствіи сдѣланнаго добра, или устраненнаго зла—освѣжало и слегка волновало его и невольно клало свѣтлый отпечатокъ; рѣчь его лилась свободно и увлекательно.

Франклинъ не показывалъ ни малѣйшей досады на случившееся. Съ внимательнымъ раздумьемъ слушалъ онъ планъ Штейбена относительно его поѣздки и пространное изложеніе того, что онъ намѣренъ былъ предпринять въ Америкѣ. Онъ слушалъ такъ довѣрчиво, съ такимъ участіемъ, что оживлялъ и облегчалъ рѣчь разскащика. Онъ зналъ рѣдкое искусство: умѣнье слушать, воспринимать вѣрно и въ полной мѣрѣ чужія заявленія и въ этомъ умѣньи заключалась не малая доля его привлекательности.

Два мужа въ первый разъ видѣлись и понимали другъ друга настоящимъ образомъ. Франклинъ ясно выражалъ свою радость, что человѣкъ, подобный Штейбену, посвящаетъ себя на служеніе ихъ дѣлу.

Они еще жарко разговаривали, когда доложили о приходѣ адъютанта короля Іосифа. Штейбенъ поднялся; Франклинъ

вручилъ ему письмо къ Вашингтону и искренно пожалъ руку на прощанье. У дверей Штейбенъ столкнулся съ входившимъ адъютантомъ и при взглядѣ въ его голубые глаза радостно встрепенулся и почтительно поклонился.

— Я думалъ что вы одни, г-нъ докторъ. Кто это сей-часъ вышелъ? спросилъ адъютантъ довольно рѣшительнымъ тономъ, притворивши за собою дверь.

Франклинъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и тихо засмѣялся.

— Человѣкъ вашего званія, отвѣчалъ онъ, солдатъ, пожавшій лавры въ битвахъ противъ вашего войска; это баронъ Штейбенъ изъ Германіи.

— Я слышалъ какъ-то разъ это имя. И онъ также хочетъ перейти къ вамъ въ Америку?

— На такой открытый вопросъ, даю откровенный отвѣтъ: конечно. Мнѣ его рекомендовали какъ человѣка съ большими талантами, а намъ такихъ и нужно. Мы видѣли, что съ волонтерами вести войну невозможно, и дѣло кончается пустыми схватками; когда же рѣшено сражаться подъ руководствомъ воли одного человѣка, то въ войскѣ должна быть строгая, неразрушимая дисциплина, безусловное повиновеніе.

— Я радъ слышать это отъ васъ. Стало быть и вы тоже признаете необходимость монархической власти, по крайней мѣрѣ въ войскѣ?

— Конечно; но война не болѣе какъ переходное состояніе.

— Но вѣдь вы допускаете, что и при монархическомъ устройствѣ могутъ защищаться вѣчныя человѣческія права и свобода?

Наступила пауза; молодой человѣкъ и старецъ смотрѣли другъ на друга испытующимъ взоромъ, но вмѣстѣ съ довѣрчивымъ привѣтствіемъ. Они такъ внезапно вступили въ раз-

бирательство высокихъ народныхъ вопросовъ, что должны были пріостановиться, чтобы собраться съ мыслями.

Франклинъ спокойно выдержалъ этотъ испытывающій взглядъ и ждалъ, пока собесѣдникъ снова возобновитъ разговоръ.

— Король Іосифъ желаетъ, началъ гость, познакомиться съ благородными вождями новѣйшаго времени и поучиться у нихъ чему нибудь. Поэтому онъ просилъ передать вамъ, что къ сожалѣнію не могъ быть у аббата Никколи и видѣться съ вами. Онъ желалъ насладиться вашей мудростью, но туда явилось много незванныхъ.

— Я знаю, или по крайней мѣрѣ думаю, что Іосифъ не похожъ на другихъ, себѣ подобныхъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Я никогда не говорилъ съ государями, но слыхалъ, что у нихъ большею частію одно любопытство. Кажется, при воспитаніи ихъ главнымъ образомъ учатъ тому, чтобы никому ни въ чемъ не довѣрять.

— Вы развѣ считаете людей хорошими? спросилъ адъютантъ.

— А вы сами считаете ихъ хорошими? переспросилъ Франклинъ.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите? возразили ему.

— Потому что человѣкъ обыкновенно считаетъ другихъ тѣмъ же, чѣмъ считаетъ себя.

— Я не считаю себя хорошимъ, но могъ бы имъ быть.

— Это самое лучшее. Содержать свое сердце въ чистотѣ, умъ въ ясности—это обязанность человѣка и ведетъ къ добру.

— Вы имѣете счастіе узнавать людей въ отдѣльности и при этомъ оставаться вѣрнымъ себѣ. За вами преимущество быть родоначальникомъ новаго, вступающаго во всемірную исто-

рію племени. Царю нечѣмъ гордиться, когда онъ въ своей личности можетъ говорить «мы:» у него цѣлый рядъ прадѣдовъ, онъ долженъ защищать весь свой народъ. Вы же начинаете собою новый свѣтъ, можете сами создать себѣ судьбу и какъ другъ приблизиться къ человѣчеству. Вамъ можно позавидовать.

— А я съ своей строны скажу: большое счастіе быть одареннымъ властію отъ рожденія и мочь дѣлать неизчислимое добро.

— И это было бы хорошо, когда бы драгоцѣнные камни въ коронѣ отражали благодарственные взоры, кому царь могъ бы быть спасителемъ, помощникомъ и другомъ.

При этихъ воодушевленныхъ словахъ Франклинъ невольно приподнялся, но вскорѣ снова сѣлъ.

— Могу ли я васъ просить объ одномъ? продолжалъ молодой человѣкъ, внезапно переходя въ другой тонъ. Я желалъ бы слышать отъ васъ самаго, какой родъ жизни сдѣлалъ изъ васъ такого, всѣми уважаемаго мудреца? Не можете-ли вы мнѣ вкратцѣ разсказать исторію своей жизни?

— Я старъ и нѣсколько болтливъ, когда начинаю говорить о себѣ; одному кажется важнымъ то, что для другихъ не имѣетъ никакого значенія. Я написалъ замѣтки своей жизни для моего сына, и вы можете ихъ прочесть; по возрасту-же вы тоже могли-бы быть моимъ сыномъ.

Молодой человѣкъ схватилъ руку мудреца и пожалъ ее.

Франклинъ всталъ, взялъ маленькую книжку и подалъ ее гостю съ словами: «Радуюсь, что могу передать это въ ваши руки. Здѣсь, по видимому, все такъ спокойно, а стоило много труда и нужды. Я желалъ бы только облегчить и сократить путь другимъ. Главная задача, надъ которой я трудился всю жизнь и старался доказать ее на дѣлѣ, это то,

что существуетъ *искусство добродѣтели:* добродѣтель не есть даръ природы, равно не пріобрѣтается молитвой, хотя то и другое могутъ ей содѣйствовать. Въ ней должно непрерывно упражняться съ строгимъ отчетомъ передъ собственной совѣстью; если при этомъ не достигаютъ всего, не искореняютъ всѣхъ недостатковъ, то учатся довольствоваться тѣмъ, что могутъ сдѣлать.

Доложили о новомъ посѣтителѣ. Молодой человѣкъ всталъ, взялъ руки Франклина обѣими руками и сказалъ: «Я не долженъ лгать передъ вами; потому скажу вамъ: извините безъискусственную маску,—я самъ король Іосифъ.

— Я это зналъ, отвѣчалъ спокойно Франклинъ, но мнѣ пріятно, что вы это открыли. Разговоръ съ скрывающимся

лицомъ все равно, что разговоръ съ незнакомцемъ въ потьмахъ. Одинъ голосъ не есть еще жизнь; надо видѣть лице человѣка, чтобы понять его и узнать въ дѣйствительности. Я стало быть могу привѣтствовать короля въ моемъ скромномъ жильѣ.

— И вы будете говорить со мной какъ прежде?

— Я тоже сказалъ королю, что сказалъ бы каждому изъ моихъ собратій.

— Да, мы братья, хотя сыны различныхъ церквей и различныхъ странъ, воскликнулъ Іосифъ.

— Мы братья стараго завѣта, отвѣчалъ Франклинъ смѣясь. Братъ мой Іосифъ сдѣлался королемъ, а я Веніаминъ (хотя и не младшій), остался простымъ гражданиномъ.

— Мы воспріемники одного ребенка, сказалъ Іосифъ и разсказалъ крестины на почтовомъ дворѣ.

Франклинъ дружески смѣялся, а король продолжалъ: «Ужасно, что иныя церкви раздѣляютъ брата отъ брата; мы равны передъ Богомъ. Знаете-ли кто наивеличайшіе преступники человѣчества?

— Кого же вы таковыми считаете?

— Тѣхъ, которые хотятъ раздѣлять людей религіей, тогда какъ она должна соединять ихъ. Духовными должны быть тѣ, которые наиболѣе могутъ осчастливить людей, водворять миръ и любовь; а они напротивъ ненавидятъ и стараются преслѣдовать людей другаго вѣроисповѣданія и помрачаютъ только умы.

— Такъ! Но именно потому, что призваніе духовныхъ столь возвышенно и священно, оно такъ искажается, увлекая ихъ въ противоположную сторону. Можетъ, нѣтъ никакого средства разрушить духовную власть, но есть средство завладѣть ею и обратить въ нашу пользу.

— Какое же?

— Основать религію на разумѣ, государственные законы на нравственной силѣ, а не на насиліи. Свободу, честь, человѣколюбіе, словомъ всѣ добродѣтели должны быть въ государствѣ, въ дѣйствительной жизни. Тогда всякій просвѣтится. Не одно Воскресенье будетъ освящено, но и каждый будничный день. Вѣра, честность и вѣрность будутъ царствовать въ житьѣ—бытьѣ, во всякомъ дѣйствіи. Если одинъ человѣкъ и будетъ властвовать надъ другими, то будетъ властвовать во имя закона, а въ законѣ нравственная сила, — божественная сила, превратившаяся въ пламя согрѣвающее наше сердце и просвѣщающее нашъ умъ.

— О, да! то было бы небесное царство на землѣ, воскликнулъ Іосифъ, кладя обѣ руки на плечо мудрецу и глядя въ его блистающее лице. «Мы будемъ работать неутомимо надъ осуществленіемъ этого. Каждый на своемъ постѣ.... Прощай, братъ Веніаминъ.»

— Прощай, братъ Іосифъ! отвѣчалъ старикъ, и оба обнялись и поцѣловались.

Уѣзжая изъ Парижа мимо Пасси, Іосифъ долго смотрѣлъ на домъ Франклина, думая о томъ, удастся ли благородному старцу основать свободу своей отчизны?

Въ глубокой старости умеръ Франклинъ, когда утверждена была свобода въ Америкѣ. Іосифъ же рано сошелъ въ могилу и благородная его дѣятельность изчезла безъ слѣда.

Теперь Американцы снова сражаются за свободу и уже сражаются другъ съ другомъ. Австрія теперь стремится къ основанію государственныхъ правъ на гражданской свободѣ. Тамъ при заключеніи мира будетъ вліять духъ Франклина, а здѣсь воскреснетъ духъ Іосифа въ прочной силѣ закона.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Привѣтъ благосклонному читателю..... 1
Сельскій праздникъ: «Освященіе знаменъ.»..... 3
Послѣднее Рождество Христово въ жизни Геллерта..... 14
Какъ философъ Моисей Мендельсонъ пріобрѣлъ себѣ жену... 43
Одинаковая теплота для всѣхъ..... 45
Дѣтоубійство. (Грустная исторія) (1845)..... 53
Мачиха (Разсказъ)..... 69
—Тяжелый человѣкъ..... 83
—Кумовство..... 97
—Признанія..... 109
—Поѣздка къ невѣстѣ..... 123
—Нашла коса на камень..... 131
—Покинутая..... 143
—Подъ катящимся колесомъ..... 149
—Все устроено и улажено..... 153
—Замкнутость..... 167
—Воспитаніе и любовь..... 171
Гууель и Похель (Ночной эскизъ)..... 183
Жена присяжнаго. (Разсказъ)..... 199
Дерево передъ моимъ окномъ..... 233
Поступленіе въ школу. (Изъ записокъ нѣмецкаго бюргера.).. 261
Дурный посѣвъ. (Дорожный разсказъ.)..... 269
Іосифъ и Веніаминъ. (Разсказъ.)..... 283
Глава I. Крестины..... 284
Глава II. Встрѣча на новомъ мосту..... 293
Глава III Воспитанникъ Фридриха Великаго..... 302
Глава IV. Братъ и сестра на тронѣ..... 313
Глава V. Задушевный разговоръ..... 321

LE D 18

Цѣна 2 руб.

LIBRARY OF CONGRESS
0 024 277 266 0